

**Новосибирский государственный
педагогический университет**

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 2022

Новосибирск

Учредитель: ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Развитие человека в современном мире/Human Development in the Modern World» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-76340 от 19 июля 2019 г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

О. А. Шамшикова, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

Заместитель главного редактора

Д. В. Иванов, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирск

Члены редакционной коллегии

Е. И. Кузьмина, доктор психологических наук, профессор, Москва

Е. Ю. Коржова, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

Е. В. Бакшутова, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор, Самара

С. Ю. Жданова, доктор психологических наук, профессор, Пермь

Н. Я. Большунова, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск

Е. О. Ермолова, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

Ю. М. Перевозкина, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

О. О. Андронникова, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

Члены совета

С. К. Нартова-Бочавер, доктор психологических наук, профессор, Москва

М. К. Кабардов, доктор психологических наук, профессор, Москва

М. М. Решетников, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

А. В. Зобков, доктор психологических наук, профессор, Владимир

Т. И. Миронова, доктор психологических наук, профессор, Кострома

Н. С. Глуханюк, доктор психологических наук, профессор, Екатеринбург

Л. З. Левит, доктор психологических наук, доцент, Минск (Беларусь)

Л. В. Лидак, доктор психологических наук, профессор, Пятигорск

И. Г. Соловьева, доктор медицинских наук, профессор, Новосибирск

М. Г. Чухрова, доктор медицинских наук, профессор, Новосибирск

Журнал основан в 2017 г.
Выходит 4 раза в год
Компьютерная верстка И. Т. Ильюк
Редактор И. Ю. Баранов
Адрес редакции, издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28,
8 (383) 244-00-95.
E-mail: razv.cheloveka.journal@nspu.ru

© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2022
Все права защищены

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 8,8. Уч.-изд. л. 6,3.
Тираж 1000 экз. Заказ № 171.
Формат 70x108/16.
Цена свободная
Дата выхода в свет: 07.02.2023
Отпечатано в Издательстве НГПУ

**Novosibirsk State
Pedagogical University**

HUMAN DEVELOPMENT IN THE MODERN WORLD

SCIENTIFIC PERIODICAL JOURNAL

№ 4 2022

Novosibirsk

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education
Novosibirsk State Pedagogical University

The journal "Human Development in the Modern World" is registered by Federal service
on supervision in sphere of communication, information technologies
and mass communications PI № FC77-76340 from July, 19th, 2019

The journal is placed in the Scientific electronic library and is included
in the Russian Scientific Citation Index

EDITORIAL BOARD

Editor in chief

O. A. Shamshikova, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

Assistant of the Editor-in-chief

D. V. Ivanov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk

Editors

E. I. Kuzmina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow

E. Yu. Korzhova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg

E. V. Bakshutova, Doctor of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Samara

S. Yu. Zhdanova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Perm

N. Ya. Bolshunova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

E. O. Ermolova, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

Yu. M. Perevozkina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

EDITORIAL COUNCIL

Chairperson

O. O. Andronnikova, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

Council members

S. K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow

M. K. Kabardov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow

M. M. Reshetnikov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg

A. V. Zobkov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Vladimir

T. I. Mironova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Kostroma

N. S. Glukhanyuk, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Ekaterinburg

L. Z. Levit, Doctor of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Minsk, Belarus

L. V. Lidak, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Pyatigorsk

I. G. Solovyova, Doctor of Sci. (Medicine), Professor, Novosibirsk

M. G. Chuhrova, Doctor of Sci. (Medicine), Professor, Novosibirsk

The journal is based in 2017

Leaves 4 yearly

Electronic make-up operator I. T. Iliuk

Editor I. Yu. Baranov

Editors address, publisher and printing house:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28,

т. (383) 244-00-95

E-mail: razv.cheloveka.journal@nspu.ru

Printing digital. Offset paper

Printer's sheets: 8,8. Publisher's sheets: 6,3.

Circulation 1000 issues. Order № 171.

Format 70×108/16

Release date 07.02.2023

Printed by Publishing House of the NSPU

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ

- Белашина Т. В., Рыжкова С. Р.* (Новосибирск, Россия) Личностные корреляты склонности к риску у военнослужащих летного и наземного состава..... 7
- Нещадим Д. В., Шапко В. С.* (Новосибирск, Россия) Романтическая любовь в контексте химической зависимости 27
- Ермолова Е. О., Кравец А. А.* (Новосибирск, Россия) Теоретические подходы к изучению эмоционального интеллекта 33
- Султанова А. Н., Чухрова М. Г., Филь Т. А., Александрова А. А.* (Новосибирск, Россия) Особенности регуляции эмоций и соматизации аффекта: сравнительный анализ у разных групп испытуемых 40

ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Александрова А. А., Калашников В. М.* (Новосибирск, Россия) Сравнительный анализ ценностных ориентаций личности разных возрастных групп..... 51

ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- Попкова Д. В., Володина О. А.* (Новосибирск, Россия) Возможности профессионального развития студентов вузов и формирования коллективов студенческих групп в процессе совместной проектной деятельности..... 60

ИЗ ПОРТФЕЛЯ РЕДАКЦИИ

- Левит Л. З., Сапего Е. В.* (Минск, Белоруссия) Один день из жизни: психологический взгляд на экономическую формулу..... 79
- Соковикова Н. В.* (Симферополь, Россия) Развитие традиционных культовых танцев в преломлении окон Овертона..... 89

CONTENTS

GENERAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGY

<i>Belashina T. V., Ryzhkova S. R.</i> (Novosibirsk, Russia) Personal correlates of risk appetite in servicepersons of the air and ground staff.....	7
<i>Neshchadim D. V., Shashko V. S.</i> (Novosibirsk, Russia) Romantic love in the context of chemical dependency.....	27
<i>Ermolova E. O., Kravets A. A.</i> (Novosibirsk, Russia) Theoretical approaches to the study of emotional intelligence.....	33
<i>Sultanova A. N., Chukhrova M. G., Fil T. A., Alexandrova A. A.</i> (Novosibirsk, Russia) Features of regulation of emotions and somatization of the affect in patients of the psychic and somatic component	40

PROBLEMS AND ISSUES OF AGE PSYCHOLOGY

<i>Aleksandrova A. A., Kalashnikov V. M.</i> (Novosibirsk, Russia) Comparative analysis of the value orientations of individuals in different age groups.....	51

PROBLEMS AND QUESTIONS OF EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND THE PSYCHOLOGY OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

<i>Popkova D. V., Volodina O. A.</i> (Novosibirsk, Russia) University students opportunities for professional development and the formation of student groups teams in the process of joint project activities.....	60

FROM THE EDITORIAL PORTFOLIO

<i>Levit L. Z., Sapego E. I.</i> (Minsk, Belarus) One day from life: a psychological view on the economical formula.....	79
<i>Sokovikova N. V.</i> (Minsk, Belarus) How Overton windows work in traditional dance	89

Развитие человека в современном мире. 2022. № 4
Human Development in the Modern World. 2022. no. 4

Научная статья

УДК 159.95

Личностные корреляты склонности к риску у военнослужащих летного и наземного состава

Татьяна Валентиновна Белашина

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, tatyanelashina@mail.ru*

Светлана Романовна Рыжкова

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, lanalana17739@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи между личностными особенностями и склонностью к риску у военнослужащих летного и наземного состава. Представлен обзор теоретических и эмпирических исследований, раскрывающих проблему проявления черт личности и склонности к риску. Приведены результаты эмпирического исследования на выборке, которую составили 60 человек – военнослужащие мужского пола в возрасте 30–45 лет, из них 31 – военнослужащие летного состава (ЭГ-1), 29 – военнослужащие наземного состава (ЭГ-2). Методы: при помощи сравнительного анализа с применением непараметрического U-критерия Манна–Уитни были выявлены различия и определены особенности проявления личностных черт и параметров склонности к риску у испытуемых двух эмпирических групп. При помощи корреляционного анализа rs-Спирмена выявлены значимые взаимосвязи между личностными особенностями и склонностью к риску у военнослужащих летного и наземного состава. Результаты: проведенный сравнительный анализ позволил установить, что существуют особенности в проявлении исследуемых параметров у испытуемых ЭГ-1 (летный состав) и ЭГ-2 (наземный состав). При анализе корреляционных зависимостей были определены наиболее содержательные конфигурации взаимосвязей между параметрами личностных особенностей и склонности к риску у испытуемых в каждой эмпирической группе.

Ключевые слова: личность, склонность к риску, военнослужащие летного состава, военнослужащие наземного состава, сравнительный анализ, корреляционный анализ.

Для цитирования. Белашина Т. В., Рыжкова С. Р. Личностные корреляты склонности к риску у военнослужащих летного и наземного состава // Развитие человека в современном мире. 2022. № 4. С. 7–26.

Original article

Personal correlates of risk appetite in servicepersons of the air and ground staff

Tatiana V. Belashina

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,
tatyanelashina@mail.ru*

Svetlana R. Ryzhkova

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,
lanalana17739@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the research of interrelation between personality traits and propensity to risk in servicemen of flying and ground staff. The review of theoretical and empirical studies revealing the problem of personality traits and risk propensity is presented. The results of empirical study on the sample which consisted of 60 male servicemen aged 30-45 years old, 31 of them were servicemen of the flying staff (EG-1), 29 were servicemen of the ground staff (EG-2) are presented. Methods: by means of comparative analysis using nonparametric U-criterion Mann–Whitney, differences were revealed and peculiarities of personality traits and risk propensity parameters in the subjects of the two empirical groups were determined. The correlation analysis rs-Spearman revealed a significant correlation between personal traits and the propensity to risk among the flight crew and the ground staff. Results: the conducted comparative analysis made it possible to establish that there are peculiarities in manifestation of the examined parameters in the examinees of EG-1 (flying staff) and EG-2 (ground staff). The analysis of correlation relationships identified the most meaningful configurations of interrelations between the parameters of personality traits and risk propensity in the examinees in each empirical group.

Keywords: personality, risk appetite, flight personnel, ground personnel, comparative analysis, correlation analysis.

For citation. Belashina T. V., Ryzhkova S. R. Personal correlates of risk appetite in servicepersons of the air and ground staff. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 4, pp. 7–26. (In Russ.)

Введение. Современная общественно-политическая обстановка не только не снижает, но и зачастую увеличивает риски в осуществлении деятельности по обеспечению безопасности государства и общества. Риск сопутствует военнослужащим и в условиях военного времени, и в условиях мирной жизни. Имея достоверную информацию о складывающейся обстановке, зная и соблюдая необходимые правила безопасности, следуя требованиям общевоинских уставов и распоряжений, можно попытаться минимизировать риски, исходящие извне, но по-прежнему остается актуальной проблема минимизации рисков, связанных с внутренним, человеческим фактором. В этом контексте, несомненно, одним из важнейших выступает процесс формирования поведенческой стратегии человека в соответствии с готовностью к риску, (готовностью как регулятора поведения).

На сегодняшний день, несмотря на существование целого ряда психологических теорий и концепций, раскрывающих представления о понятии «риск», не существует единого, общепринятого определения. Исследования риска и склонности к риску

представлены в области экономических, юридических, технических наук, в сфере политологии, психологии, социологии и др. В этой связи термин «риск» целесообразно отнести к междисциплинарному [11, с. 332].

В современных исследованиях склонность к риску изучается как специфическое качество личности, которое играет важную роль в осуществлении профессиональной деятельности, подверженной особому риску. В то же время понятие «риск» отождествляется с негативными личностными свойствами, которые недопустимы для некоторых видов профессий, предполагающих особую предусмотрительность и конфиденциальность. По причине большего количества трактовок к пониманию сущности феномена «риск», это понятие можно отнести к одному из самых востребованных направлений в современных психологических исследованиях [35].

Так, психологическая литература рассматривает склонность к риску в качестве специфического свойства личности, которое обладает следующими характерными особенностями: автономность (способность индивида сознательно подвергаться риску, ставя под угрозу какое-либо благосостояние), стремление к превосходству, экспрессивность, потребность в успешности. Риск, будучи личностным свойством, может находить свое проявление в самых разнообразных аспектах. Так, М. Цукерман, анализируя подверженность к риску, рассматривал этот феномен в качестве особой личностной потребности в получении экстраординарных ощущений, в процессе которого испытывается особое удовлетворение [15, с. 5].

Ученые-медики из США (медицинская школа Йельского университета) выявили специфический отдел головного мозга, который, по их мнению, осуществляет регуляцию поведения индивида, склонного к рискованным действиям. Так, имеются особые мозговые структуры, которые определяют степень рискованности для каждого конкретного индивида. Для подтверждения теории было проведено практическое исследование, в которое были включены участники женского и мужского пола разных возрастных категорий. Каждому из испытуемых были предложены задания, в рамках которых требовалось действовать в особых, рискованных условиях. Параллельно велась функциональная диагностика коры головного мозга в форме МРТ. По результатам обследования каждого участника был сделан вывод: склонность к риску проявилась у участников, обладающих увеличенной теменной зоной. Кроме того, проведена параллель и относительно возрастных особенностей испытуемых: чем старше был участник, тем меньше проявлялось у него рискованное поведение, что было обусловлено постепенным истончением теменной коры.

В свою очередь, ученые Швейцарского и Германского медицинских университетов продолжили научное исследование относительно влияния возрастных показателей на характер проявления риска. Было проведено анкетирование среди 150 тыс. человек в возрастном диапазоне от 15 до 99 лет и проживающих в 77 государствах. Вопросы анкеты позволяли исследовать предрасположенность к риску в соответствии со специальной шкалой: от 1 до 6. В ходе эксперимента были проанализированы условия каждой страны, в которой проживал тот или иной участник, в частности уровень доходов, показатели смертности, заболеваемости и пр. В результате был сделан вывод о том, что наибольшей предрасположенностью к риску обладают участники, имеющие низкий уровень благосостояния, пребывающие в условиях общественного неравенства. Эта тенденция наблюдалась и у граждан преклонного возраста. При этом в странах с достаточно высоким уровнем благосостояния предрасположенность к риску снижается по мере взросления индивида. Эта ситуация

характерна для таких стран, как США, РФ, ФРГ и т. д. В свою очередь, в странах с низким уровнем развития (например, Эфиопия, Афганистан, Мали и др.) предрасположенность к риску остается неизменной даже в преклонном возрасте [18, с. 170].

Склонность к риску, как правило, рассматривается в качестве врожденной особенности личности, которая позволяет определить сложившиеся обстоятельства как благоприятные для риска или, наоборот, негативные.

С позиции Т. В. Корниловой, обладая особой предрасположенностью, в структуре личности может образоваться склонность к риску на стабильной основе. Рискованность, будучи основополагающей характеристикой риска, выступает в качестве целостного личностного свойства. Тем не менее, существует версия, в рамках которой склонность к риску оказывает благоприятное влияние на личность, поскольку позволяет расширить потенциал индивида в условиях современной действительности [23].

«Психологические словарь» дает следующую трактовку понятия «риск»: «Риск – ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха» [9, с. 430]. В соответствии с этой трактовкой, на сущность феномена риска указывают следующие характеристики:

1) риск выступает в качестве прогнозируемого благосостояния в условиях непродуктивной деятельности. Его сущность определяется комбинацией поражения и уровня негативных последствий;

2) риск, будучи определенным действием, в определенной степени может способствовать тем или иным потерям [13].

В рамках психологических исследований, в качестве риска предполагается действие, ориентированное на достижение определенного результата. Этот результат сопряжен с опасностью в форме поражения. В этой связи, действие, не связанное с риском, не несет в себе потенциальную опасность. Научные психологические исследования определили, что человек склонен к риску в тех обстоятельствах, когда он осознает, что только благодаря его усилиям можно достигнуть той или иной цели.

Психологическая наука выделяет два основных вида риска:

1) мотивированный, предполагающий одномоментные блага. К примеру, принятие внезапного для врага действия в ходе военной операции;

2) немотивированный, присущий для творческой либо умственной деятельности. К примеру, художественный риск продюсера [19, с. 79].

Таким образом, феномен риска в рамках психологических исследований рассматривается в тесной взаимосвязи с поступками индивида, его потребностями, мировоззрениями и позволяет дать объективную оценку действиям, которые были уже осуществлены либо только планируются. Все вышеуказанное позволяет сделать выводы, что проблема готовности к риску в настоящее время остается недостаточно изученной и перспективной для дальнейших экспериментальных исследований, в том числе и в области анализа ключевых социально-психологических и индивидуальных личностных свойств, которые регулируют поведение индивида в ситуации риска [5].

Термин «готовность к риску» впервые был сформулирован в научных трудах европейских исследователей. Так, 1960-е гг. были ознаменованы становлением нового исследовательского направления, которое анализировало обстоятельства, ведущие к проявлению несчастных случаев. Был сделан вывод о том, что «готовность к ри-

ску» возникает на основе определенных обстоятельств, между тем основывается на специфических личностных качествах: мотивационная составляющая, авторитетность, импульсивность и пр. Структура готовности к риску представлена в научных исследованиях немецкого психолога Шмидта. Так, готовность к риску формирует три основные составляющие [34]:

- 1) психическую готовность к риску, связанную с готовностью противостоять угрозе своей телесной неприкосновенности;
- 2) социальную, связанную с готовностью действовать непривычным образом, не обращать внимание на штампы или одобрение других;
- 3) финансовую, как готовность к исходам с рисками, которые нельзя подсчитать, или беззаботностью в обращении с деньгами [22, с. 141].

С позиции Г. Айзенка, готовность к риску выступает в качестве особой предрасположенности к получению необычных и ярких впечатлений, не связанной с аффектами, а в большей степени обусловленной особенностями темперамента [3]. При этом важно отметить, что готовность к риску проявляет специфику деятельности. Так, для военнослужащих характерна более высокая ее степень, нежели у курсантов.

Характер проявления риска в поведении человека зависит от следующих факторов: специфика задачи, сложившиеся внешние обстоятельства, индивидуальные особенности личности, степень воздействия окружающих. Риск в психологических исследованиях рассматривается всегда с точки зрения конкретных обстоятельств. Риск может становиться угрозой, если человек становится не в состоянии отвечать за последствия своего решения [36].

В. А. Перовский рассматривал понятие «готовность к риску» в качестве «динамической структуры, определяемой активностью непосредственно субъекта, причем отнюдь не его рациональностью или иррациональностью» [25, с. 373]. Процесс функционирования ситуации риска может принимать разные формы: от немедленного реагирования до осознанного отношения к возможности появления риска.

В. Лефевр смоделировал ситуацию риска следующим образом: человек может рисковать по причине какой-либо ситуации, но окончательный выбор все-таки остается именно за ним самим. Угроза обусловлена некоторой неясностью [27, с. 244]. Можно заключить, что если принятие решения в первую очередь находится во власти непосредственного самого субъекта, то опасные условия начинают граничить с риском. С психологической точки зрения риску во всех случаях сопутствует тревожность, возникающая в результате предчувствия негативного результата. Уровень риска можно представить в качестве стоимостного отношения того выбора, который был сделан в опасных условиях. Такая модель дает возможность предположить, какой выбор может быть сделан.

В соответствии с подходом П. К. Анохина, теория функциональных систем отражает структурные характеристики поведения. Так, исследователь различал два типа систем. В рамках первого типа сохранение равновесия осуществляется посредством внутреннего потенциала организма, в рамках второго – вследствие трансформации поведенческих характеристик. Так, в поведении отражается целенаправленность и инициативность индивида. На поведение личности в условиях тех или иных обстоятельств оказывает существенное влияние положительный или негативный эмоциональный опыт. В условиях появления риска индивид принимает решение, которое возможно осуществить, если человек обладает в достаточной мере сформированными волевыми качествами [4].

Представления о риске, будучи склонностью к его проявлению, выступают в качестве основополагающего элемента личностной структуры. Эти представления находят свое проявление специфическом видении субъектом определенных обстоятельств и способствуют его адаптации самоидентификации в них. На процесс осознания и принятия риска влияют сложные подструктуры, обладающие психологическим, биологическим и социальным характером. М. А. Кленова обнаружила взаимосвязь представлений о риске с имеющимся опытом субъекта [21].

Специализированные исследования позволили определить, что человеку не свойственен риск, если возможный ущерб будет достаточно высоким. В свою очередь риск будет свойственен человеку в тех обстоятельствах, в которых велика возможность приобрести какую-либо выгоду. Или, в соответствии с исследованиями О. Ренна, объем риска находится в прямой зависимости от личностной оценки возможности наступления того или иного явления.

Другие исследования в этом направлении позволили определить, что осознание риска обусловлено человеческой пристрастностью или подверженностью. Ощущения, которые может испытывать человек в ситуации риска, как правило, следующие: волнение, тревожность, адреналин. Если говорить о мотивах риска, то доминируют любовь, отчаяние и жизнь.

Восприятие риска во многом обусловлено характером общества, в котором проживает субъект, а также его культурными условиями. На личностное восприятие риска оказывают влияние особенности психики, а также частота возникновения рискованных обстоятельств, наличие/отсутствие какого-либо принуждения, общественный статус субъекта и пр. Субъект может откликаться на риск не с позиции его общественного или научного восприятия, а с точки зрения его субъективного опыта.

А. П. Альгин полагал, что в тех организациях, где риск принимается за норму, персонал на регулярной основе способен к принятию активных и продуктивных решений в сравнении с сотрудниками, для которых риск подразумевает «общественный вред». Так, для личностного восприятия риска наибольшее значение оказывает величина неблагоприятного исхода, нежели шанс его возникновения [1].

На социальное восприятие риска в большей степени оказывает влияние «семантический образ», поскольку в привычном понимании риск может принимать самые разнообразные толкования. Так, в психологических словарях понятие риска отождествляется с действием, которое предполагает достижение значимого для субъекта результата, получение которого связано с определенной степенью угрозы. Учеными различается четыре разновидности семантических образов:

1. Риск выступает как внезапная опасность, которая может повлечь за собой негативные последствия в условиях отсутствия времени для их устранения. Такой семантический образ находится в тесной взаимосвязи с искусственно созданным риском, который обладает наибольшей отрицательной направленностью и не носит стихийный характер. Он рассматривается в качестве «повсеместного» и, соответственно, его возможно предугадать. С этим образом риска ассоциируются прежде всего различные АЭС.

2. Риск представляется главным образом в качестве потенциальной опасности для благосостояния человека. Как правило, эффект приходится на необозримое будущее и может «атаковать» сравнительно небольшое количество человек. С такого рода рисками человек знакомится посредством чьего-то опыта. Основополагающим моментом для такого рода риска является определенный уровень достоверности ин-

формации в его отношении. При отсутствии объективности, общество может требовать незамедлительного реагирования и возлагать ответственность непосредственно на источник, распространивший ту или иную информацию. В качестве примера можно привести пищевые добавки [23, с. 112].

3. Риск анализируется с точки зрения соотношения прибыли и убытков. Такой образ применяется человеком в рамках финансовых операций.

4. Четвертая группа представлена приверженностью некоторых людей целенаправленно испытать ощущения, связанные с риском. Такие риски характерны для всех развлекательных мероприятий, которые предусматривают разрешение ситуаций, сопряженных с опасностью. Также характеризуются отсутствием какого-либо принуждения и осуществлением личностного управления риском.

В процессе оценки тех или иных обстоятельств, сопряженных с риском, человек прежде всего применяет свой ранее накопленный опыт и впечатления и на их основе делает свой выбор. Основопологающим моментом при этом является наличие либо отсутствие доступа к тому или иному опыту, что получило название в психологической науке «эвристика доступности». Так, с наибольшей легкостью запоминаются яркие и нетрадиционные явления, что сопряжено с ростом их рискованности. Однако несмотря на наличие того или иного опыта всегда существует вероятность недооценки неоднозначности ситуации.

В психологии существует явление интуиции, выступающей в качестве особого варианта взаимодействия с неоднозначными обстоятельствами. По мнению В. Эгора, интуиция выступает в качестве особой модели опыта, которую субъект использует в процессе осуществления выбора [29]. В исследованиях Г. Клэкстона интуиция определяется в качестве непровольного и непреднамеренного применения полученного ранее опыта в целях осуществления того или иного сложного вида деятельности [38]. Э. Бейлор полагает, что действие под руководством интуиции не осуществляется механически несмотря на то, что на основе опыта интуиция формируется в качестве специфического элемента знания [20].

Восприятие риска на интуитивном уровне не является однозначным процессом, его нельзя ограничивать соотношением возможности и последствия.

Интуитивное понимание риска многомерно, оно не может быть сужено до произведения вероятностей и последствий. Тем не менее, на основе интуиции существует вероятность сделать неверный выбор. Обосновать, по какой причине было принято конкретное решение, становится возможным лишь по факту его исхода.

В исследовании А. В. Врублевского упоминается, что понятия «готовность к риску» и «склонность к риску» зачастую недостаточно дифференцированы. Различный по содержанию смысл придают специалисты-психологи термину «готовность». В одних исследованиях готовность к риску определяют как свойство личности, а через это определение, соответственно, приобретает смысловое значение и рассматривается такая категория, как «подготовленность». В других научных трудах можно найти готовность к риску в числе свойств личностной саморегуляции. Она (готовность к риску) при этом связана с выбором в условиях неопределенности в виде одной из вариативных поведенческих стратегий и проявляется на стадии принятия решений. Третьи считают готовность к риску свойством надситуативной активности субъекта [11].

Е. П. Ильин не склонен считать «готовность к риску» и «склонность к риску» синонимами, более того, считает это ошибочным, объясняя свою точку зрения тем,

что не всегда «готовность к риску» может быть соотнесена с установкой личности и склонностью к риску [19, с. 86]. Принимая во внимание тот факт, что существует определенное расхождение между двумя этими понятиями, важно понимать, что готовности к риску не характерно необоснованное появление, а подразумевается определенная тактика поведения в неоднозначных обстоятельствах. Таким образом, при отсутствии личностной склонности состояние готовности к риску возникать не может.

Готовность к риску выступает в качестве основополагающей личностной характеристики, что предполагает управление поведением субъекта в ситуации риска. Так, для каждого субъекта характерен собственный взгляд на те или иные обстоятельства, которые дают ему возможность приспособливаться к ним. На процесс восприятия риска существенное влияние оказывают сложные явления, которые обладают психологическим, биологическим и социальным характером. Научные разработки Н. Л. Пузыревич, И. Б. Бовиной, М. А. Кленовой свидетельствуют о том, что представления о риске как у отдельных субъектов, так и в обществе напрямую связаны и зависят от наличия предыдущего опыта рискованного поведения и его результативности. Н. Л. Пузыревич подчеркивает, что рискованное поведение может быть «конструктивным и неконструктивным» [31].

В работе И. Б. Бовиной отмечается, что в молодежной среде на уровне представлений риск не связан с угрозой здоровью или самой болезнью. Скорее он связывается с более тяжелыми и крайними последствиями (например, смерть). Этот результат позволяет говорить о том, что в превентивных и профилактических программах важно учитывать тот факт, что в представлениях молодежи проблемы здоровья и болезни существуют вне связи с риском. Риск на уровне представлений имеет два аспекта: с одной стороны, он обладает социальной ценностью, с другой – обладает негативной коннотацией [14].

В исследованиях М. А. Кленовой говорится об имеющихся различиях в вопросе понятия и принятия риска и рискованного поведения у людей разных возрастных групп: «молодое поколение обращает внимание на трудности, связанные с риском, а представители самого старшего поколения определяют риск как жизнь. Кроме того, с возрастом риск в большей степени воспринимается как благо: можно сказать, что это зависит от так называемого «опыта риска». Люди, говорящие о том, что часто рисковали, в большинстве случаев представляют риск как благо [21, с. 98]. Это значит, что, несмотря на снижение готовности к риску с возрастом, представители старших поколений воспринимают его как неизбежность, как возможность, а порой и необходимость.

Также при рассмотрении взаимосвязи готовности и мотивации риска установлено, что на мотивы риска оказывает возраст субъекта. Так, для «молодого» возраста характерны имущественные мотивы, для возрастного этапа от 30 до 44 лет характерно преобладание финансового мотива, а для людей преклонного возраста на главном месте стоит нравственный мотив.

Теме различных репутационных опасностей и возможных рискованных ситуаций для личности, возникающих в процессе взаимодействия в малых социальных группах, посвящено исследование Е. В. Рягузовой. Автором подчеркнута, что существуют отличия между репутационными рисками, которые возможно лично измерить, и репутационными опасностями, которые характерны для общества и являются собой определенную опасность [32].

Исследования Е. Е. Бочаровой свидетельствуют о том, что на готовность к риску влияют прежде всего не специфика саморегуляции субъекта, а преобразования, происходящие внутри ее структуры. Ощущение личностной неудовлетворенности способствует активизации механизма саморегуляции в обстоятельствах, сопряженных с риском [10].

Как считает А. В. Лебедева, «зная, что в процессе выявления и оценки рисков люди склонны использовать субъективные измерения даже в том случае, когда они работают со статистическими данными», вполне реально оценить общую степень готовности к риску в рамках заданных полномочий на этапе приема на работу в организацию (подобный подход применим и в случае приема граждан на военную службу) [17]. Также вполне реально и полезно прогнозировать отношения людей к тому или иному риску, что позволит исключить привлечение людей с высокой степенью готовности к риску в ситуациях, когда риск необходимо исключить.

В. А. Балашова и А. А. Звездина, исследуя склонность к риску у будущих оперативных сотрудников полиции, определили, что желание получить новые яркие эмоции могут привести к возникновению предрасположенности к риску у будущих оперативных сотрудников [6]. Также в работе подчеркивается вторичность этой характеристики субъекта, несмотря на ее значимость и устойчивость. Далее в их работе делается следующее заключение: совокупность обоснованной склонности к риску, достаточного уровня мотивации в условиях конфликтных ситуаций (которые характерны для такого вида профессиональной деятельности) составляют основу для формирования готовности к борьбе с препятствиями в неоднозначных обстоятельствах, в условиях противостояния во взглядах (т. е. речь идет уже о готовности к риску). Выводы и рекомендации, приведенные в работе, вполне применимы и для использования при профессиональном отборе сотрудников и военнослужащих Росгвардии, а также в деятельности военных психологов с сотрудниками и военнослужащими Росгвардии.

Рассматривая связь готовности к совершению рискованных поступков с психологическими особенностями личности, А. В. Яныхбаш описывает групповую специфику характеристики «поиск ощущений», подчеркивая ее роль как предиктора рискованного поведения. По результатам исследования сделан вывод о том, что рискованное поведение имеет адаптивное значение и используется как средство для повышения статуса в группе [37].

Любопытные результаты отражены в исследовании Т. П. Авдуловой. Рассматривая роль рискованного поведения в социализации и становлении идентичности подростков, автор указывает, что зарождение рискованного поведения происходит в начале пубертатного периода и сопровождает человека в течение всего процесса взросления. То есть, зарождаясь как декларация «самости», декларация «Я» в раннем возрасте, рискованное поведение под влиянием различных факторов перерастает зачастую в установку и мобилизацию на деятельность (действия). Исследование показало, что у подростков в принципе не был обнаружен низкий уровень готовности к риску. Только высокий – 44 % подростков и средний – 56 % [2].

Изучение взаимосвязей готовности к риску с особенностями личности позволило автору установить значимые связи готовности к риску с высокой (зачастую завышенной) самооценкой, высоким уровнем притязаний, что, по мнению исследователя, связано с не вполне адекватными, недостаточно критичными представлениями молодых людей о себе. Еще одним интересным результатом указанной работы

Т. П. Авдуловой явился тот факт, что в результате дополнительно проведенного анализа у подростков, характеризующихся асоциальным поведением, выявлена условная нормативность готовности к риску (несмотря на то, что степень готовности к риску у этой категории молодых людей в среднем выше, чем у подростков из «благополучных» семей, разница между ними, выявленная в ходе исследования, не является существенной) [2, с. 110]. Распространенность рискованного поведения в подростковом возрасте находит свое подкрепление и в других исследованиях, что подчеркивает возрастную закономерность возникновения опасного поведения.

Проводя исследования риска среди групп людей, осуществляющих разные социально-профессиональные роли, исследователь А. Г. Ниазашвили приходит к выводу, что готовность к риску в разных социальных группах проявляется по-разному. В своем исследовании автор изучает готовность к отдельным видам риска (нормативно-обыденному и экстремальному) и различия в стратегиях их преодоления различными группами людей. Рассматривая в рамках исследования взаимосвязи конформизма и личностных характеристик сотрудников полиции, которые мотивируют их поведение, В. Л. Линевиц отмечает, что конформность респондентов-мужчин по результатам проведенного исследования обусловлена склонностью избегать негативных последствий в конфликтах и неготовностью к риску и наоборот [26].

Исследуя соотношение самоорганизации студентов и готовности к риску в ситуации пандемии от их готовности к риску, М. Л. Залесский анализирует уровень индивидуальной готовности к риску студентов и факторы, которые могут на него повлиять [16]. Исследователь обосновывает важность учета уровня готовности к риску аудитории при планировании учебного процесса. Рассматривая готовность к риску среди водителей автотранспортных средств, Р. А. Жирков и Н. К. Кубдашева в целях повышения безопасности дорожного движения предлагают авторскую методику для выявления и своевременного отстранения от управления транспортными средствами лиц, имеющих опасную предрасположенность к риску [33, с. 171].

Обращаясь к вопросу готовности к риску и рассматривая ее как профессионально-личностную особенность и причину профессиональной деформации, отдельные авторы указывают, что готовность к риску работников МЧС зависит от социального опыта личности, ее мотивационной сферы, уровня тревожности, эмоциональной устойчивости, локуса контроля, связывают с ней опасность «профессионального выгорания».

Интересные результаты представлены в исследовании А. П. Кушнарера, который анализировал зависимость результата профессионального труда сотрудников профессий, сопряженных с высокой степенью риска, от их личностных характеристик, проявляющихся в чрезвычайно опасных условиях. Эффективность труда сотрудников данного звена обусловлена рядом личностных качеств: агрессия в сочетании высокой степенью самоконтроля, способность быстро усваивать новые знания, легко адаптироваться к новым условиям профессиональной деятельности. Обозначенные личностные характеристики выступают в качестве эффективного результата образования и индивидуальных особенностей психики сотрудников [24].

Вопросу соотношения нормативности поведенческих характеристик и готовности пойти на риск среди сотрудников полиции посвящена работа Т. П. Мараловой [28]. В исследовании было установлено, что высокий уровень нормативности поведения отрицательно связан со склонностью к нарушению норм и саморазрушающему поведению и положительно – с готовностью к разумному риску. Результаты

исследования готовности к риску студентов с разными типами ценностных ориентаций отражены в работе Ю. В. Горжий и Е. П. Пчелкиной. Авторы считают, что готовность к риску в большей степени характеризует молодых людей с наиболее развитыми ценностными ориентациями, но поскольку выраженность готовности к риску характеризует зависимую личность, то в качестве предварительного вывода предполагают, что личностный рост человека, самосовершенствование, поиск себя в студенческие годы не избавляют молодежь от вероятности искаженного развития, например, формирования зависимости. Тут необходимо заметить, что авторы косвенно подтверждают мысль о том, что, возникнув в подростковом возрасте, в качестве декларации «самости», оформившись под воздействием различных факторов, готовность к риску может не только не пропасть, но и усилиться и стать одной из отличительных личностных черт [12].

Изучая проблему, связанную с выявлением личностных факторов, обеспечивающих готовность к рискованному поведению у специалистов органов внутренних дел, А. А. Мосунова и Е. А. Коноплева сделали заключение о том, что жизнестойкость и смысложизненные ориентации как компонент психологической устойчивости выступают в качестве основополагающих характеристик их готовности к риску. Полученные результаты показали, что рискованные поступки и действия в наибольшей степени характерны для респондентов, обладающих средним уровнем жизнестойкости. Авторы делают выводы, что такие поведенческие характеристики являются стабильными личностными особенностями и могут находить свое проявление в аффективности, автономности, потребности в признании. Тем не менее специалисты зачастую могут занижать реальную угрозу проявления того или иного риска, который был ими выбран. Юноши оказались более готовыми к риску, чем девушки, что характеризует их как более уверенных и включенных в происходящее [30].

Важным результатом ранее проведенных эмпирических исследований психологической природы готовности к риску является то, что она выступает эффектом (результатом) столкновения объективно реализуемых рискованных действий и их личностной оценкой, что значит столкновение двух важнейших ипостасей человека – его субъектной позиции (активности) и личности как носителя контролирующей и регулирующей функции.

Следствием воздействия на Вооруженные силы и Росгвардию различных опасных, рискогенных факторов могут стать ущерб здоровью военнослужащих, вывод из строя вооружения, военной техники и инфраструктуры, ухудшение окружающей среды, экономики, боеготовности Росгвардии, обороноспособности государства. Итогом указанного воздействия опасных факторов могут стать в том числе психологические потери среди личного состава, что крайне негативно отразится на служебной деятельности и выполнении поставленных задач.

Работы Р. М. Кашаповой, М. Р. Габидуллиной, И. Д. Ситдиковой, А. В. Мешкова, М. К. Ивановой, А. В. Гордеевой, С. А. Фадеевой, И. В. Гладинец, Ю. И. Будул, К. Г. Гуревич, Е. В. Бурдюковой, О. П. Каражелясков посвящены еще одной стороне проблемы риска в ходе военной социализации военнослужащих. В работах коллективов авторов подчеркивается, что военная служба сопряжена с высокими информационными, физическими и эмоциональными перегрузками, что способствует появлению на этой основе стрессовых состояний [7, с. 80].

Исследователями отмечается, что экстремальные ситуации зачастую могут обладать разными характеристиками в соответствии с уровнем риска. Это заключается

как в степени возможной угрозы жизни и здоровью людей, так и в вариациях поведения руководителей специальных мероприятий и исполнителей на местах, когда от скорости и правильности принятого решения зависит успех мероприятий, операции и т. д. Сложность как для руководителей, так и для исполнителей состоит в том, что исход принятого решения просчитать полностью зачастую невозможно, так как существует вероятность влияния множества неучтенных и неизвестных факторов. К основным характерным признакам риска как элемента профессиональной деятельности военнослужащих, полицейских и представителей других силовых ведомств можно отнести неопределенный, вероятностный характер, возможность альтернативного развития, мера (степень), опасность для жизни [8].

Резюмируя вышеуказанное, можно сказать, что военная служба без риска невозможна как в мирное, так и в военное время. В военное время риск носит лишь более явный характер. Склонность, готовность к риску – это понятия, которые в представлении обывателя прочно связаны с представителями военной профессии. Более того, сам социальный заказ, ожидания и нормы, формируемые различными социальными группами, СМИ по отношению к военной службе, выступают в качестве внешних детерминант готовности к риску.

В рамках представленной проблемы было проведено эмпирическое исследование, целью которого явилось определение личностных коррелятов готовности к риску у военнослужащих летного и наземного состава.

Методы. Эмпирическое исследование было проведено на базе 337-го отдельного вертолетного полка – войсковой части 12739 (г. Обь). Выборку исследования составили 60 человек – военнослужащие мужского пола в возрасте 30–45 лет, их них 31 – военнослужащие летного состава (ЭГ-1), 29 – военнослужащие наземного состава (ЭГ-2).

В исследовании был использован следующий диагностический инструментарий: «Пятифакторный личностный опросник» (Р. МакКрае и П. Коста), «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» (Т. Элерс), «Методика диагностики личности избегания неудач» (Т. Элерс). Для изучения склонности к риску применялась «Методика исследования склонности к риску» (Г Шуберт). Математико-статистическая обработка полученных данных осуществлялась с применением компьютерных программ Excel и SPSS Statistics 19.0. Сравнительный анализ полученных данных осуществлен по U-критерию Манна–Уитни, исследование характера взаимосвязи между исследуемыми переменными осуществлено с применением корреляционного анализа r_s -Спирмена.

Результаты исследования и их интерпретация. На первом этапе исследования была проведена диагностика испытуемых при помощи «Пятифакторного личностного опросника» (Р. МакКрае и П. Коста). Усредненный профиль основных факторов приведен на рисунке 1.

Максимальные показатели по исследуемым параметрам у ЭГ-1 и ЭГ-2 зафиксированы по переменной «Самоконтроль/Импульсивность» ($M=59,9$ балла и $M=58,9$ балла соответственно). Полученные результаты свидетельствуют о том, что у испытуемых высокие показатели *самоконтроля*, характерно проявление таких черт личности, как *добросовестность*, *ответственность*, *обязательность*, *точность* и *аккуратность* в делах, они предпочитают порядок и комфорт, настойчивы в деятельности и, как правило, достигают в ней высоких результатов. Они придерживаются моральных принципов, не нарушают общепринятых норм поведения

в обществе и соблюдают их даже тогда, когда нормы и правила кажутся пустой формальностью.

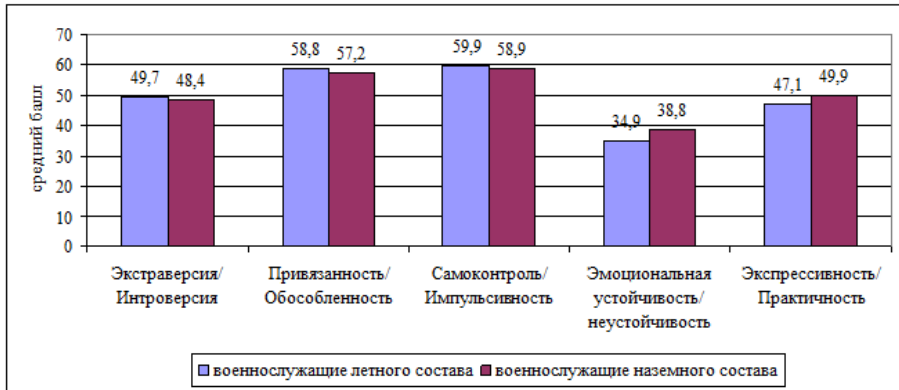

Рис. 1. Усредненные результаты диагностики личностных особенностей военнослужащих летного и наземного состава по «Пятифакторному личностному опроснику» (Р. МакКрае и П. Коста)

Минимальные показатели отмечены по переменной «Эмоциональная устойчивость/неустойчивость» как у испытуемых ЭГ-1 ($M=34,9$ балла), так и у испытуемых ЭГ-2 ($M=38,8$ балла). Указанные показатели по этому фактору свойственны лицам самодостаточным, уверенным в своих силах, эмоционально зрелым, спокойным, устойчивым в своих планах и привязанностях, не поддающихся случайным колебаниям настроения.

Далее была проведена диагностика по «Методике диагностики личности на мотивацию к успеху» (Т. Элерс) и «Методике диагностики личности избегания неудач» (Т. Элерс). Усредненные показатели отражены на рисунке 2.

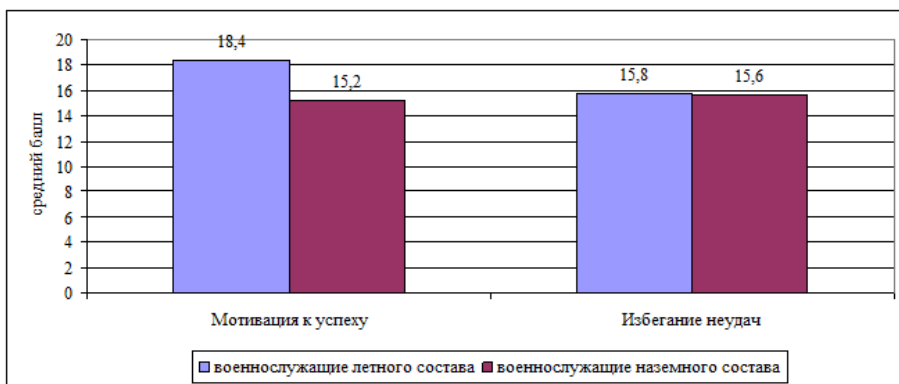

Рис. 2. Усредненные результаты диагностики личностных особенностей военнослужащих летного и наземного состава по «Методике диагностики личности на мотивацию к успеху» и «Методике диагностики личности избегания неудач» (Т. Элерс)

Результаты диагностики показали, что для испытуемых ЭГ-1 характерен умеренно высокий уровень *мотивации к успеху* ($M_x=18,4$), а у испытуемых ЭГ-2 – средний уровень ($M_x=15,2$). Это указывает на выраженное стремление к достижению по-

зитивно сформулированных целей с преобладанием ожидания успеха; позитивные переживания, связанные с работой, достижением, успехом в осуществлении намеченных планов; уверенность в себе, своих способностях и возможностях; предпочтение несколько завышенных, но вполне достижимых целей.

По параметру *избегание неудач*, испытуемым характерен средний уровень ($M_x=15,8$ и $M_x=15,6$ соответственно). Это свидетельствует о том, что у военнослужащих средняя выраженность тенденции к постановке негативно сформулированных целей с преобладанием стремления исключения неудач.

Далее была проведена диагностика при помощи «Методики исследования склонности к риску» (А. М. Шуберт). Усредненные показатели приведены на рисунке 3.

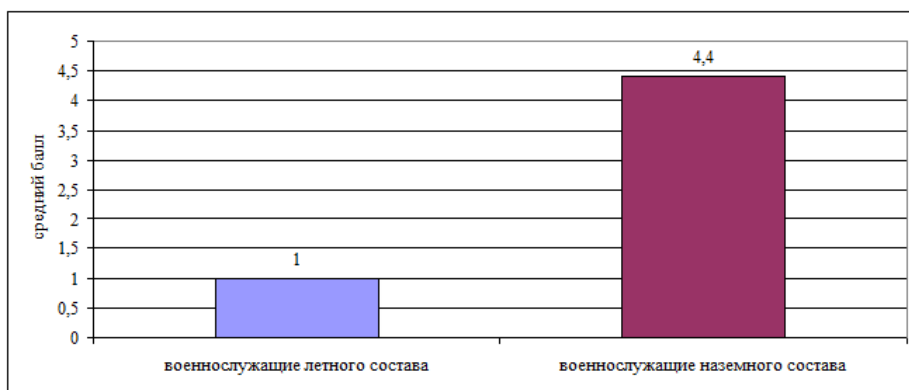

Рис. 3. Усредненные результаты диагностики военнослужащих летного и наземного состава по «Методике исследования склонности к риску» (А. М. Шуберт)

Несмотря на значительный разброс показателей у военнослужащих, средние результаты склонности к риску в обеих группах зафиксированы на среднем уровне, как у военнослужащих летного состава ($M_x=1,0$), так и у военнослужащих наземного состава ($M_x=4,4$). Это свидетельствует о том, что у испытуемых средняя готовность к рискованному поведению в ситуациях, связанных с возможными неблагоприятными последствиями.

Для выявления различий по параметрам «Пятифакторного личностного опросника» (Р. МакКрае и П. Коста) между испытуемыми ЭГ-1 и ЭГ-2 была осуществлена процедура сравнительного анализа при помощи U-критерия Манна–Уитни (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа с применением U-критерия Манна–Уитни по параметрам «Пятифакторного личностного опросника» (Р. МакКрае и П. Коста)

Исследуемые параметры	ЭГ-1 (военнослужащие летного состава)	ЭГ-2 (военнослужащие наземного состава)	U	p
Общительность – замкнутость	11,3±2,4	9,9±3,1	317,0	0,048
Самоконтроль – импульсивность	11,4±2,2	10,5±1,9	310,5	0,037
Напряженность – расслабленность	6,5±2,5	8±3	314,5	0,045

В результате статистического анализа данных было обнаружено, что между испытуемыми ЭГ-1 и ЭГ-2 имеются различия по показателям «общительность – замкнутость» ($U=317,0$ при $p=0,048$), «самоконтроль – импульсивность» ($U=310,5$ при $p=0,037$) и «напряженность – расслабленность» ($U=314,5$ при $p=0,045$).

Испытуемых ЭГ-1 отличает высокий уровень мотивации к успеху, что говорит о инициативности и активности. При такой мотивационной направленности проявляется стремление к достижению конструктивных, положительных результатов. При возникновении препятствий испытуемые ориентированы на своевременный поиск путей их преодоления, склонны переоценивать свои неудачи в свете достигнутых успехов. Производительность обычно повышается, когда выполняются задачи проблемного характера в ситуации лимита времени. Стараются воспринимать и переживать время как «целенаправленное и быстрое», а не как бесцельное времяпрепровождение. Также испытуемых ЭГ-1 характеризует средний уровень избегания неудач, что указывает на объективность взглядов в отношении возможных исходов ситуаций, связанных с принятием того или иного решения.

Испытуемых ЭГ-2 характеризует средний уровень мотивации к успеху и к избеганию неудач. Это указывает на то, что испытуемые не склонны особо надеяться на удачу в делах, они практичны, прагматичны, ориентированы на логику. Когда решают проблемы и задачи, то предпочитают выбирать варианты, которые работают на практике, а не кажутся идеальными только в теории. Легко приспосабливаются к новым условиям, но также быстро теряют интерес, если что-то кажется им неуместным. Они легко составляют подробные планы и тратят время на то, чтобы четко обдумать свою деятельность. Учитывают все возможные препятствия, заранее ищут решения и не теряются при возникновении проблем.

Для выявления различий по параметрам мотивации достижения успеха и избегания неудач между испытуемыми ЭГ-1 и ЭГ-2 была осуществлена статистическая обработка данных при помощи U-критерия Манна–Уитни (табл. 2).

Таблица 2

Результаты расчета U-критерия Манна–Уитни по «Методике диагностики личности на мотивацию к успеху» и «Методике диагностики личности избегания неудач» (Т. Элерс)

Исследуемые параметры	ЭГ-1 (военнослужащие летного состава)	ЭГ-2 (военнослужащие наземного состава)	U	p
Мотивация к успеху	18,4±3,1	15,2±3,0	193,5	0,000
Избегание неудач	15,8±2,6	15,6±3,3	394,5	0,412

Полученные результаты позволили определить, что испытуемые ЭГ-1 и ЭГ-2 различаются по выраженности мотивации к успеху ($U=193,5$ при $p=0,000$). Так, у военнослужащих летного состава выше стремление к достижению позитивно сформулированных целей с преобладанием ожидания успеха.

Для выявления взаимосвязи личностных особенностей и склонности к риску у военнослужащих летного и наземного состава был проведен корреляционный анализ при помощи коэффициента ранговой корреляции r_s -Спирмена. Полученные результаты представлены в таблице 3 и на рисунках 4 и 5.

**Значимые корреляции личностных особенностей и склонности к риску
военнослужащих летного и наземного состава**

Взаимосвязанные переменные	r	p
<i>Военнослужащие летного состава</i>		
Экстраверсия & Склонность к риску	0,461	0,009
Привязанность & Склонность к риску	0,388	0,031
Экспрессивность & Склонность к риску	0,375	0,038
Мотивация к успеху & Склонность к риску	0,552	0,001
Избегание неудач & Склонность к риску	-0,528	0,002
<i>Военнослужащие наземного состава</i>		
Экстраверсия & Склонность к риску	0,601	0,001
Мотивация к успеху & Склонность к риску	0,508	0,005

Анализ полученных результатов показал наличие пяти значимых корреляционных связей, одна из которых отрицательная и четыре положительные.

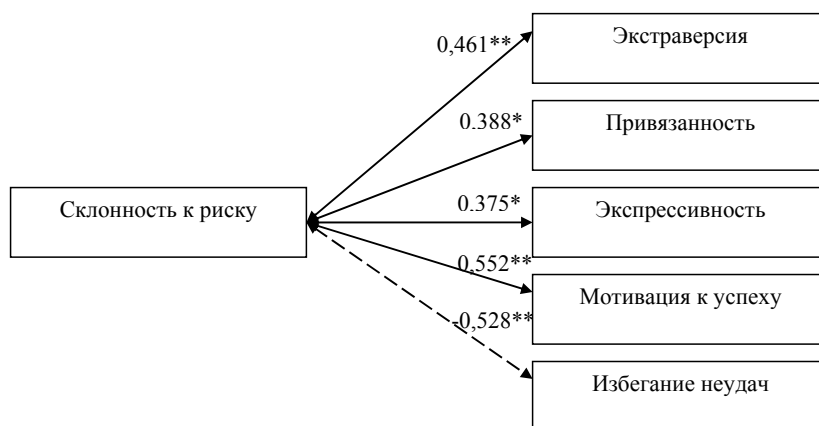

Рис. 4. Корреляционная плеяда взаимосвязей между личностными особенностями и склонностью к риску у испытуемых ЭГ-1 (летный состав)

**Корреляция значима на уровне $p=0,001$; *Корреляция значима на уровне $p=0,05$

В результате корреляционного анализа в ЭГ-1 была зафиксирована тесная положительная связь между экстраверсией и склонностью к риску ($r_s=0,461$ при $p=0,009$), что свидетельствует о том, что чем выше проявления экстраверсии у военнослужащих, тем больше они отличаются общительностью, любят развлечения и коллективные мероприятия, имеют большой круг друзей и знакомых, тяготеют к острым, возбуждающим впечатлениям, склонны рисковать, могут в некоторых ситуациях действовать импульсивно.

Статистически значимая положительная связь между привязанностью и склонностью к риску ($r_s=0,388$ при $p=0,031$) отражает особенности проявления волевой регуляции поведения. Испытуемые чаще склонны проявлять добросовестность, ответственность, обязательность, точность и аккуратность в делах, при этом они

имеют склонность предпочитать более субъективно привлекательные, но и более опасные и менее надежные варианты поведения.

Значимая положительная связь между экспрессивностью и склонностью к риску ($r_s=0,375$ при $p=0,038$). Полученная взаимосвязь свидетельствует о том, что чем выше проявления экспрессивности у военнослужащих, тем чаще они доверяют своим чувствам и интуиции, чем здравому смыслу, мало обращают внимания на текущие повседневные дела и обязанности, а также присутствует выраженная готовность к рискованному поведению в различных ситуациях.

Положительная связь между мотивацией к успеху и склонностью к риску ($r_s=0,552$ при $p=0,001$) отражает стремление к достижению позитивно сформулированных целей с преобладанием ожидания успеха от решения различных ситуаций.

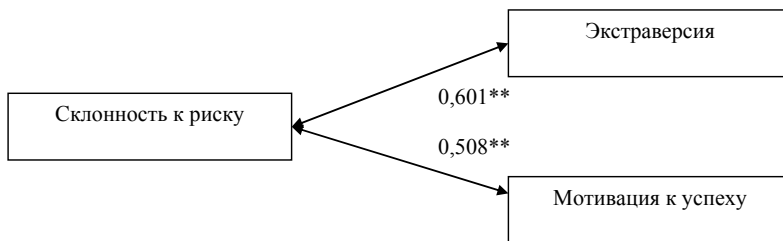

Рис. 5. Корреляционная плеяда личностных особенностей и склонности к риску у испытуемых ЭГ-2 (наземный состав)

**Корреляция значима на уровне $p=0,001$; *Корреляция значима на уровне $p=0,05$

В результате корреляционного анализа в ЭГ-2 была зафиксирована тесная положительная связь между экстраверсией и склонностью к риску ($r_s=0,601$ при $p=0,001$), что указывает на большую вероятность проявления рискованного поведения респондентов при выраженной экстраверсии. Они также отличаются общительностью, стремлением к развлечениям и коллективным мероприятиям, имеют большой круг друзей и знакомых, тяготеют к острым, возбуждающим впечатлениям, часто рискуют, действуют импульсивно, необдуманно, по первому побуждению.

Также у испытуемых ЭГ-2 зафиксирована тесная положительная связь между мотивацией к успеху и склонностью к риску ($r_s=0,508$ при $p=0,005$). Полученная корреляционная взаимосвязь свидетельствует о том, что выраженное стремление к достижению позитивно сформулированных целей с преобладанием ожидания успеха повышает склонность к рискованному поведению.

Выводы. Таким образом, проведенный теоретический анализ по проблеме исследования показал, что осуществление военной службы невозможно без риска как в мирное, так и в военное время. Склонность, готовность к риску – это понятия, которые в обыденном сознании прочно связаны с деятельностью специалистов особо значимых профессий. Более того, сам социальный заказ, ожидания и нормы, формируемые различными социальными группами, средствами массовой информации по отношению к военной службе, выступают в качестве внешних детерминант готовности к осуществлению деятельности, связанной с разнообразными рисками.

В проведенном эмпирическом исследовании на выборке военнослужащих летного (ЭГ-1) и наземного (ЭГ-2) состава войск было установлено, что между испытуемыми существуют различия в проявлении личностных особенностей по показателям «общительность – замкнутость», «самоконтроль – импульсивность» и «напряженность – расслабленность». Проявления общительности и самоконтроля преобладают у военнослужащих летного состава, а проявления напряженности – у военнослужащих наземного состава.

Также определены различия между двумя эмпирическими группами по выраженности мотивации к успеху: у военнослужащих летного состава выше стремление к достижению позитивно сформулированных целей с преобладанием ожидания успеха. Различий по показателям избегания неудач у респондентов не выявлено.

Проявление склонности к риску в обеих группах зафиксировано на среднем уровне, что указывает тенденцию к проявлению рискованных форм поведения только в особо значимых ситуациях, т. к. может сопровождаться возможными неблагоприятными последствиями.

В результате корреляционного анализа были зафиксированы сильные положительные связи между параметрами личностных особенностей и склонностью к риску: экстраверсия – склонность к риску; самоконтроль – склонность к риску; экспрессивность – склонность к риску; мотивация к успеху – склонность к риску. Сильная отрицательная взаимосвязь отмечена между избеганием неудач и склонностью к риску.

Список источников

1. *Абчук В., Альгин А.* Риск как продукт экономической деятельности // *Экономист*. 1997. № 6. С. 26–34.
2. *Авдулова Т. П., Мотылева Л. А.* Социальные представления подростков, склонных к риску // *Социальная психология и общество*. 2015. Т. 6, № 2. С. 105–116.
3. *Айзенк Г.* Парадоксы психологии. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
4. *Анохин П. К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М: Медицина, 1975. 448 с.
5. *Балашова В. А., Звездина А. А.* Склонность к риску как психологическая готовность к преодолению препятствий в условиях противодействия // *Вестник Московского университета МВД России*. 2018. № 6. С. 309–313.
6. *Балашова В. А., Звездина А. А.* Склонность к риску как психологическая готовность к преодолению препятствий в условиях противодействия // *Вестник Московского университета МВД России*. 2018. № 6. С. 310–314.
7. *Белов В. В., Корзунин А. В., Юсупов В. В.* и др. Методы оценки нервно-психической устойчивости военнослужащих // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*. 2014. Т. 5, № 3. С. 75–85.
8. *Белов П. Г.* Управление рисками, системный анализ и моделирование. М.: Юрайт, 2018. 736 с.
9. *Большой психологический словарь* / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.; СПб.: АСТ: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
10. *Бочарова Е. Е.* Стратегии совладающего поведения личности различных возрастных групп // *Психология. Социология. Педагогика*. 2015. № 2 (45). С. 8–12.
11. *Врублевский А. В.* Склонность и готовность к риску. Восприятие риска офицером-спасателем в условиях чрезвычайной ситуации // *Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси*. 2017. № 3. С. 332–340.
12. *Горжий Ю. В., Пчелкина Е. П.* Склонность к риску студентов с разными типами ценностных ориентаций // *Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов конференции*. Белгород: ГиК, 2018. С. 331–335.

13. *Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Черемных Л. Г.* Наука о сущности риска и характеристиках рискованной ситуации [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2017. Вып. 11. URL: <http://hmbul.ru/articles/483/483.pdf> (дата обращения: 21.11.2021).
14. *Дворянчиков Н. В., Бовин Б. Г., Бовина И. Б.* Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания // Психология и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 207–223.
15. *Ерофеева С. С.* Понятие «риск» в экономической деятельности // Огарёв-Online. 2018. № 1 (106). С. 1–6.
16. *Залесский М. Л.* Зависимость уровня самоорганизации студентов в условиях пандемии от их готовности к риску // Образовательные технологии. 2020. № 2. С. 87–93.
17. *Ибрагимова А. Ф., Лебедева А. В.* Актуальные вопросы страхования жизни и здоровья сотрудников ОВД // Моя законотворческая инициатива: сборник тезисов. М.: Государственная Дума ФС РФ: Интеграция, 2017. С. 339–341.
18. *Иванова Т. В., Лукьянова Е. Л., Козлова Ю. В.* Представления о риске и рискованном поведении курсантов с экстернальным и интернальным локусом контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2016. № 3. С. 170–174.
19. *Ильин Е. П.* Психология риска. М.: Питер, 2012. 286 с.
20. *Киришабаум Э. И., Еремеева А. И.* Психологическая защита. М.: Смысл, 2018. 181 с.
21. *Кленова М. А.* Субъективное благополучие как фактор готовности личности к риску // Ананьевские чтения – 2017: Преемственность в психологической науке: В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов: материалы традиционной международной научной конференции. СПб.: Айсинг, 2017. С. 296.
22. *Ковалинская А. Г.* Склонность к риску и экстремальная активность подростков // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Пермь: ИП Сигитов Т. М., 2017. С. 140–141.
23. *Корнилова Т. В.* Психология риска и принятия решений: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2017. 286 с.
24. *Кушнарев А. П.* Результаты изучения психогенетических особенностей эффективности профессиональной деятельности лиц опасных профессий в экстремальных условиях // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 3. С. 69–73.
25. *Кырлан Н. С.* Представления о разумном риске и стратегии преодолевающего поведения курсантов военных вузов // АНИ: педагогика и психология. 2016. № 4 (17). С. 373–375.
26. *Линевич В. Л.* Взаимосвязь конформизма и социально-психологических характеристик личности сотрудников полиции, формирующих мотивацию их поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 1 (80). С. 19–23.
27. *Мамчун В. В.* Риск в юридической деятельности: сущность и детерминация // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 243–248.
28. *Маралова Т. П.* Взаимосвязь нормативности поведения с готовностью к риску у сотрудников органов внутренних дел // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 1. С. 87–91.
29. *Мосейчук С. В.* Интуиция как психологический фактор в структуре управленческих решений // Общество: социология, психология, педагогика. 2014. № 1. С. 48–50.
30. *Мосунова А. А., Коноплева Е. А.* Личностные детерминанты склонности к риску у сотрудников правоохранительных органов // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2018. № 3. С. 54–55.

31. Пузыревич Н. Л. Ценность жизни у современных подростков с рискованным поведением // Диалог. Психологический и социально-педагогический журнал. 2019. № 4. С. 19–24.

32. Рягузова Е. В. Репутация личности: риски и опасности // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 3. С. 5–14.

33. Сергиенко Н. П. Склонность к риску как профессионально-личностная особенность работников МЧС // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2013. Т. 2, № 1 (2). С. 170–173.

34. Чуприкова Е. В. Риск в рамках современного общества: анализ и содержание данного феномена // Научный альманах. 2019. № 1-2 (51). С. 223–226.

35. Шаболтас А. В. Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2014. № 3. С. 5–16.

36. Шамионов Р. М., Созонник А. В. Динамика и личностные предикторы предпочитаемых стратегий // Известия Саратовского Университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, № 2 (18). С. 128–136.

37. Яныхбаиш А. В. Склонность к риску в структуре личностных особенностей // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 79–87.

38. Claxton G. Investigating human intuition: Knowing without knowing why // Psychologist. 1998. Vol. 11, Issue 5. P. 219.

Информация об авторах

Т. В. Белашина – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, факультет психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

С. Р. Рыжкова – студент 1 курса магистратуры, направление «Психолого-педагогическое образование», магистерская программа «Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса кадетов и военнослужащих», Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the authors

T. V. Belashina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

S. R. Ryzhkova – 1st year Master's student, Direction “Psychological and pedagogical education”, Master’s Program “Psychological and Pedagogical Support of the Educational Process of Cadets and Servicemen”, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 02.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 02.11.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 02.12.2022.

Научная статья

УДК 159.9

Романтическая любовь в контексте химической зависимости

Дмитрий Владимирович Нецадим

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, d.neshadim@mail.ru*

Валентин Сергеевич Шашко

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, shashko1997@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь между исследованиями любовной аддикции и аддиктивного поведения. Представлены определения любовной аддикции и ее характеристика, анализ аддиктивного поведения химической природы, а также произведено сравнение поведения субъектов с химической зависимостью и любовной аддикцией. В ходе исследования было показано, что романтическая любовь может быть рассмотрена как положительная зависимость, когда отношения любовной пары взаимны, нетоксичны и уместны, а также может быть рассмотрена как негативная зависимость, т. е. вредная, когда она не взаимна, токсична, неуместна или формально отвергнута. Опыт аддиктиологии химических зависимостей подсказывает и обогащает исследование и понимание любовной аддикции.

Ключевые слова: аддикция, зависимость, любовная аддикция, романтическая зависимость, химическая зависимость, психоактивные вещества.

Для цитирования. Нецадим Д. В., Шашко В. С. Романтическая любовь в контексте химической зависимости // Развитие человека в современном мире. 2022. № 4. С. 27–32.

Original article

Romantic love in the context of chemical dependency

Dmitry V. Neshchadim

*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia,
d.neshadim@mail.ru*

Valentine S. Shashko

*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia,
shashko1997@mail.ru*

Abstract. This article discusses the relationship between research on love addiction and addictive behavior. Definitions of love addiction and its characterization are presented, and an analysis of addictive behavior of a chemical nature is presented, as well as a comparison of the behavior of subjects with chemical addiction and love addiction is made. The study showed that romantic love can be viewed as a positive addiction when the love couple's relationship is mutual, non-toxic, and appropriate, and can also be viewed as a negative

addiction, that is, harmful, when it is not mutual, toxic, inappropriate, or formally rejected. The experience of chemical addiction addiction addictionology prompts and enriches the study and understanding of love addiction.

Keywords: addiction, addiction, love addiction, romantic addiction, chemical addiction, psychoactive substances.

For citation. Neshchadim D. V., Shashko V. S. Romantic love in the context of chemical dependency. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 4, pp. 27–32. (In Russ.)

Свобода человека на сегодняшний день является одной из самых важных ценностей. В контексте ценности свободы проводится множество исследований по зависимому поведению субъекта. У людей, находящихся на ранней стадии интенсивной романтической любви, проявляются многие симптомы зависимости от веществ или поведенческих зависимостей, включая эйфорию, терпимость, эмоциональную и физическую зависимость, отстранение и рецидив.

По мнению Х. Фишера романтическая любовь – это естественная зависимость, которая является результатом эволюции взаимоотношений предков млекопитающих [9]. Исследования сканирования мозга показывают, что чувство интенсивной романтической любви задействует области «системы вознаграждения» мозга, в частности, дофаминовые пути, связанные с энергией, сосредоточенностью, обучением, мотивацией, экстазом и влечением, включая основные области, связанные с зависимостью от психоактивных веществ.

Более того, мужчины и женщины, страстно влюбленные или отвергнутые в любви, демонстрируют основные симптомы зависимости от психоактивных веществ и азартных игр, перечисленные в Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам-5 (DSM-5), включая изменение настроения, терпимость и эмоциональную зависимость, физическую зависимость и «ломку». Рецидив также является распространенной проблемой для тех, кто страдает от психоактивных веществ или поведенческой зависимости, а также среди любовников, отвергнутых своим партнером.

Ряд психологов, таких как Х. Фишер, К. Хорни, Ц. П. Кроленко и Н. В. Дмитриева, пришли к выводу, что страстная романтическая любовь обычно связана с набором черт, связанных со всеми зависимостями, и что романтическая любовь потенциально может стать зависимостью [1; 3; 8; 9; 11]. Однако многие определяют зависимость как патологическое проблемное расстройство, поэтому считается, что романтическая любовь – это положительный опыт во многих обстоятельствах, т. е. условно «не вредный». В связи с этим исследователи по-прежнему не решаются официально квалифицировать романтическую любовь как зависимость. Даже когда романтическая любовь не может считаться вредной, она связана с сильными желаниями и может побудить любовника верить, говорить и делать опасные и неуместные вещи.

Все формы злоупотребления психоактивными веществами, включая алкоголь, опиоиды, кокаин, амфетамины, каннабис и табак, а также некоторые поведенческие зависимости, активируют пути вознаграждения в мозге [7]. Некоторые из этих путей вознаграждения также активируются среди мужчин и женщин, которые счастливы в любви, а также среди тех, кто отвергнут [3; 8; 9; 11]. Таким образом, независимо от официальной диагностической классификации, мы предлагаем рассматривать романтическую любовь как одну из форм поведенческой зависимости.

Любовную аддикцию также можно классифицировать, следуя за Х. Фишером, как «положительную зависимость», когда на любовь отвечают взаимностью, т. е. не токсичную и уместную, и «отрицательную зависимость», когда романтическая любовь социально неприемлема, токсична, не отвечает взаимностью или формально отвергается [9].

Романтическая любовь могла развиваться в результате эволюционного развития племени гомининов. примерно 4,4 миллиона лет назад в связи с развитием последовательной социальной моногамии и тайного супружества – отличительными чертами репродуктивной стратегии человека. Его цель, возможно, состояла в том, чтобы мотивировать предков людей сосредоточить время и энергию для спаривания на одном партнере одновременно, тем самым инициируя формирование парной связи, чтобы вместе воспитывать своих детенышей в команде [9]. Таким образом, как продукт человеческой эволюции, нейронные системы романтической любви и привязанности к партнеру можно рассматривать как системы выживания среди людей.

Мужчины и женщины на ранней стадии интенсивной страстной романтической любви проявляют многие из основных черт, связанных со всеми видами зависимости [14]. Как и все зависимые, они сосредотачиваются на любимом, что выражает его важность. Они тоскуют по любимому, что можно трактовать как страстное желание. Они чувствуют «прилив» возбуждения, когда видят его или думают о нем, что напоминает эйфорию и опьянение. По мере развития их отношений любовник стремится все чаще и чаще взаимодействовать с любимым, что можно понять как толерантность. Если возлюбленный разрывает отношения, любовник также испытывает общие признаки отмены наркотических веществ, включая протест, приступы плача, летаргию, беспокойство, бессонницу или гиперсомнию, потерю аппетита или переедание, раздражительность и хроническое одиночество.

Как и большинство химически зависимых, отвергнутые любовники также часто доходят до крайностей, даже иногда совершая унизительные или физически опасные поступки, чтобы вернуть любимого [8]. Романтические партнеры готовы пожертвовать собой, даже умереть за другого. Романтическая ревность особенно опасна и может привести к серьезным преступлениям, включая убийство или самоубийство. Любовники также рецидивируют, как это делают химически зависимые: спустя долгое время после того, как отношения закончились, особые события, люди, места, песни или другие внешние сигналы, связанные с их отказом от возлюбленного, могут вызвать воспоминания и возобновление чувств, навязчивого мышления или навязчивых вызовов. Субъекты отношений могут писать или появляться в надежде разжечь роман несмотря на то, что они подозревают, что это может привести к неблагоприятным последствиям.

Страстные любовники также выражают сильное сексуальное влечение к объекту любви. Тем не менее, их стремление к эмоциональному союзу затмевает их стремление к сексуальному союзу с ним/ней [14]. Наиболее характерно то, что любовник одержимо думает о любимом, в этом проявляется навязчивое мышление. Одуманные любовники могут также навязчиво следовать, непрерывно звонить, писать или неожиданно появляться, и все это в стремлении быть со своим возлюбленным днем и ночью [2; 8]. Первостепенное значение для этого опыта – сильная мотивация завоевать его или ее. Все эти формы поведения характерны для людей, страдающих наркотической зависимостью. Однако не все проявляют такое поведение после разрыва. Так же и с теми, кто употребляет психоактивные вещества, демонстрируя эффекты зависимости и отмены.

В межкультурном контексте лишь немногие мужчины или женщины избегают страданий от романтического отказа в какой-то момент своей жизни. Романтическое неприятие может вызвать глубокое чувство потери и негативного аффекта [4]. Как и многие другие пагубные привычки, романтический отказ также может поставить под угрозу здоровье человека, потому что ярость, вызванная отказом, оказывает стрессовое воздействие на сердце, повышает кровяное давление и подавляет иммунную систему [13]. Он также может вызвать клиническую депрессию, а в крайних случаях привести к самоубийству или убийству. Некоторые влюбленные с разбитым сердцем даже умирают от сердечных приступов или инсультов, вызванных их депрессией [13].

Набор негативных явлений, связанных с отказом в любви, включает протест, стресс, разочарование, ярость, ревность, симптомам отмены [9].

Одна патология также часто связана с романтической любовью – преследование. Есть два распространенных типа преследователей, которых выделяет К. Хорни: те, кто поддерживает погоню за бывшим сексуальным или романтическим партнером, который их отверг; и те, кто преследует незнакомца или знакомого, который не ответил на романтические предложения преследователя [10]. В обоих случаях преследователь демонстрирует несколько характерных компонентов всех зависимостей, включая сосредоточенное внимание на объекте любви, повышенную энергию, следование поведению, а также навязчивое мышление и импульсивность, направленную на жертву, что позволяет предположить, что преследование также активирует аспекты вознаграждения. системы в головном мозге и может быть сродни зависимости [5; 9].

Другая патология, синдром Клерамбо, также известная как «эротомания» (или «синдром любовного очарования»), не связана с зависимостью. Этот синдром характеризуется бредовым представлением пациента о том, что другой человек безумно любит его или ее. Как правило, именно молодая женщина считает себя объектом любви мужчины с более высоким социальным или профессиональным статусом [11; 12].

Исследователи давно обсуждали, можно ли классифицировать компульсивное стремление к материальным вознаграждениям, например, неконтролируемые азартные игры, питание, секс, упражнения, использование интернета, компульсивное покупательское расстройство и другие навязчивые поведенческие синдромы как зависимости [7; 9]. Все это может привести к одержимости, толерантности, эмоциональной и физической зависимости, абстиненции, рецидиву и другим чертам, характерным для злоупотребления психоактивными веществами. Более того, было показано, что некоторые из этих нематериальных вознаграждений вызывают специфическую активность в дофаминовых путях системы вознаграждения, аналогичную наркотикам, вызывающим злоупотребление [6]. Это говорит о том, что неконтролируемое использование данных поведенческих черт можно считать проявлением зависимости.

Романтическая любовь может быть похожей зависимостью, за одним исключением. В отличие от других зависимостей, которые затрагивают только процент населения, какая-то форма любовной зависимости может возникнуть почти у каждого человека, живущего сейчас и в нашем человеческом прошлом.

Романтическая любовь кажется естественной зависимостью, «нормальным измененным состоянием», с которым сталкиваются почти все люди, которые эволю-

ционировали в ходе эволюции человека, чтобы побудить наших предков сосредоточить свою брачную энергию на конкретном партнере, тем самым сберегая время и энергию брачных отношений, иницируя размножение, вызывая чувство привязанности и последующее взаимное воспитание, а также обеспечивая будущее их общей ДНК [9]. Романтическая любовь может быть «положительной зависимостью», когда отношения взаимны, нетоксичны и уместны, а также может быть «негативная зависимость», т. е. вредная, когда она не взаимна, токсична, неуместна или формально отвергнута. Таким образом, можно заметить, что опыт аддиктологии химических зависимостей подсказывает и обогащает исследование и понимание любовной аддикции.

Список источников

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 480 с.
2. Григорова Т. П. Деструктивная привязанность к партнеру во взрослом возрасте и совладание с ее проявлениями: дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 166 с.
3. Егоров А. Ю. Любовные и сексуальные аддикции (зависимости) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psi-test.ru/pub/love-addict.html> (дата обращения: 10.11.2022).
4. Егоров А. Ю. Нехимические зависимости. СПб.: Речь, 2007. 189 с.
5. Калмыкова Е. С., Гагарина М. А., Падун М. А. Роль типа привязанности в генезе аддиктивного поведения: постановка проблемы (часть II) // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 107–119.
6. Макушина О. П. Психология зависимости: учебное пособие. Воронеж, 2017. 80 с.
7. Менделевич В. Д. Руководство по аддиктологии. СПб.: Речь, 2010. 768 с.
8. Пил С., Бродски А. Любовь и зависимость. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2005. 384 с.
9. Фишер Х. Почему мы любим. Природа и химия романтической любви. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 320 с.
10. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Прогресс-Универс, 1993. 218 с.
11. Acevedo B. P., Aron A. Does a long-term relationship kill romantic love? // Review of General Psychology. 2009. Vol. 13. P. 59–65.
12. Curtis J. M. Elements of pathological love relationships // Psychological Reports. 1983. Vol. 53. P. 83–92.
13. Peele S., Brodsky A. Love and addiction. Broadrow Publications: 2015. 326 p.
14. Sussman S. Love addiction: Definition, etiology, treatment // Sexual Addiction & Compulsivity: The Journal of Treatment & Prevention. 2010. Vol. 17, Issue 1. P. 31–45.

Информация об авторах

Д. В. Нещадим – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и правоведения, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

В. С. Шаико – студент 2 курса, направление «Психология», профиль «Общая психология», Новосибирский государственный университет экономики и управления.

Information about the authors

D. V. Neshchadim – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management.

V. S. Shashko – 2nd year Student, Direction “Psychology”, Profile “General Psychology”,
Novosibirsk State University of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 07.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022;
принята к публикации 03.11.2022.

The article was submitted 07.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for
publication 03.11.2022.

Аналитическая статья

УДК 159.9

Теоретические подходы к изучению эмоционального интеллекта

Екатерина Олеговна Ермолова

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, shamka05@mail.ru*

Анастасия Алексеевна Кравец

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, akravet.s@yandex.ru*

Аннотация. В статье подчеркивается актуальность проблематики эмоционально-го интеллекта в современном мире, рассматриваются теоретические подходы и модели к пониманию и изучению эмоционального интеллекта. Анализируются основные отличия и сходства взглядов зарубежных и отечественных авторов, выражающихся в подходах к пониманию феномена эмоционального интеллекта. В заключении делается вывод о том, что через повышение уровня эмоционального интеллекта человек повышает качество своей жизни.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, модели эмоционального интеллекта, социальный интеллект.

Для цитирования. Ермолова Е. О., Кравец А. А. Теоретические подходы к изучению эмоционального интеллекта // Развитие человека в современном мире. 2022. № 4. С. 33–39.

Analytical article

Theoretical approaches to the study of emotional intelligence

Ekaterina O. Ermolova

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,
shamka05@mail.ru*

Anastasia A. Kravets

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,
akravet.s@yandex.ru*

Abstract. The article highlights the relevance of the problems of emotional intelligence, the theoretical approaches and models to the understanding and study of emotional intelligence, the differences between foreign and domestic approaches to understanding the phenomenon of emotional intelligence. In conclusion, the authors note that by increasing the level of emotional intelligence, a person improves the quality of his life.

Keywords: emotional intelligence, models of emotional intelligence, social intelligence.

For citation. Ermolova E. O., Kravets A. A. Theoretical approaches to the study of emotional intelligence. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 4, pp. 33–39. (In Russ.)

Введение. На сегодняшний день отсутствует единое понимание феномена эмоционального интеллекта. Сложность в однозначной трактовке этого понятия связана с множеством моделей для его изучения. В зависимости от того, на какую методологию и модель опирается автор для исследования эмоционального интеллекта (зарубежную или отечественную) и будет зависеть определение самого термина.

Мы рассмотрим «корни» феномена эмоционального интеллекта, историю развития, модели эмоционального интеллекта и сегодняшнее положение его в современном научном пространстве.

История развития эмоционального интеллекта начинается в XX в., который можно охарактеризовать как период поиска способностей, которые непосредственно связаны с социально-эмоциональной сферой психики человека, что отлично от традиционно выделяемого общего интеллекта, имеющим к этому моменту свою теоретическую базу. Именно отсюда берет свое начало феномен «эмоциональный интеллект», зарождающийся в русле исследования социального интеллекта, первые упоминания которого принадлежат Э. Торндайку, который рассматривал социальный интеллект как способность к пониманию и управлению людьми, а также как способность действовать мудро в контексте межличностных отношений [19].

Этот феномен обрел свою популярность и его изучением в дальнейшем занимались такие авторы, как Г. Олпорт [17], Дж. Гилфорд [6], Г. Айзенк [1] и др. В отечественной науке феномен социального интеллекта также был рассмотрен в работах Ю. Н. Емельянову [9], А. Л. Южаниновой [16] и др.

Сегодня единая трактовка и понимание эмоционального интеллекта отсутствует. Одни авторы рассматривают его как компонент социального интеллекта или же в качестве подструктуры общего интеллекта, рассматриваемого как многоаспектное явление. В это же время есть и другая точка зрения: эмоциональный интеллект как широкое понятие, в то время как социальный интеллект лишь его составляющим [10].

Если говорить об истории и природе феномена эмоционального интеллекта, то необходимо отметить, что еще Л. С. Выготский в своих работах делал акцент на единстве аффекта и интеллекта, критикуя попытки исследователей отделить мышление от эмоциональной сферы человека [5]. Автор подчеркивал взаимосвязь этих сфер и взаимовлияние их на всех этапах психического развития личности.

Этой теме также посвящены работы О. К. Тихомирова [14; 15], который является автором смысловой теории мышления (1984 г.), основанной на культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. Мышление в этой теории представлено в виде системных динамических процессов. В этой системе объединяются когнитивные и аффективные компоненты и функционирует она в коммуникативном пространстве, в результате чего и образуются психологические новообразования (цели, смыслы и т. п.) [14; 15].

Мышление в целом в научной школе, которой руководил О. К. Тихомиров, рассматривалось в качестве процесса, включенного в целостную жизнедеятельность субъекта. Этот процесс тесно связан с эмоциями и обусловлен целями, потребностями, мотивами. Кроме того, он опосредован языком, а также математическими и мнемотехническими средствами, а впоследствии ЭВМ и компьютерами.

Экспериментальные исследования самого О. К. Тихомирова были посвящены роли эмоций в процессе мышления. В частности, изучался конкретный тип интеллектуальные эмоции. Данный тип отличается своими превосходящими и эвристическими свойствами. Интеллектуальные эмоции сигнализируют порождение смысловых новообразований в мыслительной деятельности человека, а также выполняют по отношению к ним интегрирующую функцию. Другими словами, эти эмоции можно было бы описать как специфические переживания, которые возникают у человека в процессе мыслительной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что тема эмоционального интеллекта упоминается в работах более ранних годов. И пусть сам термин еще не был введен в научный оборот, его природа косвенно подвергалась попыткам описания у разных авторов. Если говорить о состоянии феномена эмоционального интеллекта, то с каждым годом он становится все более популярен среди научных кругов и обывателей, которые интересуются развитием эмоционального интеллекта. Этому феномену посвящаются большое количество научных работ и публикаций, где авторы связывают его с другими научными феноменами с целью поиска значимых взаимосвязей. Теория эмоционального интеллекта подразумевает под собой ряд моделей, которые своеобразно подходят к его трактовке, описанию и диагностике.

Эмоциональный интеллект как термин был введен в научный оборот в 1990 г. американскими профессорами Дж. Мэйером и П. Сэловеем, который они представили в своей исследовательской работе «The Intelligence of Emotional Intelligence» [18]. В работе было предложено определение самого термина «эмоциональный интеллект» и методика, которая позволяет его измерить. Авторы дают следующее определение эмоциональному интеллекту – это группа ментальных способностей, которые способствуют осознанию и пониманию как собственных эмоций, так и эмоций других людей. Иначе говоря, эмоциональный интеллект авторами подразумевается как способность к переработке той информации, что содержится в эмоциях (определение эмоций, их значение, связь друг с другом и использование информации в качестве основы для мышления и принятия решений).

Авторами были выделены 4 компонента эмоционального интеллекта, выстраивающиеся, по их мнению, в иерархию, уровни которой последовательно развиваются в онтогенезе:

1. Идентификация эмоций, их восприятие, оценка и выражение.
2. Использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности.
3. Понимание и анализ эмоций.
4. Сознательное управление эмоциями для личностного роста и улучшения межличностных отношений.

В 1999 г. к работе присоединяется Д. Карузо с целью усовершенствовать методику по диагностике уровня эмоционального интеллекта. Результатом совместной работы авторов был создан итоговый вариант теста – MSCEIT, V 2.0. [17]. В эти годы интерес научного сообщества к этому феномену стал очевидным, стали появляться новые модели эмоционального интеллекта, предлагающие собственную трактовку понятия. В связи с этим Дж. Мэйером, Д. Карузо и П. Сэловеем были разделены модели эмоционального интеллекта на две большие группы: смешанные модели и модели способностей [17]. Собственную модель авторы включили во вторую группу, так как она опирается на определение эмоционального интеллекта как

когнитивной способности. Что касается смешанных моделей, то в данном случае эмоциональный интеллект понимается как определенное сочетание и когнитивных, и личностных характеристик.

Популяризатором феномена эмоционального интеллекта является Д. Гоулман, выпустивший книгу «Emotional Intelligence. Why it Can Matter More Than IQ» [7]. В этой книге автор добавляет к компонентам модели способностей собственные компоненты, такие как энтузиазм, настойчивость и социальные навыки. Нельзя не отметить, что благодаря этой книге эмоциональный интеллект стал популярен не только среди научного сообщества, но и у других читателей, заинтересовавшихся эмоциональным интеллектом и его развитием.

Еще одну модель эмоционального интеллекта предложил Р. Бар-Он в 1997 г. Идея автора заключалась в том, что эмоциональный интеллект – это все некогнитивные способности и знания человека, которые дают возможности для обретения успеха в разных жизненных ситуациях. Р. Бар-Он также ввел обозначение коэффициента эмоциональности – EQ, по аналогии с коэффициентом интеллекта [3].

Р. Бар-Он выделяет следующие компетентности, отождествляющиеся у него с компонентами эмоционального интеллекта:

1. Познание себя.
2. Навыки межличностного общения.
3. Способность к адаптации.
4. Управление стрессовыми ситуациями.
5. Преобладающее настроение.

В ответ на противоречивые зарубежные модели, одна часть которых включала в понимание эмоционального интеллекта только когнитивные способности, а другая особенно выделяла личностные характеристики, исключая при этом когнитивные составляющие, в отечественной психологии была предложена собственная модель эмоционального интеллекта, авторство которой принадлежит Д. В. Люсину [12]. Эмоциональный интеллект, по его мнению, представляет из себя двойственную природу: он связан и с когнитивными способностями человека, и с его личностными характеристиками.

Согласно автору, эмоциональный интеллект – это «психологическое образование, формирующееся в ходе жизни человека под влиянием ряда факторов, обуславливающих его уровень и специфические индивидуальные способности» [12, с. 29; 13].

К таким факторам Д. В. Люсин относит [12]:

- когнитивные способности (скорость и точность переработки информации об эмоциях);
- представления об эмоциях (как о ценном источнике информации не только в отношении себя, но и в отношении других);
- особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, чувствительность).

Автор предлагает разделять внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект. К внутриличностному эмоциональному интеллекту относятся:

- понимание своих эмоций (способность к осознанию своих эмоций: их распознавание и идентификация, понимание причин, вызвавших эмоцию, способность к вербальному описанию испытываемой эмоции);
- управление своими эмоциями (способность вызывать и поддерживать желаемые эмоции, контроль нежелательных);
- контроль экспрессии (контроль внешних проявлений чувств).

К межличностному эмоциональному интеллекту автор относит:

– понимание чужих эмоций (способность понимать эмоциональное состояние другого человека на основе внешних проявлений или интуитивно; чуткость к внутренним состояниям других людей);

– управление чужими эмоциями (способность вызывать те или иные эмоции у других, снижать интенсивность нежелательных эмоций).

Выделяемые автором виды эмоционального интеллекта хоть и предполагают актуализацию различных когнитивных процессов, однако должны быть взаимосвязаны друг с другом.

Для диагностики эмоционального интеллекта автор создал опросник, позволяющий измерить внутриличностный и межличностный виды эмоционального интеллекта [11].

Еще одна модель эмоционального интеллекта была предложена И. Н. Андреевой [3; 4], которая получила название «Интегративная модель эмоционального интеллекта» [2]. В этой модели также можно наблюдать стремление автора обозначить двойственную природу или целостность аффекта и интеллекта, которое выражается в самом названии модели в слове «интеграция» [8].

Основываясь на предположении о дихотомичности структуры эмоционального интеллекта, автором были выделены две его составляющие:

– инструментальный эмоциональный интеллект, который проявляется при решении практических задач и подлежит внешней объективной оценке;

– индивидуально-личностный эмоциональный интеллект (рефлексивный) – результат работы рефлексии и самооценки.

Инструментальный эмоциональный интеллект рассматривается как сочетание интеллектуальных способностей к пониманию эмоций, управлению ими и эмоциональной компетентности. При описании типов инструментального интеллекта автор берет за основу идею модели Дж. Д. Майера, П. Сэловея,

Д. Карузо [19] и выделяет следующие типы:

– опытный эмоциональный интеллект, который включает в себя способности к распознаванию, выражению и использованию эмоциональной информации без обязательного ее понимания;

– стратегический эмоциональный интеллект, содержащий понимание эмоций и управление ими без обязательного хорошего восприятия эмоций или полного их переживания.

Индивидуально-личностный (рефлексивный) эмоциональный интеллект – личностное свойство, осознаваемая эмоциональная самоэффективность индивида в сфере эмоций, представления об уровне собственного эмоционального интеллекта, которые формируются в результате рефлексии.

В конечном итоге, на основе критерия объективности или субъективности оценки ЭИ автор выделяет 4 типа эмоционального интеллекта, два из которых являются инструментальными (опытный и стратегический), а остальные – индивидуально-личностными (межличностный и внутриличностный). Эти типы могут образовывать различные комбинации, которые предполагают выделение подтипов эмоционального интеллекта: опытного межличностного, опытного внутриличностного, стратегического межличностного, стратегического внутриличностного.

В своей модели автор раскрывает суть интегрального эмоционального интеллекта и определяет его как когнитивно-личностное образование, как совокупность

умственных способностей к пониманию эмоций и управлению ими; компетенций, связанных с обработкой и преобразованием эмоциональной информации, а также коммуникативных, эмоциональных, интеллектуальных и регулятивных личностных свойств, способствующих адаптации индивида.

Выводы. Таким образом, в статье были проанализированы основные подходы к пониманию и изучению эмоционального интеллекта. Понятие этого феномена зависит от того, каких моделей придерживается сам исследователь: зарубежных или отечественных. Отечественные модели эмоционального интеллекта отличаются тем, что рассматривают его шире, подчеркивая двойственную составляющую эмоционального интеллекта, что особенно четко прослеживается в интегративной модели эмоционального интеллекта И. Н. Андреевой [3; 4]. Однако общим в моделях как отечественных, так и зарубежных авторов является то, что эмоциональный интеллект оказывает влияние на повседневную жизнь человека и затрагивает разные виды его коммуникации. Кроме того, уровень эмоционального интеллекта способен оказать разное влияние на результативность и эффективность деятельности человека.

Список источников

1. Айзенк Г. Ю. Интеллект: Новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–129.
2. Андреева И. Н. Интегративная модель эмоционального интеллекта // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 125–133.
3. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополоцк: ПГУ, 2011. 388 с.
4. Андреева И. Н. Структура и типология эмоционального интеллекта: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Минск, 2017. 46 с.
5. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл: Эксмо, 2005. 1136 с.
6. Гилфорд Дж. Психология мышления / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. 534 с.
7. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А. П. Исаевой. М.; Владимир: АСТ-МОСКВА: ВКТ, 2009. 478 с.
8. Губский Е. Ф., Кораблева Г. В., Лутченко В. А. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1997. 576 с.
9. Емельянов Ю. Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности: дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1990. 403 с.
10. Ермолова Е. О. Особенности эмоционального интеллекта у лиц с разными типами психологических границ // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 1. С. 2581–2588.
11. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭИин // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
12. Люсин Д. В., Марютина О. О., Степанова А. С. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 129–140.
13. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29–39.
14. Тихомиров О. К. Психология мышления: учебное пособие. М.: Академия, 2007. 287 с.

15. *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 304 с.

16. *Южанинова А. Л.* К проблеме диагностики социального интеллекта личности // Проблемы оценивания в психологии. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. С. 95–111.

17. *Allport G. W.* Pattern and growth in personality. New York: Holt Rinehart and Winston, 1961. 132 p.

18. *Mayer J. D., Salovey P.* The intelligence of emotional intelligence. New York: Intelligence, 1993. 442 p.

19. *Thorndike E. L.* Intelligence and its uses. Harper's Magazine, 1920. 235 p.

Информация об авторах

Е. О. Ермолова – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

А. А. Кравец – студент 3 курса, направление «Психология», профиль «Психология развития», Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the authors

E. O. Ermolova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

A. A. Kravets – 3rd year Student, Direction “Psychology”, Profile “Psychology of Development”, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 09.11.2022.

The article was submitted 06.10.2022; approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 09.11.2022.

Научная статья

УДК 159.9.07

Особенности регуляции эмоций и соматизации аффекта: сравнительный анализ у разных групп испытуемых

Аклима Накиповна Султанова

*Новосибирский государственный медицинский университет,
Новосибирск, Россия, sultanova.aklima@yandex.ru*

Марина Геннадьевна Чухрова

*Новосибирский государственный педагогический университет;
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, mba3@ngs.ru*

Татьяна Александровна Филь

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, t.a._fil@mail.ru*

Алла Алексеевна Александрова

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, alla_1981@mail.ru*

Аннотация. В статье представлено исследование баланса чувственного и рационального у испытуемых разных клинических групп, а также выявление особенностей регуляции эмоций во взаимосвязи с соматическим компонентом личности. Обследовались пациенты с соматическим профилем отделений эндокринологии и пульмонологии и пациенты отделения невротозов. В качестве группы сравнения были опрошены люди, активно занимающиеся спортом. Выявлена взаимосвязь между алекситимией и способами эмоциональной дисрегуляции. Чем выше уровень алекситимии, тем ниже телесная осознанность. Выявлено, что пациенты отделения невротозов имеют высокие баллы по шкале алекситимии, группа с соматической патологией находится на промежуточном уровне. Основными дисрегуляторными способами эмоционального реагирования являются руминация и трудности ментализации.

Ключевые слова: алекситимия, психосоматические расстройства, особенности эмоционального реагирования.

Для цитирования. Султанова А. Н., Чухрова М. Г., Филь Т. А., Александрова А. А. Особенности регуляции эмоций и соматизации аффекта: сравнительный анализ у разных групп испытуемых // Развитие человека в современном мире. 2022. № 4. С. 40–50.

Original article

Features of regulation of emotions and somatization of the affect in patients of the psychic and somatic component

Aklima N. Sultanova

*Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia,
sultanova.aklima@yandex.ru*

Marina G. Chukhrova

Novosibirsk State Pedagogical University; Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, mba3@ngs.ru

Tatiana A. Fil

*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia,
t.a._fil@mail.ru*

Alla A. Alexandrova

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,
alla_1981@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study: to study the balance of sensory and rational in subjects of different clinical groups, to identify the peculiarities of emotion regulation in relation to the somatic component of personality. The study involved 28 subjects, average age 35.78 ± 13.88 , patients with a somatic profile of the departments of endocrinology and pulmonology and patients of the department of neuroses. As a comparison group, people who are actively engaged in sports were interviewed. The relationship between alexithymia and methods of emotional dysregulation is revealed. The higher the level of alexithymia, the lower the body awareness. It was revealed that the patients of the neurosis department have high scores on the alexithymia scale, the group with somatic pathology is at an intermediate level. The main dysregulatory ways of emotional response are rumination and difficulties of mentalization.

Keywords: alexithymia, psychosomatic disorders, features of emotional response.

For citation. Sultanova A. N., Chukhrova M. G., Fil T. A., Alexandrova A. A. Features of regulation of emotions and somatization of the affect in patients of the psychic and somatic component. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 4, pp. 40–50. (In Russ.)

Регулирование эмоций включает в себя согласованные отношения с самим собой, в том числе эффективную связь между телом, разумом и чувствами. Эффективное регулирование эмоций включает в себя способность точно обнаруживать и оценивать сигналы, связанные с физиологическими реакциями на стрессовые события, сопровождаемые соответствующими стратегиями регулирования, которые смягчают и влияют на эмоциональный ответ. Существуют убедительные доказательства, демонстрирующие связь между нарушенной осведомленностью о сенсорной информации, или interoцептивной осведомленностью, и трудностями в регулировании эмоций [1; 2]. Развитие этих ключевых interoцептивных способностей улучшает сенсорную (физическую и эмоциональную) осведомленность, уменьшает дистресс и улучшает регуляцию. Стратегии преподавания и изучения interoцеп-

тивной осведомленности недостаточно развиты в осознанности или психотерапевтических подходах, что особенно важно для людей, которые могут испытывать трудности при обучении интероцептивной осведомленности в результате стресса, хронической боли или травмы [1].

Регулируемые эмоции настраиваются и адаптируются к соответствующим психосоциальным и физическим обстоятельствам, оптимизируя возможности функционировать в восстановительной и ориентированной на рост манере [11; 13]. Это включает формирование адаптивного, адекватного эмоционального отклика, настроенного на внутренние личные сигналы, а также внешние обстоятельства, которые организуют поведение и приносит пользу человеку [5]. Нарушение регуляции эмоций включает в себя эмоциональную реакцию, которая является непропорциональной, ошибочной или неуместной в отношении стимула и неэффективной для достижения общего и последовательного благополучия.

Исследования все больше подтверждают тот факт, что эмоции могут влиять на нашу иммунную систему [6; 7].

За последние несколько десятилетий исследования предоставили достаточные доказательства сходств и совпадений между иммунными и эмоциональными реакциями. Большинство живых существ используют обе системы для динамической адаптации к постоянно меняющимся условиям внешней среды. Обе системы могут быть либо защитными для организма, если они находятся под контролем, либо вредными для него, когда они находятся в беспорядке [3; 4]. Несмотря на обширную совокупность имеющихся знаний о связях между этими двумя системами, достаточно сложно все систематизировать и вывести в единую концепцию. Это может быть связано со многими причинами, включая воспринимаемое впечатление, что мир иммунологии и мир психологии или психиатрии совершенно разные, если не полярные противоположности.

Аффективная иммунология – это теория, основанная на двух фундаментальных предположениях: 1) иммунная и эмоциональная системы отражают друг друга; 2) как иммунологические, так и эмоциональные реакции динамичны и постоянно меняются [8]. Первое предположение основано на базисе клинических и экспериментальных данных, свидетельствующих о повышенной частоте эмоциональных расстройств у пациентов, страдающих от иммунных заболеваний, и повышенной восприимчивости к иммунным заболеваниям у пациентов, страдающих психическими расстройствами [9]. Эмоциональная и иммунная системы очень «пластичны». Термин «пластичность» использовался для обозначения способности постоянно изменяться и приспосабливаться в зависимости от внешних факторов или условия жизни [3].

О влиянии временной или острой дисфункции иммунной системы на эмоциональное благополучие почти ничего не известно. Большая часть данных, доступных в этом отношении, касается последствий острого введения иммунодепрессантов. Несколько исследований на людях подтвердили связь между состоянием иммуносупрессии и развитием психических расстройств. Наиболее распространенными состояниями являются синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД), рассеянный склероз и ревматоидный артрит [4].

Существует необходимость взглянуть на иммунные и эмоциональные заболевания с другого ракурса. Более рационально рассматривать пациента как нечто целостное от его иммунного фенотипа до личности, от окружающей среды до об-

раза жизни. Важно использовать все возможные ресурсы, которые уменьшают негативные эмоции, частично улучшают здоровье и благотворно повлияют на иммунную и эндокринную регуляцию.

Эмоциональный импульс имеет два пути: он либо выражается, либо остается внутри нас, не находя выхода. Таким образом, эта подавленная энергия копится в теле годами и приводит к саморазрушению. Подавление и запрет на выражение – это ничто иное, как аутоагрессия. Вследствие этих деструктивных механизмов происходит потеря своего настоящего аутентичного Я, подмена и неосознание своих потребностей, высокий риск развития психосоматических заболеваний вследствие потери связи с телесным компонентом [1; 10; 12].

Безусловно, важно возвращать баланс чувственного и рационального, учиться принимать, отслеживать и понимать свое психоэмоциональное состояние. Необходимо помнить, что совершенно нормально быть раздраженным и злым, грустным, апатичным, веселым и возбужденным. Важно проводить грань между нежелательным поведением и табуированием нежелательных эмоций. Можно запрещать ребенку проявлять физическую агрессию по отношению к окружающим, но нельзя запрещать ребенку злиться. Если эмоция возникает, значит есть основание для ее ощущения.

Алекситимия в последние годы становится более распространенным явлением, которое обращает на себя внимание исследователей. По различным данным, частота встречаемости алекситимии колеблется от 2,9 % до 18,3 % в зависимости от возраста и особенностей деятельности. В переводе с греческого, алекситимия означает «нет слов для эмоций». Этот психологический феномен включает в себя гамму самых разнообразных симптомов: проблемы с дифференцировкой эмоций, искажение эмоционального фона, невозможность вербализации психоэмоционального состояния, трудности фантазирования. Люди, демонстрирующие высокий уровень алекситимии, не только имеют ограниченную способность отражать и регулировать свои эмоции, но также испытывают трудности в их устной передаче [2; 14; 16]. Но одно из главных особенностей алекситимии – это сложности в интерпретации своих телесных сигналов и, как следствие, развитие психосоматической патологии. Так как любое изменение аффекта сопровождается изменением телесного ощущения (вегетативные реакции, мышечный тонус, биохимия, гормональные скачки), а в случае алекситимии возникают трудности с определением этих состояний, в масштабном понимании это приводит к потере связи с телесным компонентом.

Дальнейшее интенсивное исследование телесных переживаний в контексте межличностных взаимодействий как с участниками, так и с терапевтами направлено на то, чтобы способствовать осознанию и пониманию телесного существования как разнообразного источника нейтрально, положительно и отрицательно оцененных воздействий на самопознание. Роль терапевта здесь состоит в том, чтобы помочь пациентам выработать альтернативную концептуализацию тела, переходя от субъективной точки зрения (тело воспринимается как просто враждебный объект, вызывающий проблемы и контролирующийся себя) к более целостной перспективе самосознания, уважения и принятия [15].

В своем исследовании Ф. Рорихт [17] с соавторами отмечают, что после проведения телесно-ориентированной терапии результаты включают снижение тяжести соматизации и значительное и устойчивое повышение субъективного качества жизни, которое было значительно более выраженным в группе вмешательства по сравнению

нию с начальными показателями. Потенциальный механизм наблюдаемых изменений может быть связан с повышением самооценки, что указывает на лучшую приверженность и способность справляться с устойчивыми физическими симптомами.

Цель исследования: изучение баланса чувственного и рационального у испытуемых разных клинических групп, выявление особенностей регуляции эмоций во взаимосвязи с соматическим компонентом личности.

Методы исследования. Исследование проводилось на следующих базах ГБУЗ НСО «Городская клиническая больница № 1» и ГБУЗ НСО «Государственная Новосибирская клиническая психиатрическая больница № 3». На диагностическом этапе в исследовании принимали участие 28 испытуемых, средний возраст $35,78 \pm 13,88$. В качестве основной выборки послужили пациенты с соматического профиля отделений эндокринологии и пульмонологии и пациенты отделения неврозов. В качестве группы сравнения были опрошены люди, активно занимающиеся спортом.

Применялись соответствующие методы: диагностика эмоциональной сферы при помощи Торонтской алекситимической шкалы, диагностика наличия эмоциональной дисрегуляции, опросник эмоциональной дисрегуляции, диагностика выраженности interoцептивных ощущений при помощи многоуровневой оценки interoцептивной осознанности, диагностика понимания невербальных проявлений эмоций проводилась с помощью набора изображений «Лица Экмана».

Полученные результаты были подвергнуты статистической обработке с помощью U-критерия Манна–Уитни, который использовался для выявления различий между основными группами и контрольной. Достоверные различия были выявлены как между основными группами и контрольной (по шкалам алекситимия, понимание невербальной стороны эмоций, руминация, трудности ментализации), так и между основными группами (по шкалам руминация, трудности ментализации, саморегуляция).

Результаты исследования и их обсуждение. Перед диагностическим этапом была проведена клиническая беседа, которая в совокупности с объективными методами способствовала более целостному пониманию портрета испытуемых. Беседа была направлена на сбор анамнеза, выявление актуального психоэмоционального состояния, объяснение цели исследования. Налаживание контакта затруднений не вызвало, испытуемые были заинтересованы и достаточно мотивированы.

Наиболее показательной группой были испытуемые в отделении неврозов. В результате беседы было выявлено, что большинство пациентов имели в анамнезе панические атаки, также было очевидным, что в структуре личности преобладает тревожно-депрессивный радикал. Характерной чертой была выраженная амбивалентность в высказываниях, не сопровождаемая критикой. При вопросах о правильности реагирования на условно отрицательные эмоции, пациенты строили грамматически верные конструкции, но то же время отражающие противоположные способы ответа на эмоциональный импульс, например, «выражать-подавлять». Такие особенности противоречивых суждений, характерны только для этой группы, замечались на протяжении всего исследования. Вероятнее всего, такие проявления личностной организации являются следствием внутриличностного конфликта и глубинных противоречий, что и лежит в основе невроза.

При оценке выраженности алекситимии у пациентов отделения неврозов было выявлено, что 63 % исследуемых имеют высокий уровень алекситимии, 12 % – промежуточный, 25 % – низкий. У пациентов соматического профиля результаты по-

казали наличие алекситимии у 27,3 %, 63,6 % имеют промежуточный уровень алекситимии, близкий к верхней границе.

Высокие баллы у первой группы испытуемых (пациенты отделения неврозов) могут свидетельствовать прежде всего о низкой выраженности экспрессивной стороны эмоций, что в свою очередь вызывает сложности в более тонкой дифференцировке эмоциональных состояний. Кроме этого, высокие показатели по шкале позволяют предположить о низкой связи с телом, с его потребностями.

Во второй группе исследуемых (пациенты соматического профиля) преобладает промежуточный вариант, следовательно, можно говорить о тенденции к алекситимии. Это может повлиять на течение (вероятнее всего и возникновение) заболевания, т. к. пациенты исследуемой группы относятся к отделениям эндокринологии и пульмонологии (в исследовании участвовали пациенты с астмой), заболевания которых имеют полимодальную факториальную природу. Психоэмоциональное состояние, наличие внутриличностного конфликта, нестабильный эмоциональный фон в совокупности с физиологическими нарушениями могут привести к возникновению патологии.

Достоверных различий между 1 и 2 группами выявлено не было ($p=0,7$). Это можно объяснить тем, что психогенная природа возникновения заболевания лежит в основе не только 1 группы, но и может частично влиять на патологию 2 группы испытуемых.

При анализе результатов контрольной группы, в которую входили люди, активно занимающиеся спортом, были получены следующие результаты: 88,9 % не имеют алекситимии, 11,1 % занимают промежуточную позицию в отношении наличия алекситимии.

Третья группа (группа спортсменов) демонстрирует положительные показатели по шкале. Это можно связать с тем, что люди этой категории находятся в хорошей согласованности со своим телом, так как на протяжении продолжительного времени с ним взаимодействуют. Они хорошо чувствуют потребности и находятся в контакте со своими эмоциями, способны конструктивно их выражать и дифференцировать.

По данным методики, выявляющей доминирующую стратегию эмоциональной дисрегуляции, средние и высокие показатели были выявлены по шкале руминации и трудности ментализации. У 50 % пациентов с неврозом обнаружен высокий показатель по шкале руминации и 50 % имеют среднюю выраженность признака. У пациентов соматического профиля ситуация более благоприятная: у 63,7 % исследуемых этой категории наблюдается средний уровень признака, в 18,1 % случаев – низкий уровень руминации, в 18,2 % – высокий. Достоверные различия между группой с неврозами и пациентов соматического профиля составляют $p=0,04$.

Результаты диагностики контрольной группы показывают, что 55,6 % спортсменов имеют средние показатели по шкале руминация и 44,4 % – низкий уровень.

При анализе шкалы избегания достоверных различий между группами выявлено не было. Все группы демонстрируют средние показатели по этой шкале. Это говорит о некой тенденции к уходу от негативных состояний и избеганию ситуаций, в которых они могли бы проявиться.

Значимой чертой при оценке эмоциональной дисрегуляции является наличие склонности к проявлению трудностей ментализации. Пациенты с неврозом в 87,5 % демонстрируют средний уровень выраженности и 12,5 % – высокий. У испытуемых

соматического профиля в 63,6 % выявляется средний уровень по шкале, в 18,2 % – низкий, 18,2 % – высокий. Контрольная группа также испытывает трудности ментализации: у 89 % респондентов отмечается средний уровень выраженности признака, что является неутешительным показателем и лишь у 11 % – низкий.

Таким образом, наличие признака руминации в контексте этой методики говорит о патологической навязчивой фиксации на ситуациях прошлого, чаще всего негативных, что сопровождается актуализацией негативных эмоций. Использование такого способа возвращения к аффекту расходует ресурс организма без возможности изменения болезненной ситуации, и впоследствии может привести к возникновению тревожно-депрессивных состояний. Трудности ментализации проявляются в сложности понимания своего психического состояния и состояния окружающих. У таких людей происходит нарушение в установлении взаимосвязей между психоэмоциональным состоянием и поведением, а также трудности в определении желаний и потребностей.

По результатам методики мы отметили выраженность низких показателей у пациентов с неврозами по следующим шкалам: способность не отвлекаться, способность не беспокоиться, саморегуляция. Это свидетельствует о повышенной тревожности при появлении каких-либо странных ощущений в теле и фиксация на них. Доказательством этому являются высокие показатели по шкале – способность замечать interoцептивные нарушения. Пациенты этого профиля воспринимают любые изменения на физиологическом уровне (головная боль, тахикардия, головокружения) как состояния, опасные для жизни, и гипертрофированно фиксируются на этих ощущениях, упуская при этом другие телесные и эмоциональные сигналы. В целом, можно сказать, что пациенты с неврозом недостаточно чувствуют связь со своим телом, своими потребностями и желаниями. Это может произойти по причине подавления эмоций и их капсулирования на уровне тела, а также при недостаточной интеграции структур личности.

Группа соматического профиля по всем шкалам демонстрирует средне выраженные показатели, что в целом является промежуточным вариантом между разорванностью связи с телом и высокой interoцептивной чувствительностью.

Наиболее благоприятные отношения между телом и психикой были обнаружены у испытуемых из группы спортсменов. Количественные показатели шкал находятся на среднем или высоком уровне. Это говорит о хорошей чувствительности своего тела, более качественном выражении эмоций и понимании своих потребностей.

Таким образом, мы делаем вывод, что люди, работающие над своим телом (например, спортивная деятельность), находятся в более тесном контакте с телесной структурой личности. Они более тонко могут дифференцировать места напряжения и дискомфорта, замечать связь эмоционального состояния и ощущений в теле, с большей вероятностью определяют свои желания и потребности, и, как следствие, чувствуют себя наиболее целостными. Пациенты с неврозом, напротив, фиксируются только на дискомфортных и болезненных ощущениях, неосознанно провоцируя тревогу. Они больше уделяют внимание рациональной стороне личности, анализируя и объясняя происходящее.

Было замечено, что это задание вызвало некие затруднения у всех 3 групп испытуемых. Респонденты на некоторые предъявления не могли дать однозначный ответ, что в целом демонстрирует низкие показатели успешных выборов оценки невербальной стороны чувственно-эмоциональной сферы. Тем не менее, испытуемые контрольной группы показывают наилучшие результаты.

Оценивая средние показатели выбора, представляется очевидным, что группа спортсменов в состоянии оценить большую часть невербальных проявлений эмоций. Из наблюдений во время проведения методики было интересно то, что большую часть представленных на изображении эмоций исследуемые переносили на собственную мимику, пытаясь в это время понять, на какое состояние это похоже. Часть пациентов соматического профиля демонстрировали схожее поведение. Пациенты отделения неврозов показали наименьшее число совпадений. Это можно объяснить высоким уровнем алекситимии, и, как следствие, низкими показателями эмпатии и неспособностью к тонкой дифференцировке эмоциональных состояний. Вторым отягощающим фактором является нарушение взаимосвязи сознания и телесности, такие пациенты испытывают сложности в переносе чувств на тело.

Достоверные различия были обнаружены между контрольной группой и группой больных неврозом ($p=0,0009$) и между контрольной группой и пациентами соматического профиля ($p=0,004$).

При качественном анализе проективной методики особое внимание на себя обратили пациенты, больные неврозом. Во время выполнения задания у 50 % возникли сложности с выбором цветового соответствия определенной эмоции, что вполне объяснимо высокими показателями алекситимии, и, следовательно, затруднениями на уровне воображения. Еще одной показательной особенностью этой категории респондентов является то, что никто из группы никак не взаимодействовал на силуэте человека с зоной таза и ниже, у всех эта область осталось не закрашенной. С точки зрения телесно-ориентированного подхода, это говорит о формировании тазового блока. Эта зона отвечает за инстинктивные, сексуальные импульсы, также в ней находятся витальные страхи. При формировании блока в этой области человек словно частично запрещает себе принимать удовольствие от жизни, фиксируясь на негативном, он теряет связь со своими истинными желаниями и потребностями, нарушается целостность личности. В доказательство этому при вопросе о месте хронического напряжения большинство отметили область шеи и шейно-воротниковой зоны. Это является зоной контроля между чувственным (тело) и рациональным (голова). Следовательно, у человека такой категории образуется конфликт между «хочу» и «нужно/правильно», что является одной из ведущих причин формирования невроза.

Прямая взаимосвязь высокой силы обнаружена между шкалами «алекситимия» и «руминация» ($r=0,8$). Это можно объяснить тем, что человеку недоступна вся гамма эмоционально-чувственных переживаний и он, таким образом, будто компенсирует эту потребность в фиксации на негативных событиях прошлого. Также замечена обратная корреляционная связь высокой силы, образующая треугольник между «руминацией» и «способностью замечать interoцептивные нарушения» ($r=-0,8$) и «алекситимией» и «способностью замечать interoцептивные нарушения» ($r=-0,7$). Это явление объясняется тем, что при высоких показателях по шкале алекситимии человек теряет связь с телесной структурой, с чувственной стороной личности и, следовательно, не замечает любые происходящие изменения в теле, т. к. эти потребности он компенсирует фиксацией на эмоционально наполненных событиях прошлого.

Рассматривая следующую обратную корреляционную связь высокой силы между «избеганием» и «доверием к телесным ощущениям» ($r=-0,7$), можем отметить, что, когда человек не стремится избегать эмоционально-окрашенных ситуаций,

у него формируется доверие к собственным телесным ощущениям. Но в этом случае важно учитывать особенности выборки. Пациенты с неврозом ложно думают, что находятся в хорошем контакте с телом и способны замечать любые изменения и контролировать их, хотя по факту они фиксируются на физиологических изменениях с формированием тревожных состояний, а остальные импульсы при этом игнорируются.

Таким образом, несмотря на доказательства связи между разумом и телом, разделение между ними все еще остается доминирующим положением для большинства населения и систем здравоохранения, о чем свидетельствует искусственное разделение между физическим и психическим здоровьем.

Эмоции, такие как гнев, страх, вина, беспокойство, грусть, обида, ревность и др., проявляются не только на уровне сознания, но и на телесном уровне. Умение конструктивного выражения эмоции способствует гармоничному развитию личности и ресурсному состоянию. Напротив, подавленные и неосознаваемые эмоции могут способствовать дисбалансу и соматической патологии [18; 19]. Подавление эмоций – активное воздействие на сильные эмоции, направленное против их естественного течения с целью их уничтожения. Следовательно, нарушается естественный ход их выражения, и при подобном систематически-стабильном повторении эмоциональных состояний и их подавлении, эмоция закрепляется на уровне тела и стимулирует нарушения на всех уровнях организации.

Выводы:

1. Выявлено, что пациенты отделения неврозов имеют высокие баллы по шкале алекситимии. Это создает трудности в вербализации собственных эмоций, нарушение связи с телом, стремление фокусироваться на внешних потребностях. Группа с соматической патологией находится на промежуточном уровне по шкале алекситимии. Основными дисрегуляторными способами эмоционального реагирования являются руминация и трудности ментализации.

2. У группы пациентов с неврозами в целом снижен контакт с собственным телом, им сложно фокусировать внимание на телесных ощущениях и саморегулировать их; ощущения, выходящие за рамки нормы вызывают состояние тревоги вплоть до развития панических атак. Группа соматического отделения демонстрирует средний уровень телесного осознания.

3. Определены сложности в дифференцировке эмоциональных состояний на основе невербальных изменений.

4. Выявлена взаимосвязь между алекситимией и способами эмоциональной дисрегуляции: чем выше уровень алекситимии, тем ниже телесная осознанность.

Список источников

1. *Пронин С. В., Чухрова М. Г., Егорова Л. С.* Психосоматика в клинической практике: монография. Новосибирск: Немо Пресс, 2019. 172 с.

2. *Холмогорова А. Б., Воликова С. В.* Семейный контекст расстройств аффективно-го спектра // Социальная и клиническая психиатрия. 2004. № 2. С. 11–20.

3. *Чухрова М. Г., Маркова Е. В.* Психосоматическая патология в контексте адаптации личности: монография. Saint-Louis: Science and Innovation Center Publishing House, 2016. 196 с.

4. *Чухрова М. Г., Пилипенко Г. Н.* Алекситимия и адаптация личности. Новосибирск: Альфа Ресурс, 2011. 96 с.

5. Blair R. J., White S. F., Meffert H. et al. Emotional learning and the development of differential moralities: implications from research on psychopathy // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2013. Vol. 1299. P. 36–41.

6. Brewer R., Happé F., Cook R. et al. Commentary on “Autism, oxytocin and interoception”: Alexithymia, not autism spectrum disorders, is the consequence of interoceptive failure // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2015. Vol. 56. P. 348–353. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2015.07.006

7. Dhabhar F. S., Malarkey W. B., Neri E. et al. Stress-induced redistribution of immune cells – from barracks to boulevards to battlefields: a tale of three hormones – Curt Richter Award winner // *Psychoneuroendocrinology*. 2012. Vol. 37, Issue 9. P. 1345–1368.

8. Di Tella M., Tesio V., Ghiggia A. et al. Coping strategies and perceived social support in fibromyalgia syndrome: relationship with alexithymia // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018. Vol. 59. P. 167–176. DOI: 10.1111/sjop.12405

9. Drossman D. A. Functional gastrointestinal disorders: History, pathophysiology, clinical features, and Rome IV // *Gastroenterology*. 2016. Vol. 150. P. 1262–1279. DOI: 10.1053/j.gastro.2016.02.032

10. Faramarzi M., Kheirkhah F., Shokri-Shirvani J. Psychological factors in patients with peptic ulcer and functional dyspepsia // *Caspian Journal of Internal Medicine*. 2014. Vol. 5, Issue 2. P. 71–76.

11. Gronke K., Kofoed-Nielsen M. Innate lymphoid cells, precursors and plasticity // *Immunology Letters*. 2016. Vol. 179. P. 9–18.

12. Hayley S., Audet M. C., Anisman H. Inflammation and the microbiome: implications for depressive disorders // *Current Opinion in Pharmacology*. 2016. Vol. 29. P. 42–46.

13. Hosoi M., Molton I. R., Jensen M. P. et al. Relationships among alexithymia and pain intensity, pain interference, and vitality in persons with neuromuscular disease: considering the effect of negative affectivity // *Pain*. 2010. Vol. 149. P. 273–277. DOI: 10.1016/j.pain.2010.02.012

14. Jones K. H., Jones P. A., Middleton R. M. et al. Physical disability, anxiety and depression in people with MS: an internet-based survey via the UK MS Register [Электронный ресурс] // *PLOS One*. 2014. Vol. 9, Issue 8. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0104604> (дата обращения: 10.11.2022).

15. Lopes P. C. Why are behavioral and immune traits linked? // *Hormones and Behavior*. 2017. Vol. 88. P. 52–59.

16. Muscatello M. R., Bruno A., Mento C. et al. Personality traits and emotional patterns in irritable bowel syndrome // *World Journal of Gastroenterology*. 2016. Vol. 22, Issue 28. P. 6402–6415.

17. Röhrich F., Sattel H., Kuhn C. et al. Group body psychotherapy for the treatment of somatoform disorder – a partly randomised-controlled feasibility pilot study [Электронный ресурс] // *BMC Psychiatry*. 2019. URL: <https://bmcp psychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12888-019-2095-6> (дата обращения: 10.11.2022).

18. Schulz A., Vögele C. Interoception and stress [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.00993/full> (дата обращения: 10.11.2022).

19. Shah P., Hall R., Catmur C. et al. Alexithymia, not autism, is associated with impaired interoception // *Cortex*. 2016. Vol. 81. P. 215–220. DOI: 10.1016/j.cortex.2016.03.021

Информация об авторах

А. Н. Султанова – доктор медицинских наук, доцент кафедры клинической психологии, Новосибирский государственный медицинский университет.

М. Г. Чухрова – доктор медицинских наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический универси-

тет; профессор кафедры психологии, педагогики и правоведения, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

Т. А. Филь – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии, педагогики и правоведения, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

А. А. Александрова – старший преподаватель кафедры общей психологии и истории психологии, факультет психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the authors

A. N. Sultanova – Doctor of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University.

M. G. Chukhrova – Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management.

T. A. Fil – Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Psychology, Pedagogy and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management.

A. A. Alexandrova – Senior Lecturer of the Department of General Psychology and History of Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 02.12.2022.

Развитие человека в современном мире. 2022. № 4
Human Development in the Modern World. 2022. no. 4

Научная статья

УДК 159.91

Сравнительный анализ ценностных ориентаций личности разных возрастных групп

Алла Алексеевна Александрова

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, alla_1981@mail.ru*

Владимир Михайлович Калашников

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, kvn.nsu@mail.ru*

Аннотация. В статье представлено изучение ценностных ориентаций у лиц ранней и поздней зрелости в сравнении. В интернет-пространстве опрошены 500 человек, из них: периода ранней зрелости (20–25 лет) – 250 чел., периода поздней зрелости (55–65 лет) – 250 чел. Применялась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Выявлено, что основные различия в ценностных ориентациях у лиц периода поздней зрелости по сравнению с аналогичными у лиц ранней зрелости выявлены в шкалах «Здоровье», «Красота», «Познание», «Продуктивная жизнь», «Развитие», «Семейная жизнь». Показано, что с увеличением возраста происходит смещение к увеличению конкретных ценностей и снижение важности абстрактных и профессиональных ценностей. С увеличением возраста женщины начинают больше беспокоиться о своем здоровье, ценность которого возрастает, а для мужчин более важной остается ценность общения с друзьями, т. е. социальная включенность.

Ключевые слова: ценностные ориентации, период ранней зрелости, период поздней зрелости.

Для цитирования. Александрова А. А., Калашников В. М. Сравнительный анализ ценностных ориентаций личности разных возрастных групп // Развитие человека в современном мире. 2022. № 4. С. 51–59.

Original article

Comparative analysis of the value orientations of individuals in different age groups

Alla A. Aleksandrova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, alla_1981@mail.ru

Vladimir M. Kalashnikov

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, kvm.nsu@mail.ru

Abstract. The aim of the study was to study the value orientations of people of early and late adulthood in comparison. 500 people were interviewed in the Internet space, of which: the period of early adulthood (20–25 years old) – 250 people, the period of late adulthood (55–65 years old) – 250 people. The method “Value Orientations” by M. Rokeach was used. It was revealed that the main differences in value orientations in persons of the period of late adulthood compared with similar ones in persons of early adulthood were revealed in the scales “Health”, “Beauty”, “Knowledge”, “Productive life”, “Development”, “Family life”. It is shown that with increasing age there is a shift towards an increase in specific values and a decrease in the importance of abstract and professional values. With increasing age, women begin to worry more about their health, the value of which increases, while for men, the value of communicating with friends remains more important, i. e. social inclusion.

Keywords: value orientations, the period of early adulthood, the period of late adulthood.

For citation. Aleksandrova A. A., Kalashnikov V. M. Comparative analysis of the value orientations of individuals in different age groups. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 4, pp. 51–59. (In Russ.)

Ценностно-смысловая сфера личности во многом детерминирует жизненный путь личности, превращает ее в субъекта деятельности. Так, с появлением смысла, жизнь приобретает особый вкус, из неконтролируемого и неуправляемого процесса становится некой разновидностью человеческой деятельности. Стремление к поиску и реализации индивидуального смысла жизни рассматривалось В. Франклом как врожденная мотивационная тенденция, присущая всем людям и являющаяся детерминантой поведения и развития личности. Смысл есть «наиболее человеческий феномен, так как животное никогда не бывает озабочено смыслом своего существования» [4, с. 48].

По мнению А. В. Серого и М. С. Яницкого, становление личности может происходить только через призму ценностно-смысловых ориентаций [3]. По определению Д. А. Леонтьева, «смысл жизни представляет собой концентрированную описательную характеристику наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственную за общую направленность жизни субъекта как целого» [1, с. 17].

Вместе с тем ценностно-смысловая сфера личности претерпевает существенную динамику в течение жизни [2; 5]. Ценностно-смысловое содержание жизни, как оно понимается самим субъектом, в значительной степени определяет уровень адаптированности личности.

В настоящее время стремительных изменений люди старшего возраста, носители опыта и знаний, зачастую оказываются невостребованными в силу того, что

не успевают приспособиться к новому ритму и не находят в современных реалиях применения своим способностям и возможностям, т. к. не считают их конгруэнтными обществу, опять же в силу того, что их ценностные ориентации расходятся с убеждениями молодого поколения. В связи с этим сравнительный анализ ценностно-смысловых ориентаций молодого и старшего поколения становится актуальным, т. к. он позволит выявить конфликтные зоны и реперные точки для психокоррекционных воздействий, нормализующих адаптацию старшего поколения к изменившимся условиям, и позволит в полной мере использовать их потенциал.

Цель работы – выявить имеющиеся особенности ценностно-смысловой сферы личности периода поздней зрелости в сравнении с таковыми у молодого поколения.

Методы исследования. Сравнение специфики ценностно-смысловой сферы личности периода поздней зрелости проводится в сравнении с показателями ценностно-смысловой сферой личности периода ранней зрелости. Всего в исследовании приняло участие 500 человек в течение 5 лет, по 100 человек ежегодно с 2017 по 2020 гг. Из них: периода ранней зрелости (20–25 лет), группа с условным названием «ранняя» – 250 чел., периода поздней зрелости (55–65 лет), группа с условным названием «поздняя» – 250 чел. Опрос проводился в интернет-пространстве. Мужчины и женщины представлены равными долями. Все тестируемые молодого поколения являются студентами различных факультетов НГУ и проживают в различных городах России. Тестируемые старшего поколения также являются жителями различных городов России, работают в сфере интеллектуальной деятельности (врачи, учителя, преподаватели, ученые).

Применялась методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), которая имеет большой спектр интересующих нас явлений.

Результаты и обсуждение. Сравнительный анализ ценностных ориентаций по методике Рокича показал различия внутри выделенных групп (рис. 1). Для удобства графического исполнения, а также расчета, мы перевели приоритеты выборов в сырые баллы, где приоритеты выбора градуировались в соответствии с порядком. Так, 1 позиция выбора дала 18 баллов, а последняя 0. То есть увеличение на 1 балл выражалось в изменении приоритета выбора на 1 пункт.

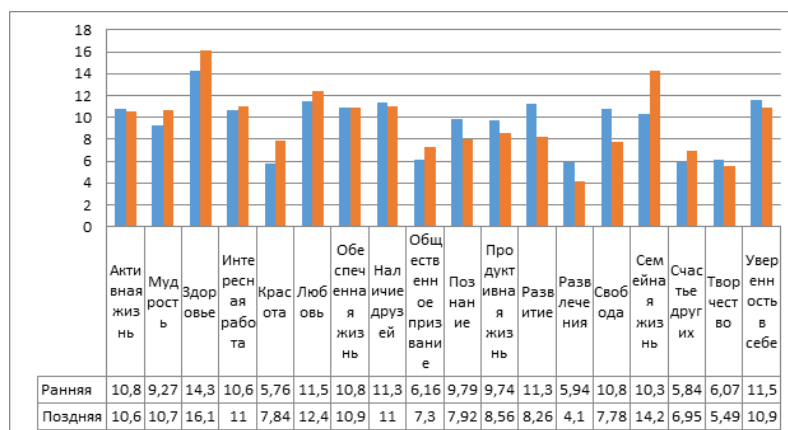

Рис. 1. Среднее значение по показателям между Группой «Ранняя» и «Поздняя» лет по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича (N=500)

Исходя из этого, мы видим различие в ценностных ориентациях, особенно в шкалах «Здоровье», «Красота», «Познание», «Продуктивная жизнь», «Развитие», «Семейная жизнь». Так, по шкале «Здоровье» «ранняя» группа показывает 14,3 баллов в среднем, а «поздняя» группа 16.1 балл, при этом каждый балл является 1-м пунктом в критерии важности респондентов, т. е. мы можем сказать, что ориентация на здоровье у «поздней» группы выросла на 2 пункта вверх в критериях важности в целом. Также мы можем увидеть рост по шкале «Семейная жизнь» на 4 пункта с 10,3 у группы «Ранняя», до 14,3 у группы «Поздняя», что говорит о росте приоритета семейной жизни с возрастом. Также с возрастом изменяется приоритет по шкале «Красота» на 2 пункта с 5,8 до 7,8 в среднем, что говорит нам о приоритете красоты с возрастом, а вернее о переживаниях по поводу красоты.

Объединяя данные, мы можем предположить, что с возрастом более важными понятиями становятся понятия здоровья, красоты и семейного благополучия над подобными же приоритетами в более молодом возрасте.

При этом заметно уменьшение приоритетов в выборе между группами «Ранняя» и «Поздняя» по шкалам «Познание» на 2 пункта с 9,7 до 7,9; «Продуктивная жизнь» на 2 пункта с 9,7 до 7,5; «Развитие» на 3 пункта с 11,3 до 8,3; «Свобода» на 3 пункта с 11,8 до 9,7.

Из этих данных следует, что с возрастом для людей становятся менее характерны стремления к независимости, познанию и развитию себя, а также к продуктивности в жизни.

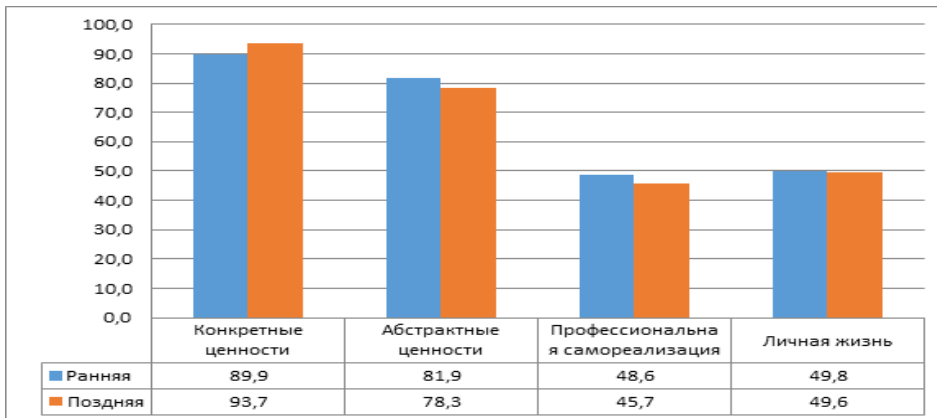

Рис. 2. Среднее значение по показателям между группой «Ранняя» и «Поздняя» по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича по шкалам «Конкретные ценности», «Абстрактные ценности», «Профессиональная жизнь», «Личная жизнь» (N=500)

Группировка ценностей по шкалам показала следующее. С увеличением возраста происходит смещение к конкретным ценностям с 89,9 до 93,3 и снижением к абстрактным с 81,9 до 78,3 и профессиональным с 48,6 до 45,6 (рис. 2). U-критерий Манна–Уитни при группирующем понятии «пол» показывает следующее (табл. 1).

**U-критерий Манна–Уитни для групп «Ранняя» и «Зрелая»
по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича (N=500)**

Шкалы	Ср. ранг – группа «Ранняя»	Ср. ранг – группа «Поздняя»	U	R – ур значимости
Мудрость	228.42	272.58	25729.000	0,001
Красота	215.77	285.23	22567.500	0,000
Здоровье	212.06	288.94	21639.000	0,000
Признание	225.8	275.11	25096.500	0,000
Познание	279.62	221.38	23969.500	0,000
Продуктивность	270.96	230.04	26134.000	0,000
Развитие	300.50	200.50	18751.000	0,000
Развлечение	287.52	213.48	21995.500	0,000
Свобода	295.40	205.60	20025.000	0,000
Семья	192.94	308.06	16860.000	0,000

Как представлено в таблице 1, у группы «Зрелая» большую важность имеют шкалы «Мудрость» (средний ранг 272,58 в сравнении с 228,42 у группы «Ранняя»), «Красота» (средний ранг 285,23 в сравнении с 215,77 у группы «Ранняя»), «Здоровье» (средний ранг 288,94 в сравнении с 212,06 у группы «Ранняя»), и «Семья» (средний ранг 308,06 в сравнении с 192,94 у группы «Ранняя»), а у группы «Ранняя» – «Познание» (средний ранг 279,62 в сравнении с 221,38 у группы «Поздняя»), «Продуктивность» (средний ранг 270,96 в сравнении с 230,04 у группы «Поздняя»), «Развитие» и «Свобода» (средний ранг 300,5 в сравнении с 200,5 у группы «Поздняя»). То есть для возраста 50–55 лет характерны приоритеты в сторону умения действовать с умом, желание сохранить внешнюю привлекательность и здоровье, а также очень важна поддержка и наличие семьи. Для группы с возрастом 20–25 лет более характерны стремления к познанию себя и окружающего мира, а также стремление к продуктивности и свободе.

С помощью непараметрического критерия г-Спирмена были выделены следующие значимые связи между возрастом и отдельными ценностями (рис. 3).

Из корреляционной плеяды мы видим, что шкала «Возраст» имеет сильную прямую корреляцию со шкалой «Жизненная мудрость», что говорит о прямой взаимосвязи важности жизненного опыта с увеличением возраста человека, сильную прямую взаимосвязь со шкалой «Здоровье», что указывает на ценность физического состояния при увеличении возраста испытуемых. «Возраст» имеет сильную прямую взаимосвязь со шкалой «Красота», что можно понимать как важность и заботу о сохранении внешнего облика с увеличением возраста, сильную прямую корреляцию со шкалой «Любовь», что показывает важность чувства любви для респондентов поздней зрелости, в отличие от респондентов ранней. «Возраст» имеет сильную прямую корреляцию со шкалой «Признание», что указывает на высокую ориентацию респондентов поздней зрелости на статус, как свой, так и окружающих. «Возраст» имеет сильную обратную корреляцию со шкалой «Познание», что говорит о ее важности у респондентов ранней зрелости и меньшую важность у респондентов поздней, а также сильную обратную взаимосвязь по шкале «Продуктивность», что указывает на более высокую ее важность у испытуемых более младшего

возраста. «Возраст» имеет сильную обратную корреляцию со шкалой «Развитие», что говорит об ее ослаблении с возрастом, а также сильную обратную взаимосвязь по шкале «Развлечения» как показатель важности этой ценности у более младшего возраста относительно старшего. «Возраст» имеет сильную обратную корреляцию по шкале «Свобода», что может говорить о стремление к сепарации у более молодого поколения и меньшей важности этой ценности у более зрелых респондентов. Также мы видим прямую сильную взаимосвязь между шкалами «Возраст» и «Семья», что указывает на увеличение важности семейных ценностей с увеличением времени и слабую прямую взаимосвязь со шкалой «Другие люди», что указывает на важность для зрелого возраста наличия друзей, возможно, полезных связей.

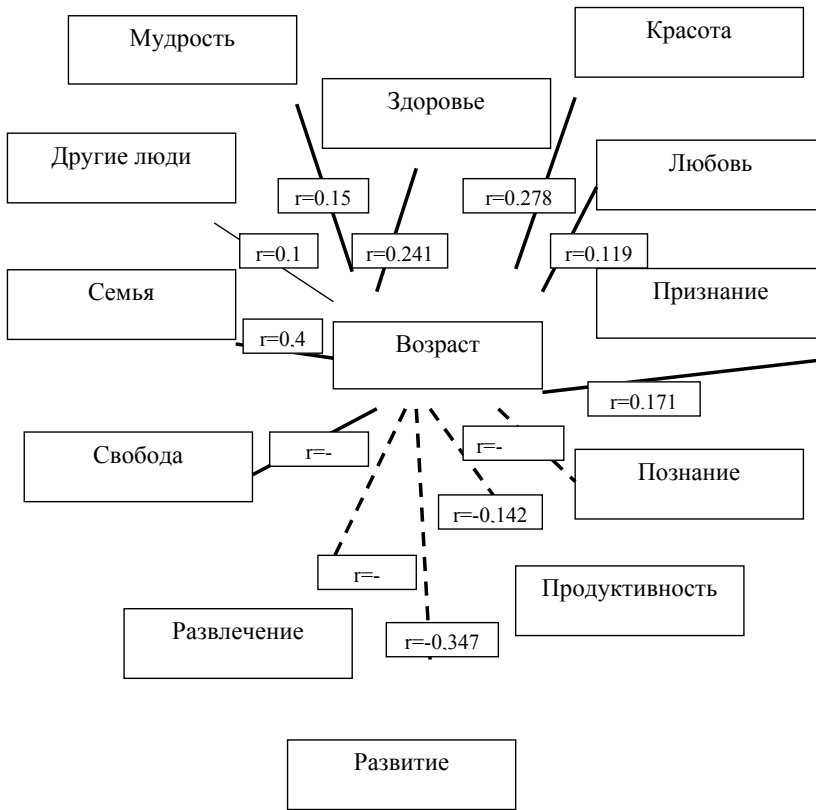

Рис. 3. Корреляционная плеяда взаимодействий возраста и ценностей, по данным методики «Ценностные ориентации» М. Рокича (N=500)

Имеется прямая сильная взаимосвязь между женским полом и здоровьем, т. е. женщины чаще мужчин интересуются своим здоровьем в любом возрасте (рис. 4). Также выявлены слабые обратные взаимосвязи между полом и шкалами «Друзья», «Свобода» и «Другие люди», что говорит о большем интересе у мужчин вопросами дружбы, личного пространства и взаимодействиями с другими людьми.

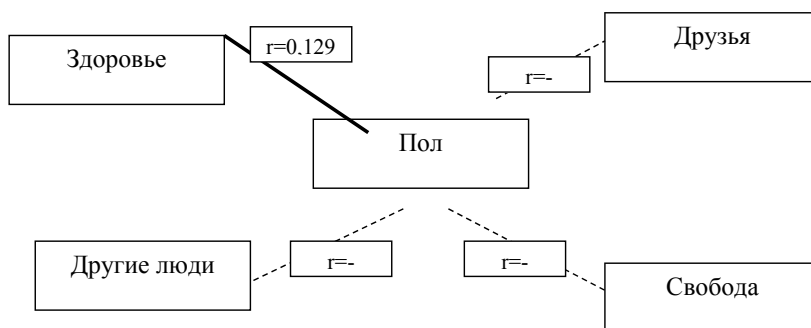

Рис. 4. Корреляционная плеяда взаимодействий пола и ценностей по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича (N=500)

На рисунке 5 представлены прямые сильные взаимосвязи между шкалами «Возраст» и «Конкретные ценности» и обратные сильные взаимосвязи со шкалами «Абстрактные ценности» и «Профессиональные ценности». Это говорит о склонности респондентов ранней зрелости к абстрагированию и профессиональному росту как тенденциям престижа в обществе, в то же время респонденты в поздней зрелости больше внимания уделяют конкретным ценностям. То есть возрастные критерии сдвигают направленность с личностно-профессиональных качеств на конкретные, осязаемые критерии статуса и семейного благополучия.

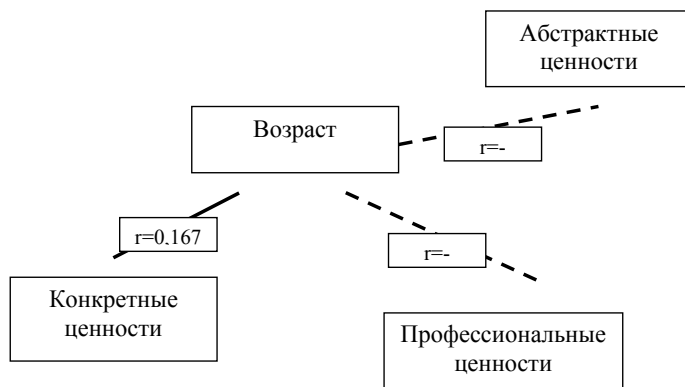

Рис. 5. Корреляционная плеяда ценностей по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича (N=500)

Таблица 2

U-критерий Манна–Уитни для групп «Ранняя» и «Поздняя» по шкалам, исходя из методики «Ценностные ориентации Рокича» (N=500)

Шкалы	Ср. ранг – группа «Ранняя»	Ср. ранг – группа «Поздняя»	U	R – ур значимости
Конкретные	226.40	274.60	25225.000	0,000
Абстрактные	272.88	228.12	25656.000	0,001
Профессиональные	274.93	226.07	25142.500	0,000

Как видно из таблицы 2, у группы «Поздняя» значимые расхождения по шкалам «Конкретные ценности», «Абстрактные ценности» и «Профессиональная реализация». При этом больший приоритет у группы «Поздняя» вызывает шкала «Конкретные ценности» (средний ранг 274,6 в отличие от 226,4 группы «Ранняя»). У группы «Ранняя» больший приоритет вызывают шкалы «Абстрактные ценности» (средний ранг 272,88 в отличие от 228,12 группы «Поздняя») и «Профессиональная реализация» (средний ранг 274,93 в отличие от 226,07 группы «Поздняя»).

Таким образом, проведенный анализ показал различия в ценностных ориентациях у лиц разной степени зрелости, связанные с физиологическими особенностями, приобретением жизненного опыта и разными исходными социально-политическими позициями, воспитанием, обучением и переживанием кризисов. Смещение ценностных ориентаций в течение жизненного пути является закономерным, в связи с чем этот факт необходимо учитывать при планировании психологического сопровождения лиц разных возрастных периодов при нарушении социальной адаптации.

Подводя итог исследования, перечислим основные выводы:

1. Основные различия в ценностных ориентациях у лиц периода поздней зрелости в сравнении с таковыми у лиц ранней зрелости выявлены в шкалах «Здоровье», «Красота», «Познание», «Продуктивная жизнь», «Развитие», «Семейная жизнь».

2. Выявлено, что с увеличением возраста происходит смещение к увеличению конкретных ценностей и снижение ценностей абстрактных и профессиональных.

3. С увеличением возраста женщины начинают больше беспокоиться о своем здоровье, ценность которого возрастает, а для мужчин более важной остается ценность общения с друзьями, т. е. социальная включенность.

Список источников

1. *Леонтьев Д. А.* Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. 43 с.
2. *Лунина Е. Б.* Трансформации смысловой сферы в позднем возрасте // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 1. С. 115–116.
3. *Серый А. В., Яницкий М. С.* Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. 92 с.
4. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 181 с.
5. *Яницкий М. С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. 204 с.

Информация об авторах

А. А. Александрова – старший преподаватель кафедры общей психологии и истории психологии, факультет психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

В. М. Калашиников – студент 2 курса, направление «Психология», профиль «Консультативная психология и психотерапия», факультет психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the authors

A. A. Aleksandrova – Senior Lecturer of the Department of General Psychology and History of Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

V. M. Kalashnikov – 2nd year Student, Direction “Psychology”, Profile “Consulting psychology and psychotherapy”, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 29.11.2022.

ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Развитие человека в современном мире. 2022. № 4
Human Development in the Modern World. 2022. no. 4

Научная статья

УДК 159.9

Возможности профессионального развития студентов вузов и формирования коллективов студенческих групп в процессе совместной проектной деятельности

Дарья Викторовна Попкова

*Сибирский государственный университет водного транспорта,
Новосибирск, Россия, d.v.popkova@nsawt.ru*

Оксана Анатольевна Володина

*Сибирский государственный университет водного транспорта,
Новосибирск, Россия, ovolodin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются возможности сочетания в образовательном процессе современного вуза задач профессионального развития личности с задачами ее социализации на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей. Ставится цель экспериментально исследовать возможности применения проектного метода обучения как комплексного педагогического инструмента, одновременно создающего условия для успешного профессионального развития студентов вузов и способствующего процессу формирования и развития коллективов студенческих групп.

Представлен общий обзор научного подхода к институционализированной форме профессионального развития студентов высшей школы как будущих участников трудовых отношений. Описываются сложившиеся представления об этапах профессионального становления, которые соотносятся с формированием отдельных знаний, умений и навыков в рамках разработанного в науке компетентностного подхода. Приводятся теоретические аспекты формирования коллектива, а также принципы коллективной деятельности и «коллективного способа обучения». Представлен краткий обзор теоретических основ, понятийного аппарата, алгоритмов осуществления проектного метода, опираясь на современные научные работы.

Приводятся результаты исследования участия студентов в учебном проекте по дисциплине «Маркетинг». Формулируется вывод о существующем влиянии совместной проектной деятельности студентов на их профессиональное развитие и на показатели формирования коллективов в студенческих группах, также о возможностях использования проекта в качестве комплексного педагогического инструмента.

Ключевые слова: студент, профессиональное развитие, проектная деятельность, комплексный педагогический инструмент, группа, студенческий коллектив, формирование коллектива, коллективный способ обучения.

Для цитирования: Попкова Д. В., Володина О. А. Возможности профессионального развития студентов вузов и формирования коллективов студенческих групп в процессе совместной проектной деятельности // Развитие человека в современном мире. 2022. № 4. С. 60–78.

Original article

University students opportunities for professional development and the formation of student groups teams in the process of joint project activities

Daria V. Popkova

*Siberian State University of Water Transport, Novosibirsk, Russia,
d.v.popkova@nsawt.ru*

Oksana A. Volodina

*Siberian State University of Water Transport, Novosibirsk, Russia,
ovolodin@mail.ru*

Abstract. The article considers the possibilities of combining the tasks of professional development of the individual with the tasks of its socialization on the basis of socio-cultural, spiritual and moral values in the educational process of a modern university. The goal is to experimentally explore the possibilities of using the project-based teaching method as a comprehensive pedagogical tool that simultaneously creates conditions for the successful professional development of university students and contributes to the formation and development of student groups.

A general overview of the scientific approach to the institutionalized form of professional development of students of higher education as future participants in labor relations is presented. The existing ideas about the stages of professional development are described, which are correlated with the formation of individual knowledge, skills and abilities within the framework of the competence-based approach developed in science. Theoretical aspects of the formation of the team, as well as the principles of collective activity and the "collective way of learning" are given. A brief overview of the theoretical foundations, conceptual apparatus, algorithms for the implementation of the design method, based on modern scientific work, is presented.

The results of the study of students' participation in the educational project in the discipline "Marketing" are presented. The conclusion is formulated about the existing impact of the joint project activities of students on their professional development and on the indicators of the formation of teams in student groups, as well as on the possibilities of using the project as a comprehensive pedagogical tool.

Keywords: student, professional development, project activity, complex pedagogical tool, group, student team, team building, collective way of learning.

For citation: Popkova D. V., Volodina O. A. University students opportunities for professional development and the formation of student groups teams in the process of joint project activities. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 4, pp. 60–78. (In Russ.)

Введение. Сегодня актуальной задачей для вузов является поиск инструментов, позволяющих получить мультипликативный, комплексный педагогический резуль-

тат, поскольку высшее профессиональное образование в нашей стране должно решать целый ряд задач профессионального обучения, воспитания и развития личности молодого человека [1; 8; 10, с. 3–5]. С одной стороны, в современном вузе профессиональная подготовка должна быть ориентирована на формирование и развитие компетенций будущих профессионалов, своевременную подготовку к решению производственных задач в рамках будущей профессиональной деятельности [11; 18; 20]. Профессиональные качества будущих специалистов, выходящих на рынок труда, и требования к ним со стороны государства и работодателей отражены в образовательном и профессиональном стандартах. Федеральным государственным образовательным стандартом третьего поколения (ФГОС 3++). Повышенное внимание уделяется практико-ориентированной подготовке обучающихся, что должно обеспечить своевременное прохождение этапа адаптации обучающихся в процессе профессионального становления. С другой стороны, вузы должны сочетать задачи профессионального обучения, развития личности и создания условий для ее самоопределения с задачами социализации личности на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей, принятых в обществе. Такая цель поставлена в законе «Об образовании в РФ»¹. На протекание процессов самоидентификации и социализации молодых людей большое влияние оказывает студенческий коллектив. Поэтому так важно в образовательном процессе уделять пристальное внимание формированию и развитию коллективов студенческих групп [1; 2; 4; 25].

В этой связи актуальной задачей для вузов является поиск инструментов, позволяющих получить комплексный педагогический результат. Одним из таких инструментов может быть совместная проектная деятельность студентов в образовательном процессе, нацеленная как на освоение профессиональных компетенций и формирование профессионально значимых качеств личности, так и на приобретение навыков командной работы, развитие коллективов студенческих групп и привитие коллективизма как традиционной ценности для народов Российской Федерации². На современном этапе развития высшей школы, «профессиональная подготовка» представляет собой «институционализированный процесс, который осуществляется в организациях профессионального образования разного уровня, работающих в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами» [27].

Процесс развития и становления профессионала анализируется Ю. П. Поваренковым как специфическая форма социализации, индивидуализации, научения и развития индивида, как форма его жизненного пути [18].

Согласно концепции Э. Ф. Зеера, профессиональное становление охватывает значительную часть трудовой деятельности человека и включает следующие стадии: «формирование профессиональных интересов» (0–12 лет), «формирования профессиональных намерений» (14–16 лет), «профессиональная подготовка, в основе которой лежит профессиональное самоопределение и готовность к самостоятельному труду» (16–23 года), «профессиональная адаптация как освоение новой

¹ Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.12.2022).

² Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/400951e1bec44b76d470a1deda8b17e988c587d6/ (дата обращения: 01.12.2022).

социальной роли, начало трудовой деятельности, начало формирования профессионально-значимых качеств» (18–23 года), «первичная и вторичная профессионализация» (26–33 года), «вершинные достижения в профессиональной деятельности» (33–55 лет), а также неразрывно связано с профессиональным трудом личности [6].

Результативность профессионального становления зависит от успешного прохождения всех ее стадий и этапов, но особая роль отводится профессиональной подготовке студента [11].

В ходе профессионального становления студентов осуществляется развитие личности в деятельности. В проектной деятельности системообразующими направлениями в развитии личности при организации познавательной деятельности являются процессы мотивации. Познавательная деятельность как психологическая проблема выступает в виде системы взаимосвязанных вопросов о мотивации, ее закономерностях, механизмах, условиях появления, изменения и формирования. Познавательная деятельность приобретает продуктивный характер лишь тогда, когда в ходе этой деятельности происходит формирование мотивационных новообразований (потребностей, мотивов, целей, смыслов и т. д.) [7, с. 3].

В проектной деятельности происходит развитие рефлексии и становление самооценки студента как будущего профессионала через пересмотр традиционной системы педагогического оценивания, переход к системе процессуального оценивания, представляющего собой оценивание понимания и способности применить полученные теоретические знания на практике [5; 12; 21; 24]. Эта форма оценки, как показано в исследовании

С. Е. Мухиной, является формирующей у студентов представления об их знании и незнании, сильных и слабых сторонах, т. е. характеризующую рефлексивную часть процесса обучения [14].

Требования рынка таковы, что к моменту завершения профессиональной подготовки в вузе обучающиеся должны овладеть практическими навыками профессиональной деятельности и развить дополнительные качества специалиста, требуемые работодателем для получения предлагаемой работы даже в случае первичного появления на рынке труда.

Помимо профессиональных знаний, умений и навыков, приобретаемых студентами во время обучения в вузе, что соответствует этапу «Профессиональная подготовка», одним из требований работодателей является умение осуществлять социальное взаимодействие, реализовывать свою роль в команде и в рабочем коллективе. Формирование указанных умений в современных условиях происходит на стадиях «Профессиональной адаптации» и «Профессиональной подготовки».

Формированию универсальных компетенций, связанных с социальной коммуникацией, способствуют коллективные виды деятельности и развитие в академической группе воспитательного коллектива как благоприятной среды, оказывающей влияние на профессиональное становление личности каждого студента. Это означает, что при проектировании и организации образовательного процесса в современном вузе необходимо уделять достаточное внимание коллективным формам учебной и внеучебной деятельности.

В традиционной культуре народов Российской Федерации коллективизм воспринимается как нравственная ценность. Коллективные отношения формируются на основе совместной деятельности, требующей консолидации усилий для достиже-

ния общей цели, увязывания индивидуальных и групповых интересов и выражаются во взаимной помощи поддержке [8; 10, с. 23–25].

Однако в современном глобальном мире принципы коллективизма как нравственной ценности ставятся под вопрос, тем более что существует давняя традиция индивидуализма и его культивирования, что известно из истории мировой культуры [9]. Принципу «коллективизма», таким образом, противопоставляются ценности «индивидуализма». С одной точки зрения, коллективизм воспринимается как способ удовлетворения личностью своих нравственных интересов в служении коллективу [26], с другой – коллективизм трактуется в контексте противопоставления интересов личности интересам коллектива, а в крайних проявлениях как основанный на подчинении личности коллективу.

Между тем в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве приоритетной задачи ставится формирование новых поколений, разделяющих общенациональную и этническую идентичность, традиционные нравственные ценности народов Российской Федерации, готовых к мирному созиданию и защите Родины, проявляющих уважение к культуре и традициям людей, которые живут рядом³. В связи с этим одной из задач воспитания в современном вузе является создание условий для развития студенческих коллективов и привития молодым людям ценностей коллективизма.

Усилия по формированию и развитию коллектива внутри студенческой группы могут способствовать адаптации студентов младших курсов к условиям обучения в вузе, успешной идентификации, социализации и личностному развитию молодых людей, а также снижению социальных рисков. Кроме того, в вузе, где студенческие группы представляют собой организованные, сплоченные и развитые коллективы, эффективнее решаются административные и педагогические задачи профессионального образования, воспитания и личностного развития молодежи.

Отечественные исследователи сходятся во мнении, что коллектив является наивысшим уровнем развития группы или социальной общности [15]. К признакам группы-коллектива обычно относят наличие значимой для всей группы цели, принимаемой и разделяемой всеми ее членами, высокую организованность, сплоченность, благоприятный психологический климат и открытость к контактам с членами других коллективов [16, с. 3].

По мнению О. О. Тулиной, коллективная деятельность предполагает активное и равноправное участие студентов в достижении общей социально значимой задачи самостоятельно или под руководством педагога, когда от деятельности одного студента зависит общий результат [25]. Сегодня широко известны такие внеучебные форматы, как творческие, научные, патриотические, общественные студенческие объединения, движения волонтеров, студенческих отрядов. Все они, безусловно, способствуют развитию коммуникативных компетенций, приобретению навыков командной работы, привитию ценностей коллективизма. Однако такие формы зачастую не помогают формированию и развитию коллективов академических студенческих групп, а иногда даже затрудняют этот процесс [4]. В этом отношении особенную ценность имеют инструменты коллективной деятельности студентов,

---

³ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/400951e1bec44b76d470a1deda8b17e988c587d6/ (дата обращения: 01.12.2022).

интегрируемые в учебный процесс. При этом для решения задачи формирования коллектива, организация коллективной деятельности должна основываться на принципах теории «коллективного способа обучения», основоположником которой предлагают считать В. К. Дьяченко [3].

Коллективный способ обучения предполагает работу в парах или творческих группах сменного состава. При этом каждый член группы получает опыт взаимодействия с каждым и при этом учится у каждого и обучает каждого. В результате студент отвечает не только за свои успехи и знания, но и за знания и успехи других студентов группы. Стимулом к этому является достижение общей цели [13]. К ключевым принципам коллективного способа обучения относят принцип всеобщего сотрудничества и взаимопомощи, принцип разнообразия тем и заданий, принцип разделения учебного и творческого труда, принцип обучения по способностям, а также педагогизации деятельности каждого участника учебного процесса [1]. При коллективном способе обучения важно соблюдать следующие условия при формировании учебных заданий. Студенты, при движении к общей конечной цели, имеют разный фронт работ, изучают разные фрагменты учебного материала или выполняют разные функции в общем проекте, время и последовательность действий у них могут сильно различаться. При этом имеют место временные кооперации отдельных студентов или микрогрупп, когда траектории их продвижения к цели пересекаются [13, с. 3].

В статье ставится цель экспериментально исследовать возможности применения проектного метода обучения как комплексного педагогического инструмента, одновременно создающего условия для успешного профессионального развития студентов вузов и способствующего процессу формирования и развития коллективов студенческих групп.

Методы. В основу эмпирического исследования положен метод формирующего эксперимента, выявляющего возможности проектного метода обучения как условий для профессионального развития студентов и сплочения коллективов академических групп.

На наш взгляд, проектные методы обучения и их организация по принципам коллективного способа обучения содержат в себе богатые возможности как для профессиональной подготовки студентов, так и для развития коллективизма в группах и навыков командной работы.

В рамках проектного метода обучения студенты самостоятельно формулируют проблему, цель исследования, способы ее достижения, ищут и анализируют информацию, в то время как преподавателю отводится роль консультанта [12].

Проектная деятельность является достаточно распространенным методом учебной деятельности, требования к реализации которого регламентируются ФГОС ВО. По оценкам специалистов [5, с. 55; 24] идея проектирования («progetti») в образовательном процессе зародилась в XVI в. в архитектурных мастерских Италии, опыт которых в дальнейшем был применен и усовершенствован Королевкой академией архитектуры Франции. Студенты академии не только готовили творческие проекты, но и регулярно участвовали в конкурсах-отборах, защищая их (ежегодно «Prix de Roma» и ежемесячно «Prix d'Emulation»). Таким образом, проектная деятельность будущих архитекторов приобрела статус обучающего метода и стала неотъемлемой частью профессионального образования [17; 21; 24].

Впервые термин «проект» был использован Д. Снедзеном в 1908 г., узаконенный для применения в педагогической литературе американским Бюро воспитания в 1911 г. Под «проектом» понималась самостоятельно планируемая учащимися и регулируемая учителем практическая деятельность, подчиняющаяся алгоритму получения знаний, как основа формирования личности ребенка [17, с. 307].

Теоретическая основа применения метода проектов в современной России разработана Е. С. Полат [19]. Основой метода проектов, по мнению Е. С. Полат, является процесс развития познавательных навыков, критического мышления, умения ориентироваться в информационном пространстве.

Как считает один из ведущих специалистов в области профессионального образования Г. К. Селевко, метод проектов может рассматриваться как способ организации самостоятельной деятельности обучающихся, стремящихся к достижению значимого результата [22].

В настоящее время существует достаточно обширная практика классификации проектов на основе целей и выбора подходов к осуществляемой проектной деятельности [5], наиболее полная классификация была представлена Е. С. Полат [19, с. 193–201].

Использование метода проектов, указывает Е. С. Полат, предусматривает определенную последовательность действий (см. рис. 1).

Рис. 1. Последовательность действий при выполнении проекта

Метод проектов ориентирован на интерес, на творческую самореализацию развивающейся личности обучающегося, развитие его интеллектуальных и физических возможностей, волевых качеств и творческих способностей в процессе деятельности по решению какой-либо интересующей его проблемы [22].

Сегодня метод проектов активно используется совместно с другими методами обучения и в системе профессионального образования [5; 12; 17; 19; 20].

Было проведено эмпирическое исследование влияния участия студентов вуза в проектной деятельности на профессиональное развитие и процесс коллективообразования в студенческих группах на примере игрового учебного проекта «Битва разоблачителей рекламы», проводимого в ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет водного транспорта» в рамках дисциплин «Маркетинг» и «Маркетинг на транспорте». В вузе этот проект проводится ежегодно в течение семи лет. В рамках проекта студентам предлагается провести комплексный анализ рекламных материалов, доступных в открытых информационных источниках. Комплексный подход к маркетинговому анализу реализуется за счет использования целого

ряда номинаций: целевая аудитория, краткое вербальное сообщение, мотивы покупательского поведения, стратегия позиционирования товара (фирмы, торговой марки), ожидаемая ответная реакция, аргументы убеждения, используемые в рекламе, приемы, усиливающие эффективность восприятия информации.

Работа над проектом длится в течение целого учебного семестра и включает несколько этапов. На первом этапе студентам ставится задача собрать команду, которая будет участвовать в финальном этапе проекта – «Битве разоблачителей рекламы». На втором этапе происходит подготовка содержательной части проекта, усвоение принципов и методов анализа рекламных материалов по всем номинациям. На этом этапе проводятся мастер-классы с участием преподавателей дисциплин маркетинговой направленности. При этом интересные им рекламные материалы для «тренировочного анализа» студенты подбирают сами. Затем студентам предлагается продолжить самостоятельное совершенствование навыков маркетингового анализа в составе команд или студенческих групп. На третьем этапе происходит организационная подготовка к проведению финальной «Битвы». Студенты продумывают элементы фирменного стиля своей команды: название, слоган, атрибутику, дизайн костюмов, роли в команде. В обязанности участников проекта входит организация финального игрового мероприятия: приглашение болельщиков и членов жюри, создание сценария, подготовка ведущих, программа работы со зрителями во время пауз, организация работы счетной комиссии и др. Перед студентами, по сути, ставится цель организовать для себя и своих друзей яркий и запоминающийся праздник. При этом руководство совместной проектной деятельности студентов осуществляется с соблюдением описанных выше принципов «коллективного способа обучения».

Проект используется в университете в качестве предметной олимпиады и может проводиться в масштабах факультета, вуза или на межвузовском уровне. В проекте могут участвовать до 12 команд по 4–6 человек. Сформулирована гипотеза о том, что этот проект может рассматриваться как комплексный психолого-педагогический инструмент, позволяющий решать сразу несколько задач.

Во-первых, проект способствует профессиональному развитию студентов. Участники получают и закрепляют профессиональные знания, умения и навыки в области маркетинга и рекламы, и, что еще более важно, знакомятся со стилями анализа и стратегиями соперников. Проект нацелен на развитие аналитических возможностей обучающихся, необходимых им как в профессиональной, так и в личной сфере. Кроме того, проект способствует развитию компетенций, связанных с организацией различных видов деятельности и управления коллективами людей.

Во-вторых, участие в проекте «Битва разоблачителей рекламы» предполагает совместную работу студентов в режиме реального времени. Практика работы в вузе показывает, что у большинства современных молодых людей вызывает трудности организация конструктивного взаимодействия даже в небольших коллективах. Сложность возникает при соблюдении баланса интересов команды и их индивидуальных интересов. Командная форма участия в проекте способствует развитию навыков коллективной деятельности. Она дает им возможность ощутить преимущества работы в команде. Например, совместный анализ, использующий технологию «мозгового штурма», позволяет рассмотреть гораздо больше граней анализируемого объекта. Командная работа дает им бесценный опыт усиления их собственных возможностей, поддержанных силой коллектива. Описанный выше проект также

может рассматриваться как инструмент формирования и развития студенческих групп, привития ценностей коллективообразования. Этот эффект усиливается, если в проекте участвуют не сборные команды, сформированные по случайным признакам, а команды-представители академических студенческих групп. В этом случае члены команды становятся «делегатами», представляющими интересы группы на финальном этапе, а на остальных этапах группа работает совместно, консолидируя свои усилия для достижения результата – победы в финале проекта. Состав команды может быть определен группой непосредственно перед финалом путем выбора игроков, достигших максимальных успехов в тренингах по анализу рекламных материалов, или обладающих иными качествами, дающими команде дополнительные преимущества. Таким образом, проект основывается на принципах «коллективного способа обучения» и создает условия, позволяющие применить принцип успешного коллективообразования – когда у группы есть общая цель, достижение которой способствует реализации целей каждого из ее членов.

Помимо профессионального развития и привития навыков коллективной деятельности и ценностей коллективизма, проект «Битва разоблачителей рекламы» способствует личностному развитию студентов, совершенствованию устной речи, навыков критического мышления и восприятия информации, психологической безопасности и устойчивости в агрессивной информационной среде. Студенты, принявшие участие в проекте, неизменно заявляют: «Мы уже не можем смотреть рекламу как раньше».

Результаты. Исследование влияния участия студентов в упомянутом выше проекте на профессиональное становление и формирование коллективов академических групп проводилось в 2018–2019 и 2019–2020 учебных годах. Сведения о трудоустройстве участников эксперимента собирались в период с 2019 по 2021 гг. В исследовании была проведена диагностика в группах 3 курса направлений подготовки 38.03.01 Экономика и 38.03.02 Менеджмент. Состав участников исследования представлен в таблице 1.

Таблица 1

Состав участников исследования

Учебный год	Группа 1 (24 человека)	Группа 2 (19 человек)	Группа 3 (22 человека)	Группа 4 (23 человека)
2018–2019	В проекте участвовали	В проекте не участвовали	–	–
2019–2020	–	–	В проекте участвовали	В проекте не участвовали

В проводимом исследовании были задействованы: группа 4 (контрольная группа), группа 3 (экспериментальная группа) и группа 2 (студенты предшествующего года обучения).

В качестве критериев профессионального становления обучающихся нами были выбраны следующие: качество обучения в вузе, осознанность выбора места работы, успешность трудовой деятельности. Результаты исследования по критерию «Качество обучения в вузе» представлены на рисунках 2 и 3.

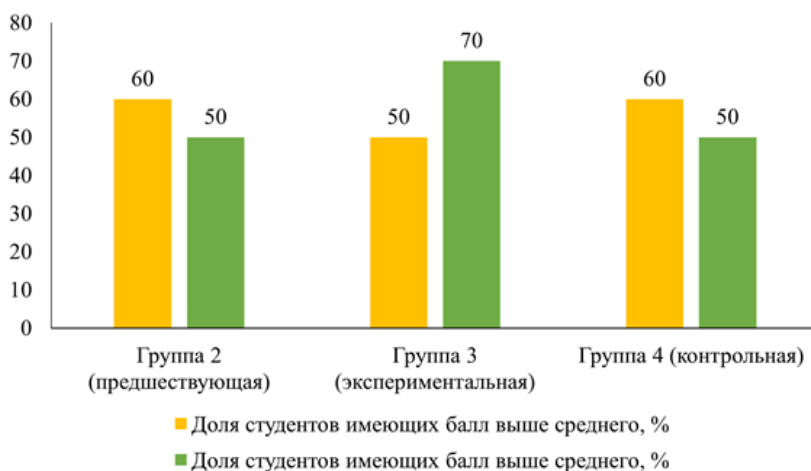

Рис. 2. Качественные показатели успеваемости обучающихся

Средний балл студентов экспериментальной группы выше, чем у студентов контрольной группы на 13 % и 14 % соответственно.

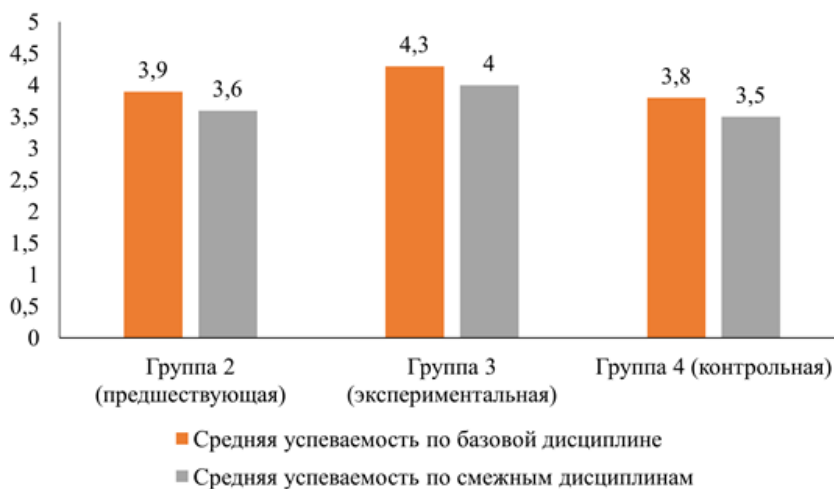

Рис. 3. Сравнение успеваемости обучающихся по базовой и по смежным дисциплинам

Также в ходе эксперимента было установлено, что обучающиеся, участвовавшие в проекте «Битва разоблачителей рекламы», по итогам промежуточной аттестации по дисциплинам «Маркетинг» и «Маркетинг на транспорте» (базовые) получили оценку 4,3, а по смежным дисциплинам – 4, в то время как обучающиеся из контрольной группы получили на экзамене по базовым дисциплинам оценку 3,8 балла, а по смежным дисциплинам – 3,5 балла.

Полученные результаты по критерию профессионального становления «Осознанность выбора места работы» представлены на рисунках 4 и 5.

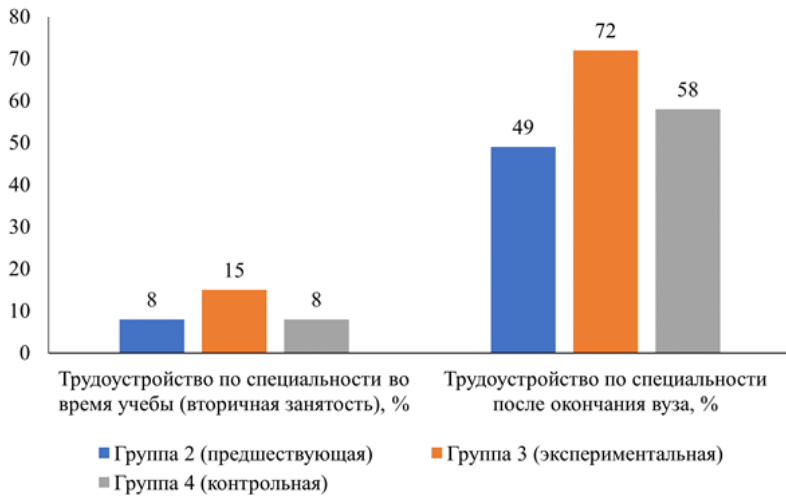

Рис. 4. Результаты исследования осознанности выбора места работы

В целом, большинство обучающихся экспериментальной группы высоко оценили свои возможности трудоустроиться по специальности. Так, 15 % опрошенных начали работать по специальности во время обучения и 72 % трудоустроились в соответствии с полученным образованием после окончания обучения в вузе.

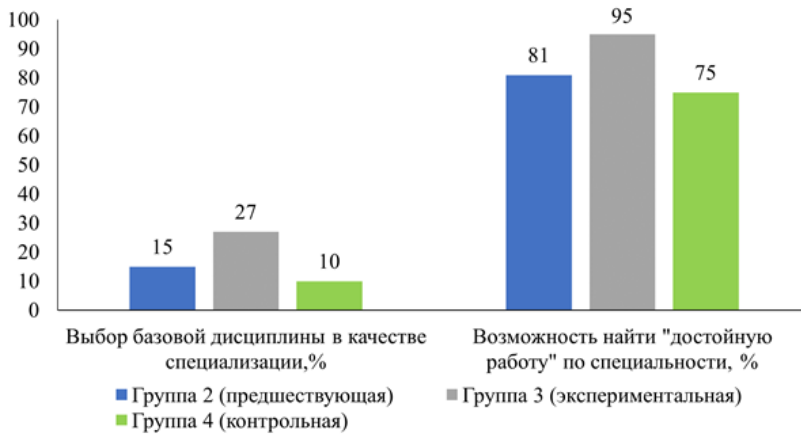

Рис. 5. Результаты исследования перспективы трудоустройства по специальности

Из контрольной группы только 10 % студентов планируют связать свою профессиональную деятельность со сферой маркетинга и 75 % полностью удовлетворены качеством полученной в вузе профессиональной подготовки.

Важной характеристикой коллектива является его сплоченность как степень приверженности его членов своей группе. Для изучения влияния участия студентов в рассматриваемом проекте «Битва разоблачителей рекламы» с соблюдением принципов коллективного способа обучения на результаты коллективообразования в студенческих группах была использована методика определения индекса сплоченности группы по Сисшору [23].

Диагностика влияния участия в проекте на динамику сплоченности проводилась в четырех группах в течение двух лет (табл. 1). Группы 1 и 3 – экспериментальные,

группы 2 и 4 – контрольные. Студенты были задействованы в проекте с октября по декабрь. В каждой группе диагностика проводилась дважды: в сентябре (до участия в проекте) и в декабре (после участия в проекте).

В таблицах 2 и 3 представлены данные для расчета групповых индексов сплоченности по всем исследуемым группам.

Таблица 2

Результаты исследования динамики сплоченности студенческих групп в 2018–2019 учебном году

Показатели групповой сплоченности	Группа 1 (экспериментальная)		Группа 2 (контрольная)	
	сентябрь 2018	декабрь 2018	сентябрь 2018	декабрь 2018
Оценка своей принадлежности к группе	2,4	3,2	3,3	3,3
Желание перейти в другую группу	3,2	4,0	3,6	3,4
Оценка взаимоотношений между членами группы	1,5	2,4	2,1	2,2
Оценка взаимоотношений с руководством группы	1,9	2,0	2,7	2,7
Оценка отношений к делу (учебе) в коллективе	1,4	2,2	2,1	2,0
Групповой индекс сплоченности (максимум 19)	11,4 (средний)	12, 8 (выше среднего)	13,8 (выше среднего)	13, 6 (выше среднего)

Видно, что в экспериментальной группе 1 групповая сплоченность до формирующего эксперимента находилась на среднем уровне с индексом 11,4, а после эксперимента повысилась до уровня выше среднего со значением индекса 12,8.

Таблица 3

Результаты исследования динамики сплоченности студенческих групп в 2019-20 учебном году

Показатели групповой сплоченности	Группа 3 (экспериментальная)		Группа 4 (контрольная)	
	сентябрь 2019	декабрь 2019	сентябрь 2019	декабрь 2019
Оценка своей принадлежности к группе	4,2	4,6	3,1	3,2
Желание перейти в другую группу	3,5	4,3	3,4	3,2
Оценка взаимоотношений между членами группы	1,9	2,5	2,0	2,1
Оценка взаимоотношений с руководством группы	2,3	2,5	2,1	2,1
Оценка отношений к делу (учебе) в коллективе	2,2	2,5	2,4	2,5
Групповой индекс сплоченности (максимум 19)	14,1 (выше среднего)	16, 4 (высокий)	13, 0 (выше среднего)	13, 1 (выше среднего)

Другая экспериментальная группа 3 также продемонстрировала значительное повышение уровня сплоченности в студенческом коллективе, групповой индекс сплоченности в ней до эксперимента был выше среднего и составлял 14,1, а после эксперимента достиг высокого уровня со значением 16,4.

Для сравнения в контрольных группах, не участвовавших в проекте, групповой индекс сплоченности с сентября по декабрь не претерпел значительных изменений. Так, в группе 2 он как был, так и остался на уровне выше среднего со значениями 13,8 и 13,6. Такая же ситуация наблюдалась и в группе 4, сплоченность осталась на прежнем уровне со значениями индекса 13,0 и 13,1.

Анализ динамики отдельных компонентов групповой сплоченности в экспериментальных группах, участвовавших в проекте «Битва разоблачителей рекламы», показан на рисунках 6 и 7.

Рис. 6. Результаты исследования компонентов групповой сплоченности в экспериментальной группе 1 в 2018–2019 учебном году

Рис. 7. Результаты исследования компонентов групповой сплоченности в экспериментальной группе 3 в 2019–2020 учебном году

Сравнительный анализ отдельных компонентов сплоченности в экспериментальной группе 1, имеющей перед участием в проекте среднюю сплоченность, показал рост по всем исследуемым параметрам. Наибольшие положительные изменения произошли в оценке студентами отношения к учебе в своей группе, в оценке взаимоотношений внутри группы и ощущении своей принадлежности к группе. Значительно снизилось желание перейти в другую группу.

Экспериментальная группа 3 перед началом проекта имела более высокий уровень сплоченности и при этом также продемонстрировала рост по всем показателям, особенно в оценке взаимоотношений в группе и в желании остаться именно в своей группе.

Анализ динамики отдельных показателей групповой сплоченности в контрольных группах, не участвовавших в проекте «Битва разоблачителей рекламы», показан на рисунках 8 и 9.

Рис. 8. Результаты исследования компонентов групповой сплоченности в контрольной группе 2 в 2018–2019 учебном году

Рис. 9. Результаты исследования компонентов групповой сплоченности в контрольной группе 4 в 2019–2020 учебном году

Видно, что показатели сплоченности с сентября по декабрь в контрольной группе 2 либо не изменились, либо отклонились незначительно в большую или меньшую сторону.

В контрольной группе 4 также не отмечено значительного изменения компонентов групповой сплоченности. Желание перейти в другую группу у части студентов и во 2, и в 4 контрольных группах даже усилилось.

Обсуждение результатов. Проект «Битва разоблачителей рекламы» был разработан и реализован с целью способствовать профессиональному развитию и профессиональному становлению студентов. Критериями профессионального становления были выбраны качество обучения в вузе, осознанность выбора места работы, успешность трудовой деятельности.

При проведении исследования мы проанализировали следующие показатели «качества обучения»: успеваемость по дисциплине, в процессе изучения которой планируется использование проектного метода и успеваемость по смежным дисциплинам экономического цикла. В качестве базовой была выбрана дисциплина «Маркетинг», смежными дисциплинами на основе междисциплинарных связей были определены «Рыночное ценообразование», «Бизнес-планирование», «Управление рисками», «Стратегически менеджмент», «Оценка инвестиций и управление проектами», «Корпоративная социальная ответственность» и «Внешнеэкономическая деятельность».

Было установлено, что использование проектного обучения способствовало повышению успеваемости обучающихся не только по базовой дисциплине, но и по смежным дисциплинам.

По критерию «Осознанность выбора места работы» были соотнесены следующие показатели: трудоустройство по специальности во время обучения и после окончания обучения; выбор специализации в соответствии с дисциплиной, в ходе освоения которой был использован проектный метод («Маркетинг»). Критерий «Успешность трудовой деятельности» был рассмотрен нами как оценивание обучающимися своих возможностей успешно трудоустроиться на должность, удовлетворяющую запросам и соответствующую полученным за время обучения профессиональным знаниям, умениям и навыкам.

Опрос обучающихся показал, что 95 % студентов из экспериментальной группы уверены в том, что они смогут найти «достойную работу», соответствующую уровню их профессиональной подготовки в вузе и желаемым требованиям, и 27 % выбирают базовую дисциплину в качестве своей будущей специализации.

Таким образом, участие в реализуемом нами проекте дает возможность обучающимся освоить профессиональные знания и получить опыт их использования при решении реальных производственных задач.

Результаты исследования совместной деятельности студентов в процессе участия в проекте «Битва разоблачителей рекламы» наглядно демонстрируют влияние совместной проектной деятельности на процессы коллективообразования в академических группах.

Экспериментальные группы 1 и 3 имели разный начальный уровень сплоченности. Группа 1 перед участием в проекте демонстрировала групповой индекс сплоченности среднего уровня. Часть студентов выражала сомнения в том, что группа сможет объединить усилия для достижения общего результата, так как не имели опыта столь длительного взаимодействия ранее. Несмотря на это, групповой индекс

сплоченности группы после завершения проекта вырос до уровня выше среднего. При этом сплоченность улучшилась по всем компонентам. Значительно повысилось ощущение своей принадлежности к группе, благоприятного климата взаимоотношений и отношения к учебной деятельности в ней. Существенно уменьшилось число желающих учиться в другой группе. Перед проектом из бесед со студентами был выявлен факт того, что староста является лишь формальным лидером, но не имеет высокого авторитета в группе. В конце формирующего эксперимента отношения между старостой и группой улучшились. Студенты объяснили это тем, что подготовка и участие в проекте дали им почувствовать ценность членов коллектива, способных взять на себя ответственность за общий результат и самим испытать трудности организации совместной работы. Экспериментальная группа 3, напротив, в начале эксперимента имела групповой индекс сплоченности на уровне выше среднего, и студенты отмечали довольно теплые отношения в их коллективе. По результатам второго этапа диагностики, участие группы в проекте также оказало влияние на показатель ее сплоченности, который поднялся до высокого уровня. Рост группового индекса сплоченности отмечен по всем его компонентам, особенно по показателю «желание перейти в другую группу». Если при первой диагностике 9 студентов из 22 проявляли безразличное отношение к тому, в какой группе они учатся, то после проекта 20 студентов выразили желание остаться именно в данной группе. В беседах они отмечали, что в процессе совместной проектной деятельности они больше узнали друг о друге, стали больше полагаться друг на друга, у них появилось больше друзей среди одноклассников.

В контрольных группах 2 и 4, не участвовавших в проекте, наблюдается совсем иная динамика группового индекса сплоченности и его компонентов в тех же семестрах, когда проводился формирующий эксперимент. Это значит, что прочие условия образовательной среды вуза для экспериментальных и контрольных групп были теми же. В контрольной группе 2 в течение семестра незначительно повысился уровень взаимоотношений внутри группы. Остальные компоненты сплоченности не изменились, а отношение к учебе и желание перейти в другую группу даже ухудшились. Несмотря на то, что в этой группе взаимоотношения были довольно хорошими и в начале периода групповой индекс сплоченности имел уровень выше среднего (лучше, чем в экспериментальной группе 1), к концу периода он даже немного понизился. В контрольной группе 4 в начале учебного семестра групповой индекс также был выше среднего и не претерпел значительных изменений к концу семестра. Однако увеличилось число студентов, желающих перейти в другую группу или выражающих к этому безразличное отношение.

Таким образом, участие в проекте повлияло на процессы коллективообразования в студенческих группах. При этом важно отметить, что для достижения этого эффекта проектная деятельность была организована специальным образом с соблюдением принципов «коллективного способа обучения» и созданием условий кооперации, когда достижение коллективной цели способствует достижению индивидуальных целей членов группы. Интеграция проекта в учебную деятельность студентов также способствовала сплочению студентов именно внутри академических групп, а не в составе других студенческих коллективов вуза.

Выводы. Проектный метод можно рассматривать в качестве инструмента педагогической деятельности, способствующего профессиональному развитию обучающихся вуза и позволяющего осуществлять профессиональную подготовку с учетом компетентностного подхода.

В ходе работы над проектом обучающиеся получили глубокие и систематические знания по базовым дисциплинам «Маркетинг» и «Маркетинг на транспорте», что позволило им получить более высокие оценки по результатам промежуточной аттестации, чем были подремонтированы обучающимися контрольной и предшествующей групп.

Участие в проекте предполагает формирование междисциплинарных связей у обучающихся, что способствует улучшению успеваемости и по другим профильным дисциплинам, предусмотренным учебным планом рассмотренных направлений подготовки.

Участие в описанном проекте «Битва разоблачителей рекламы» дало студентам возможность осознать специфику своей будущей профессиональной деятельности, увидеть особенности работы специалиста в области маркетинга, решать производственные задачи, предусматриваемые профессиональными стандартами и требованиями рынка труда для профессий «Маркетолог», «Экономист», «Менеджер».

Уверенность в полученных во время обучения в вузе знаниях, умениях и практических навыках дает возможность студентам успешно трудоустроиться по специальности как в период обучения, так и после окончания вуза.

Совместная деятельность по подготовке, организации и участию в финальной части проекта способствовала получению опыта и формированию навыков коллективной деятельности студентов.

Проектная деятельность, организованная с использованием принципов «коллективного способа обучения» (на примере проекта «Битва разоблачителей рекламы»), создает условия, способствующие формированию и развитию коллективов студенческих групп в современном вузе. В частности, участие в проекте повышает групповой индекс сплоченности академической группы (по Сишору). При этом в экспериментальных группах рост отмечается по всем показателям сплоченности, входящим в расчет индекса.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что организованная специальным образом совместная проектная деятельность студентов создает психолого-педагогические условия, способствующие профессиональному становлению и развитию студентов в современном вузе, а также формированию и сплочению коллективов студенческих групп.

Описанный в статье учебный проект по дисциплине «Маркетинг» может рассматриваться как комплексный педагогический инструмент. Применение этого инструмента расширяет возможности вузов в решении задач профессионального становления и развития студентов, а также задач формирования и развития коллективов студенческих групп и привития современной молодежи ценностей коллективизма как традиционных для народов России.

Список источников

1. Алексеева М. В. Опыт применения технологии коллективного способа обучения в образовательном процессе вуза // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2017. № 5 (5). С. 40–43.

2. Галюк Н. А. Изучение индивидуальности современного студента – основа гуманизации образования в вузе // Теория и практика гуманизации образовательного процесса: сборник. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2006. Вып. 7. С. 36–49.

3. *Гречкина Л. Ю.* Теоретические основы формирования коллектива в академической группе студентов-первокурсников // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: сборник XIV Международной научной конференции: в 2 ч. М.: Московский гуманитарный университет, 2017. Ч. 1. С. 515–518.
4. *Ефремов Д. А.* Особенности педагогического управления процессом коллективообразования в студенческой группе // Перспективы науки. 2011. № 12 (27). С. 36–40.
5. *Зайцев В. С.* Метод проектов как современная технология обучения: историко-педагогический анализ // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 52–62.
6. *Зеер Э. Ф.* Психология профессионального образования. М.: Юрайт, 2021. 395 с.
7. *Зыбина Л. Н., Мухина С. Е.* Педагогическая психология. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 317 с.
8. *Иванов Д. В.* Парадигма «человек борющийся» в традиционном российском образовании // Alma mater (Вестник высшей школы). 2005. № 3. С. 55–56.
9. *Иванов Д. В., Галюк Н. А.* Истоки гуманистических идей в психолого-педагогической теории // Теория и практика гуманизации педагогического процесса. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2006. Вып. 7. С. 262–274.
10. *Иванов Д. В., Галюк Н. А.* Введение в историю психологии профессионального образования: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. 160 с.
11. *Криса В. Б.* Профессиональное становление: понятие, позиции // Омский научный вестник. 2008. № 4 (69). С. 5–8.
12. *Лапшова А. В., Петрова Н. С., Сырова Н. В.* Инновационная проектная деятельность в учебном процессе профессиональной образовательной организации // Человек и образование. 2016. № 4 (49). С. 121–124.
13. *Мкртчян М. А.* Становление коллективного способа обучения: монография. Красноярск: Изд-во КИПК, 2010. 228 с.
14. *Мухина С. Е.* Роль самооценки личности в повышении эффективности учебной деятельности студентов // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 4. С. 3307–3319.
15. *Немов Р. С.* Психологические условия и критерии эффективности работы коллективов М.: Знание, 1982. 64 с.
16. *Петровский А. В., Шпалинский В. В.* Социальная психология коллектива. М.: Просвещение, 1978. 291 с.
17. *Пеньковских Е. А.* Метод проектов в отечественной и зарубежной педагогической теории и практике // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 307–317.
18. *Поваренков Ю. П.* Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: Изд-во УРАО, 2002. 159 с.
19. *Полат Е. С.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2010, 364 с.
20. *Рахимова Т. А., Касека И. П.* Оценка эффективности групповой работы в вузе // Профессиональное образование в современном мире. 2021. № 11 (4). С. 163–173.
21. *Решетка В. В.* Проектный метод обучения как средство реализации практико-ориентированной технологии // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 2 (10). С. 83–86.
22. *Селевко Г. К.* Современные образовательные технологии: учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. 256 с.
23. *Столяренко Л. Д.* Основы психологии: практикум. Ростов н/Д: Феникс, 2016. 426 с.
24. *Технология проектов в профессиональной деятельности педагога: монография.* Курган: Изд-во КГУ, 2013. 316 с.
25. *Тулина О. О.* Педагогические условия формирования коллектива студентов в процессе профессиональной подготовки в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2007. 24 с.

26. Философия. Философия и методология науки (понятия, категории, проблемы, школы, направления): терминологический словарь-справочник / сост. В. А. Степанович, А. В. Климович; под общ. ред. В. А. Степановича. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 277 с.

27. Щипанова Д. Е. Профессиональное самоопределение личности как построение смыслов будущего: монография. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2020. 119 с.

Информация об авторах

Д. В. Попкова – старший преподаватель кафедры экономики предпринимательской деятельности, факультет управление на водном транспорте, Сибирский государственный университет водного транспорта.

О. А. Володина – старший преподаватель кафедры экономики предпринимательской деятельности, факультет управление на водном транспорте, Сибирский государственный университет водного транспорта.

Information about the authors

D. V. Popkova – Senior Lecturer of the Department of Economics of Entrepreneurship, Faculty of Water Transport Management, Siberian State University of Water Transport.

O. A. Volodina – Senior Lecturer of the Department of Economics of Entrepreneurship, Faculty of Water Transport Management, Siberian State University of Water Transport.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 24.11.2022.

The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 24.11.2022.

Развитие человека в современном мире. 2022. № 4
Human Development in the Modern World. 2022. no. 4

Научная статья

УДК 159.9

Один день из жизни: психологический взгляд на экономическую формулу

Леонид Зигфридович Левит

Центр психологического здоровья и образования, Минск, Беларусь, leolev44@tut.by

Екатерина Ивановна Сапего

Академия управления при Президенте Республики Беларусь; Белорусское общество психологов и Белорусская ассоциация психотерапевтов, Минск, Беларусь, miltcom@tut.by

Аннотация. В статье под новым психологическим углом впервые и подробно рассматриваются составляющие экономической формулы Р. Оуэна, насчитывающей два столетия и отводящей по восемь часов работе, сну и свободному времени индивида. Авторы начинают с того, что демонстрируют и подвергают критике негативные, вредные для физического здоровья и психологического благополучия тенденции, ныне преобладающие в каждом из указанных интервалов. Затем приводятся рекомендации, основанные на данных современной науки, которые позволяют оптимизировать каждый из указанных интервалов в целях общего улучшения внутреннего состояния человека. Так, авторы советуют увеличить продолжительность сна, а также уменьшить усилия, связанные с конкуренцией и соперничеством в профессиональной деятельности. Высвободившиеся ресурсы становятся доступными в сложной творческой деятельности, предпринимаемой в свободное время в целях саморазвития индивида и получения им максимума приятных и полезных для физического и психического здоровья переживаний. Предлагается и подробно обосновывается полезность общего смещения интересов человека из «экономической» в «индивидуально-психологическую» сферу. Приводимые в статье рекомендации, обоснованные современными научными данными, оказываются поддержаны идеями К. Маркса, высказанными в середине XIX в. Согласно этим воззрениям, в обществе будущего мерой истинного богатства станет именно свободное время, а свободно выбранный творческий труд превратится в первейшую потребность, источник саморазвития человека. Аргументы, используемые в статье, позволяют информированному индивиду принять осознанные решения по оптимизации собственной жизни и повышению внутреннего благополучия.

Ключевые слова: гедонизм, депрессия, здоровье, иммунная система, позитивные иллюзии, стресс.

Для цитирования. Левит Л. З., Сапего Е. И. Один день из жизни: психологический взгляд на экономическую формулу // Развитие человека в современном мире. 2022. № 4. С. 79–88.

Original article

One day from life: a psychological view on the economical formula

Leonid Z. Levit

Center for Psychological Health and Education, Minsk, Belarus, leolev44@tut.by

Ekaterina I. Sapego

*Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus;
Belarusian Society of Psychologists and the Belarusian Association of Psychotherapists,
Minsk, Belarus, miltcom@tut.by*

Abstract. The article under consideration thoroughly regards at a new psychological angle the components of the economical formula by R. Owen, which counts two hundred years and divides 24 hours into three equal intervals, eight hours each (work, rest, sleep). The authors of the paper begin with the demonstration and critique of the negative tendencies, which are harmful for the physical health and psychological well-being of an individual. Nowadays, such tendencies prevail in each of the given intervals. Then the authors provide recommendations, which are based on the contemporary scientific data and enable to improve each of the intervals discussed in order to improve the inner state of a person in general. Thus, the authors advise to lengthen the duration of sleep as well as to decrease the efforts associated with the rivalry in the professional activity. The new released resources become available in a complex creative activity, undertaken in a free time. Such an activity is practiced for the sake of an individual self-development and the achievement of maximum pleasurable and valuable experience necessary for the physical and mental health. The authors provide and thoroughly prove the value of a general transfer of individual interests from the «economical» into «psychological» sphere. Surprisingly for the authors, our recommendations provided in the manuscript and backed by the contemporary scientific data, are supported by Carl Marx ideas, which have been proclaimed in the middle of the nineteenth century. According to these ideas, the real treasure in a future society will become just the leisure time, while a freely chosen and creative labor will turn into the main and most urgent necessity, the source of a human self-development. The proofs, used in the paper, enable an informed individual to make the right choices in her own life improvement with the aim of increasing the level of personal well-being.

Keywords: hedonism, depression, health, immune system, positive illusions, stress.

For citation. Levit L. Z., Sapego E. I. One day from life: a psychological view on the economical formula. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 4, pp. 79–88. (In Russ.)

Цель работы и предварительные разъяснения. Авторы статьи неоднократно убеждались, насколько продуктивным бывает рассмотрение научных проблем различных дисциплин через призму психологии. Мы собираемся исследовать под новым психологическим углом концепцию английского философа и экономиста Роберта Оуэна, выдвинутую им в начале XIX в. и ныне принятую (в том, что касается продолжительности рабочего времени) в качестве законодательной основы многими странами. Речь идет о формуле, которую мы для краткости будем называть «3×8»: восемь часов в сутки отводится труду, восемь часов отдыху (свободному времени) и восемь часов сну.

Нас не слишком влекут драматические коллизии, сопровождавшие внедрение такой теории в жизнь. Интерес авторов заключается в другом: за сухими цифрами мы увидели психологические закономерности, требующие анализа, обсуждения и выводов. Эти особенности, выявленные современной психологией и психотерапией, не могли быть известны два столетия назад – научная психология тогда находилась в зачаточном состоянии, а психотерапии не существовало вовсе. Иными словами, мы собираемся добавить очередные, аргументированные сведения в ответ на вопрос, как лучше (приятнее, полезнее и пр.) жить современному человеку, если он принимает к сведению научные достижения последних десятилетий и не склонен к избыточному конформизму.

Задача авторов облегчается тем, что сутки (24 часа), взятые в качестве условной единицы анализа, уже разбиты Р. Оуэном на три равных интервала, которые мы (в порядке их наиболее типичного следования друг за другом) назовем «сон», «работа» и «свободное время». Также будем исходить из того, что в течение рабочей недели «стандартные» сутки в жизни конкретного человека в значительной степени повторяются. Один из авторов статьи уже проводил лонгитюдные (2011–2013 гг.) исследования, оценки в которых выставлялись испытуемыми ежедневно через каждые 2 часа на протяжении многих недель [2], поэтому хорошо осведомлен о повторяемости большинства жизненных контекстов изо дня в день.

Для неработающих людей сутки могут быть разделены на два неравных по продолжительности отрезка – «сон» и «свободное время». Приводимые рекомендации сохраняют свое значение и в этом случае для обоих интервалов.

Как это обычно бывает, новая, впервые примененная научная «рамка» дала новую информацию. При рассмотрении каждого восьмичасового фрагмента нас, как психологов, ждали интересные открытия, приводящие к не менее интересным выводам. Начнем изложение с того, что люди в большинстве своем делают «неправильно» на каждом из отрезков. Тривиальные поначалу наблюдения, повторяясь и накапливаясь, выступая в своих взаимосвязях, способны привести думающего индивида к желанию смены жизненных акцентов – переноса центра тяжести с «экономики» на «психологию». Итак, рассмотрим всего одни сутки в обычной человеческой жизни.

Сон: что делается неправильно. Основным нарушением у большинства людей является недосыпание. Как следствие, многие важные системы и органы (в первую очередь чрезвычайно энергозатратные мозг и иммунная система, на которые суммарно приходится более 40 % энергии покоя организма) не получают достаточного времени для восстановления, происходящего при пониженной активности. Даже небольшое, но хроническое недосыпание отрицательно влияет на работу мозга, ослабляя самоконтроль, делая человека более восприимчивым к стрессу, влечениям и соблазнам [5].

Ухудшение работы иммунной системы под влиянием недосыпания ведет к увеличению паразитов в организме животных и человека и, как следствие, большей уязвимости к различным заболеваниям. Известно, что депривация сна, практикуемая в уголовных колониях по всему миру, способствует увеличению подверженности паразитическим инвазиям [7, с. 159]. Верно и обратное: резкое и беспричинное уменьшение продолжительности сна (вплоть до бессонницы) нередко предшествует или сопровождается началом серьезной болезни.

Недостаток сна сказывается не только на физическом самочувствии, но и на психическом здоровье. Так, если ослабленная иммунная система сама требует «ремонта» вследствие болезни или хронического стресса, она делает другую активность индивида нежелательной, что ощущается как симптомы *депрессии*. В частности, речь идет о вялости, апатии, отсутствии интереса к жизни, потере чувства радости и наслаждения [7, с. 157]. Испытываемая душевная боль наконец-то заставляет человека прекратить действия, чреватые социальным ущербом или напрасной тратой сил [6, с. 153] – уйти в своего рода «спячку» с целью восполнения внутренних ресурсов [6, с. 159]. И в самом деле, доказано, что продолжительный сон во время заболевания является важнейшим средством восстановления как у человека, так и у животных.

Работа: что делается неправильно. Проснувшись и, как правило, полностью не выспавшись, большинство людей идет на службу. Здесь у многих активизируются действия, связанные с конкуренцией, соперничеством и достижением личного успеха. Например, имеет место «самораздувание», которое, по мнению Р. Триверса, является доминирующим процессом в человеческой среде и, по сути, «правит миром» [7, с. 33]. Многие люди прикладывают уйму усилий по созданию образа сильной и влиятельной, «экстраординарной» личности, способной решить любую задачу. Обман и самообман индивида подпитываются позитивными иллюзиями [10] – в данном случае ложными убеждениями о «собственной уникальности», «способности воздействовать на окружающий мир» и «лучшем будущем». Лихорадочная активность подхлестывается и оптимистическими культурными призывами вроде «Раскройте свой потенциал», «Никогда не сдавайся» и т. д.

Стремление индивида поддержать высокую самооценку и продвинуться любыми способами выливается, помимо прочего, в попытки принизить окружающих, «подсидеть» коллег по работе, что ведет к возникновению и усилению конфликтов. Одним словом, на рабочем месте люди сами создают постоянный стресс, который способен отнять у них больше сил, чем непосредственная профессиональная деятельность. Ситуация абсурдна еще и потому, что выигрывают (?) в ней считанные единицы (например, получая повышение), а участвуют и расплачиваются здоровьем почти все.

Теперь предоставим слово известному психиатру: «Я лечил или пытался лечить немало высокопоставленных персон, главным образом вице-президентов компаний и университетских деканов. У многих ключевая проблема состояла в ненасытном честолюбии, не удовлетворяемом даже такими колоссальными достижениями. В ряде случаев им становилось значительно легче, когда они осознавали, что абсолютного удовлетворения подобных желаний ждать бесполезно» [6, с. 215].

Упорное стремление индивида к труднодостижимым (либо вообще недостижимым) целям провоцирует возникновение депрессии, которая буквально «затормаживает» человека и его усилия. Разное отношение к значимости личного успеха и конкуренции в культурах США и Японии дает 17 % страдающих депрессивным расстройством в первой стране и лишь 3 % во второй [6, с. 218].

Таким образом, в течение рабочего дня большинство людей испытывает как минимум двойную нагрузку – ту, что касается выполнения непосредственных профессиональных обязанностей, и ту, что связана с конкуренцией и собственным желанием «продвинуться». Такая, с позволения сказать, «жизненная позиция» поддерживается и усиливается психологическими тренингами, формирующими и под-

крепляющими агрессивное поведение в отношении потенциальных конкурентов. Названия вроде «Особая миссия нашей компании», «Повышай самооценку», «Найди себе мужа» подразумевают, что вас будут главным образом учить «работать локтями».

Что же происходит дальше, когда рабочий день заканчивается и человек в состоянии хронического стресса возвращается домой?

Свободное время: что делается неправильно. Основной проблемой во время отдыха становится краткосрочный гедонизм – стремление «измотанного» на работе и не выспавшегося ночью индивида побыстрее «забыться» и получить простые («чувственные») наслаждения, тем самым быстро и без усилий улучшив себе настроение. Распространенными примерами таких удовольствий являются употребление бесполезной для здоровья пищи, алкоголя, наркотиков, курение, быстрый секс и т. д. Столь же типичны просмотр телесериалов, пустые телефонные разговоры, интернет-серфинг.

К большому сожалению для краткосрочных гедонистов, многие простые удовольствия быстро «мельчают» вследствие действия закона адаптации (привыкания) и феномена гедонистического парадокса [3]. Упорное стремление индивида получить искомое («как в первый раз») количество удовольствия ведет к нарастанию указанного поведения и способствует формированию зависимостей (аддикций). Возникает один из «злых» парадоксов краткосрочного гедонизма: с каждым новым повтором удовольствия все меньше, вреда все больше, а отказаться невозможно вследствие привычки, эффекта потери и перспективы «ломки» [3]. Также известно, что краткосрочный гедонизм в качестве основной ориентации личности ведет к лени и ощущению бессмысленности существования [11].

Таким образом, физическое здоровье и психическое состояние индивида продолжают ухудшаться даже в условиях свободного времени, усиливая негативные эффекты недосыпания и профессиональных стрессов. Очень важно отметить, что неспособность человека к более сложным и полезным занятиям в период отдыха в значительной степени объясняется нервным утомлением и ощущаемым стрессом после рабочего дня. Впрочем, нам известно и другое: немалое количество людей выбирает краткосрочный гедонизм даже тогда, когда не страдает от профессиональной усталости, например, в период летнего отпуска. Тем не менее, если информированный субъект решит начать «новую жизнь» в период свободного времени, ему не обойтись без *предварительных* изменений (накапливающих/сберегающих энергию) на двух предшествующих 8-часовых отрезках.

Сон: что следует делать. Как отмечает Р. Триверс, «существует прямая, крепкая, положительная связь между сном, иммунной функцией и здоровьем: чем больше – тем лучше» [7, с. 158]. Многочисленные эксперименты на животных это подтверждают. Выживаемость кроликов, которым ввели искусственную инфекцию, пропорциональна продолжительности их сна. В целом, виды животных, которые спят более 10 часов в течение ночи, имеют риск заражения паразитами (вирусами, бактериями и т. д.) в 24 (!) раза ниже в сравнении с теми видами, которые спят меньше этого времени [7, с. 158–159].

Если достаточный сон положительно влияет на работу мозга и осуществляемые им психические функции, значит нет ничего удивительного и в том, что сон в итоге способствует и укреплению «силы воли» – саморегуляции и самоконтроля индивида в процессе приложения им регулярных усилий [5].

Таким образом, субъект, желающий оптимизировать собственную жизнь, должен начать с выполнения весьма банальной (однако трудновыполнимой для многих) рекомендации, связанной с ежесуточным 8-часовым сном («и пусть весь мир подождет»). Именно с отрезка «сон» следует *начинать* процесс изменений, поскольку такое состояние создает «физиологический базис», без которого последующие новации на отрезках «работа» и «свободное время» окажутся трудновыполнимыми или нестабильными.

Авторы статьи не стесняются подчеркивать неоспоримые преимущества здорового образа жизни, поскольку из своего многолетнего профессионального и личного опыта знают, что, несмотря на яркую и увлекательную рекламу, чудес в реальной жизни не бывает. Чудеса бывают лишь на словах и в несбыточных фантазиях. Наш (не такой уж и шуточный) ответ на вопрос запутавшегося в жизни клиента «Что мне делать?» звучит следующим образом: «Делать зарядку по утрам». Желательно после хорошего продолжительного сна.

Люди, имеющие возможность не ходить на службу (например, домохозяйки, пенсионеры и т. д.), получают лишь пользу от увеличения продолжительности ежесуточного сна более 8 часов. Разумеется, наша рекомендация трудновыполнима для лиц с ненормированным рабочим днем, но и тогда отрезок «сон» является более важным, чем «свободное время», которым при необходимости можно временно пожертвовать. По указанным причинам мы и поставили сон на первое (а не третье, как это обычно делается экономистами) место в перечислении всех трех интервалов. Если сон не отрегулирован, нет смысла пытаться что-либо менять (см. ниже) в работе или отдыхе. «First things first», как говорят англичане. Соответственно, любые новомодные публикации, рекламирующие «здоровье» людей, которые мало спят, являются не истиной, а обычной конъюнктурой – выражением общественных настроений, связанных с нарастающим темпом жизни.

Работа: что (не) следует делать. Поскольку наши рекомендации в этой области могут вызвать особенно сильные возражения, мы считаем необходимым дополнительно объяснить свою позицию. Авторы исходят из того, что основным мотивом для большинства работающих является получение средств к существованию. Конкретный индивид может утверждать, что любит свою работу, однако (как показывает наш опыт общения с представителями разных профессий), такой человек почти всегда дает отрицательный ответ на вопрос, стал бы он выполнять свой труд, если бы не получал за него оплату.

Для немногих индивидов с большим внутренним потенциалом (врожденный талант плюс трудолюбие), которым посчастливилось найти дело «по призванию», наши советы будут в значительной степени неактуальны. Одаренные природой люди лучше знают, как им строить собственную жизнь; не будем им мешать.

Всем же остальным мы советуем резко уменьшить усилия, связанные с конкуренцией, соперничеством, «самораздуванием» и желанием «выскочить наверх». Ведь, как справедливо отмечает психиатр Р. Несси, пробиться в «высшую лигу» можно, лишь забыв о здоровье, о партнере, о детях и друзьях [6, с. 219]. Как тут не вспомнить странный (лишь на первый, поверхностный взгляд) призыв древнегреческого философа Эпикура «Живи незаметно», а также заявление З. Фрейда о том, что человечеству, обладающему научными знаниями, следует вести себя *скромнее*. По всей вероятности, указанному принципу инстинктивно следовали одаренные от природы, но пока не достигшие известности люди. Так знаменитый философ Бе-

недикт Спиноза зарабатывал на жизнь шлифовкой стекол, в то время как Альберт Эйнштейн в молодые годы работал скромным клерком в патентном бюро.

Авторы отнюдь не призывают «отлынивать» от работы или саботировать ее определенным образом, который кратко выражен на молодежных майках. Мы просто считаем полезным и мудрым решением избавление от большей части хронического стресса, сопровождающего конкуренцию, скрытые и явные «удары локтями», а также безудержное стремление к личному успеху. Такая позиция сэкономит энергию не только для добросовестного выполнения непосредственных профессиональных обязанностей, но и (в гораздо большей степени) предоставит силы и энтузиазм, необходимые для новых видов активности, иницируемых в свободное время.

Также считаем важным еще раз напомнить о взаимосвязи и взаимовлиянии сна, профессиональной деятельности и свободного времени. Уяснение целостности концепции «3×8» и взаимовлияния ее частей позволит лучше понять перенос психологического центра тяжести с интервала «работа» на «свободное время». Раньше отдых являлся средством восстановления сил перед куда более важной (в сравнении с отдыхом) работой. Теперь же наоборот – энергию, полученную во время сна и не растрченную безвозвратно на работе, следует максимально использовать для саморазвития во время так называемого «отдыха» – теперь наиболее значимой в психологическом отношении части суток.

Свободное время: что следует делать. Достаточный сон и более сдержанное («без фанатизма») отношение к официальной профессии являются необходимыми *предварительными* условиями для перехода к наиболее эффективному использованию свободного времени. На этом отрезке индивид должен обнаружить (выбрать) и начать практиковать вид активности, которая, будучи достаточно сложной, способствовала бы его развитию и при этом приносила максимум удовольствия – отнюдь не второсортного, скоропортящегося качества, которое имеет место при краткосрочном гедонизме. В случае удачного выбора субъекту гарантированы эксклюзивные переживания типа «инсайта», «катарсиса», «потока», которые очень трудно достичь в обычной повседневной жизни.

Такая активность *должна быть сложной* по ряду причин. Во-первых, в сложной, интересной деятельности свойственная краткосрочному гедонизму адаптация (привыкание) практически не наступает. Ведь активность настолько неоднозначна, имеет столь много важных аспектов, что привыкнуть к подобному меняющемуся многообразию не представляется возможным. Во-вторых, сложная и напряженная деятельность требует определенной самодисциплины, что автоматически отвращает субъекта от разного рода вредных привычек, занимавших ранее свободное время. Парадоксальным образом отныне нечасто практикуемые простые удовольствия начинают приносить гораздо больше приятных переживаний, поскольку к ним пропало привыкание. Именно теперь индивид получает суммарный *максимум* наслаждений – причем наслаждений двух совершенно разных видов [4]. Наконец, в-третьих, потоковые переживания, умножающие внутренний потенциал человека, могут быть достигнуты лишь в том случае, если активность успешно выполняется *на пределе возможностей* индивида (еще один аргумент в пользу избавления от траты излишней энергии на работе). Основная часть ресурсов психики в этом случае направляется в сфокусированное внимание, необходимое для успешного выполнения сложных действий [9].

Известно, что уход субъекта от «золотой потоковой середины» (уровня сложности, близкого к максимально возможному), а именно выбор более простой активности, ведет к расслаблению и потенциальной скуке, в то время как выбор более сложного (невыполнимого *на текущей стадии подготовки*) уровня – к неспособности справиться с заданием, потенциальной панике или реальному разочарованию [9].

Читатель волен делать собственный выбор того или иного занятия, однако М. Чиксентмихайи при исследовании потоковых состояний сосредоточился на изучении скалолазов, шахматистов и профессиональных танцоров. Один из авторов настоящей статьи (Л. З. Левит) в течение многих лет с большим удовольствием и пользой для себя практикует первые два из трех вышеназванных видов деятельности, являясь, в частности, мастером спорта по шахматам и участником многократных успешных прохождений скалолазных маршрутов в Крыму.

Нам могут возразить, что менять жизненные приоритеты трудно. Что ж, если читателю легче болеть, недосыпать, находиться в состоянии хронического стресса и под дамокловым мечом депрессии, это его собственный (теперь уже осознанный) выбор. Еще раз напомним, что изменения должны происходить именно в перечисленном нами порядке, иначе действительно ничего не получится (по крайней мере, в рамках длительной перспективы).

«Экзистенциальное» обоснование предлагаемых рекомендаций. Авторы статьи отдают себе отчет в том, что некоторые читатели могут посчитать их бездельниками или, хуже того, вредителями, стремящимися остановить священный прогресс человеческой цивилизации (достигаемый, главным образом, благодаря росту экономики). Что ж, во-первых, напомним, что мы призываем сохранить добросовестное отношение к прямым профессиональным обязанностям, устранив лишь вредные для физического и психического здоровья «самораздувание», «подсидивание» и «соперничество» на рабочем месте. Во-вторых, внесем неприятную для многих ясность в понятие «прогресс». Нет никакого прогресса – точнее, объективные признаки *прогресса* до сих пор не найдены. Почему так? Да потому, что теория эволюции Ч. Дарвина обнаружила лишь естественный отбор в живой природе. Виды приспособляются к изменениям во внешней среде (например, обзаводятся густым мехом в период похолодания) или вымирают, если не могут приспособиться. Какого-либо «высшего замысла» для человечества или Вселенной наука не обнаружила [8]. «Смысла» в нашем (животном и случайном) существовании нет никакого за исключением того, что мы сами придумали ради сохранения зыбкого спокойствия. Зато примеров бессмысленности – сколько угодно. Если бы прогресс действительно существовал, он неуклонно приближал бы цивилизацию к некоей известной высшей цели. Но, повторимся, подобной цели не найдено. Ускоряющееся экономическое развитие (и связанный с ним ускоряющийся рост многочисленных сопутствующих издержек) ведут человечество в непредсказуемом направлении и к непредсказуемому финалу.

Поэтому не следует сгоряча обвинять авторов, использующих проверенные научные данные в целях обоснования возможностей достижения индивидом более здоровой, более приятной и насыщенной *собственной* жизни – вопреки внешней суете.

Карл Маркс – за. Когда статья была почти готова, мы обнаружили неожиданное подтверждение нашим рекомендациям в трудах К. Маркса. В частности, речь идет о том, что в обществе будущего мерой *истинного богатства* станет не рабочее,

а свободное время, и творческий труд превратится в первейшую потребность, источник саморазвития человека [1]. Любопытно, что современная психология подтвердила указанные марксистские взгляды с точки зрения их полезности для индивида спустя почти два столетия. Другое дело, К. Маркс не мог предвидеть, что далеко не каждый гедонистически ориентированный субъект в современном суматошном мире захочет сделать свою жизнь более творческой, насыщенной и полезной даже при избытке свободного времени.

Выводы. Авторы статьи минули тот возраст, когда их могли бы смутить упреки в наивности и несвоевременности предлагаемых рекомендаций. Истина, на выявление которой направлен труд ученого, остается истиной в любых обстоятельствах – кто бы что ни говорил. Персональное нежелание принять к повседневному практическому использованию советы, приводимые в статье, является, с нашей точки зрения, недалёковидным решением.

Считаем, что нам удалось не только (впервые) создать важное психологическое «наполнение» для внешне сухой экономической формулы, но и, проследив взаимосвязь и взаимозависимость всех трех временных интервалов, подвести читателя к пониманию сложности и важности каждого прожитого дня собственной жизни.

Список источников

1. Карл Маркс о свободном времени и развитии человеческой индивидуальности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.plas.by/triada/glava0.php> (дата обращения: 10.11.2022).
2. Левит Л. З. Использование методов выборки переживаний (ESM) в исследованиях счастья. Минск: РИВШ, 2014. 148 с.
3. Левит Л. З. Эгоистический и гедонистический парадоксы: психологическое исследование философских загадок // Journal of Psychology Research. 2021. № 27 (10). С. 51–58.
4. Левит Л. З. «Максимум удовольствия»: о чем говорит современная психология [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ. 2021. № 1. URL: <https://ppip.idnk.ru/index.php/arhiv?view=article&id=90&catid=17> (дата обращения: 03.11.2022).
5. Макгонигал К. Сила воли. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 312 с.
6. Несси Р. Хорошие плохие чувства. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 540 с.
7. Триверс Р. Обмани себя. СПб.: Питер, 2012. 432 с.
8. Циммер К. Эволюция. Триумф идеи. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 253 с.
9. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2012. 461 с.
10. Lane T. J., Flanagan O. Neuroexistentialism, eudaimonics, and positive illusions // Mind and Society: Cognitive Science Meets the Philosophy of the Social Sciences. Springer Publishers, 2013. P. 1–28.
11. Veenhoven R. Hedonism and happiness // Journal of Happiness Studies. 2003. Vol. 4. P. 437–457.

Информация об авторах

Л. З. Левит – доктор психологических наук, доцент, Центр психологического здоровья и образования.

Е. И. Санего – кандидат психологических наук, доцент кафедры кадровой политики и психологии управления, Академия управления при Президенте Республики Беларусь; психолог, Белорусское общество психологов и Белорусская ассоциация психотерапевтов.

Information about the authors

L. Z. Levit – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Center for Psychological Health and Education.

K. I. Sapaha – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Personnel Policy and Management Psychology, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus; Psychologist, Belarusian Society of Psychologists and the Belarusian Association of Psychotherapists.

Статья поступила в редакцию 20.11.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 10.12.2022.

The article was submitted 20.11.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 10.12.2022.

Аналитическая статья

УДК 159.9 792

Развитие традиционных культовых танцев в преломлении окон Овертона

Наталья Викторовна Соковикова

*Крымский университет культуры искусств и туризма,
Симферополь, Россия, nsok47@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются этапы подмены смыслов и языка в традиционных славянских танцах, которые выражаются в нарушении тождества числовых значений музыкального размера, ритма, темпа с ритмо-двигательными константами и вербальными рифмам, которые не согласуются с внутренними образами генетической памяти. Это приводит к нарушению изоморфизма функциональных систем, снижению национального иммунитета, социального оптимизма и деформации национального образа.

Ключевые слова: Окна Овертона, современные дионисийские танцы, традиционный танец, законы танца, образы, суть и смысл славянских и русских танцев.

Для цитирования. Соковикова Н. В. Развитие традиционных культурных танцев в преломлении окон Овертона // Развитие человека в современном мире. 2022. № 4. С. 89–98.

Analytical article

How Overton windows work in traditional dance

Natalya V. Sokovikova

*Crimean University of Culture of Arts and Tourism, Simferopol, Russia,
nsok47@mail.ru*

Abstract. The article examines the stages of the substitution of meanings and language in traditional dances, which are expressed in the violation of the identity of the digital values of the time signature, rhythm, tempo with the rhythm of motor constants and verbal rhymes that are not compatible with internal images of genetic memory. This leads to a decrease in national immunity, social optimism and distortion of the national image.

Keywords: Overton windows, modern Dionysian dances, traditional dance, laws of dance, images, essence and meaning of Slavic and Russian dances.

For citation. Sokovikova N. V. How Overton windows work in traditional dance. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 4, pp. 89–98. (In Russ.)

Сегодня наша страна стоит на пороге глобальных вызовов, порою кажется, что весь мир сошел с ума. В какую сторону качнется «маятник истории», смогут ли выжить наши внуки, когда по прогнозам теории «Открытых окон», мы уже находимся,

на той ступени внедрения аморально недопустимых явлений в обществе, согласно которой пошаговая схема опустилась на шестую ступень.

И если отступление от жизненно важных традиций предков было растянуто в веках и происходило в большинстве случаев с целью сохранения вида, то

в 1960-е гг. в СССР, когда страна восстановилась от ран войны, вдруг обозначилась «фольклорная волна», нахлынувшая внезапно и вызвавшая всплеск национального самосознания не митингами и призывами, а стихийным обращением к, казалось бы, забытому этническому прошлому. На этой волне возникло «неофольклорное» направление, получившее свое воплощение в среде профессионалов, в МГК открылась кафедра фольклора. На музыку Г. Свиридова, Р. Щедрина, В. Гаврилина и др. создавались оперные, балетные и танцевальные произведения, и это касается профессионалов, которые работают на творческой основе по вдохновению, озарению, просвещению. Параллельно создавались получившие плановое государственное финансирование фольклорные экспедиции – не будем вдаваться в подробности этого явления, известного в наше время как «распил, откат, кормушка для “избранных”». Благодаря деятельности таких коллективов появилось понятие «фольклоризм», или «вторичный фольклор». Под ними имелось в виду (применительно к нашей теме) исполнение фольклорных произведений вне контекста их естественного бытования (например, вне обряда или вне понимания, к каким религиозным обрядам относятся «ископаемые» произведения и в каких «открытых обществах» создаются) [1].

Но если рассматривать это явление, которому не нашлось русского слова для определения как «фольклоризм», то культуру еще можно было спасти, естественно для тех, у кого эта культура еще не была убита в генной памяти в результате стойкого изменения генома. В меньшей степени культурным «мутациям» подвержены профессиональные танцовщики русского или классического танцев, профессиональные вокалистов национальных ансамблей.

Именно эта «статистика» и интересовала наших новых идеологов на телевидении в 1960–70 гг., запустивших «пробный Серебряный шар», уже второй раз в истории Советской России. «Культурную революцию» должны были провести деятели культуры. Но сформировавшиеся после отечественной войны деятели культуры, чьими учителями были победители в этой войне и еще были живы, такие как Герасимов, Ростовский, Бондарчук, Твардовский, в балете Н. В. Пельцер и В. С. Костровицкая, оставшиеся в осажденном Ленинграде Т. М. Вечеслов и А. В. Лопухов, Р. В. Захаров, Л. М. Лавровский, В. И. Вайнонен, П. А. Гусев, Г. С. Уланова, как Л. Русланова, О. Лепешинская, по заказу руководства страны, работавших в прок, в тылу на победу, как и многие другие артисты, не утратившие традиционно религиозного национального мышления, записались на фронт и своим духовным участием работали на победу [4; 6].

А для участия в балете «Золушка», Р. В. Захаров писал прошение на возвращение Ольги Васильевны в тыл. Таким образом, война задержала деградацию национальной культуры вообще и танца в частности.

Несмотря на широкое исследование русской культуры танца учеными, каждым в своей проблематике, такими как А. Ф. Лосев, В. Иванов, М. Волошин, Л. Д. Блок, А. С. Фаминцин, П. Лукашевич, остаются не сформулированными истинные причины, повлекшие за собой снижение национального иммунитета у якобы просвещенной части обществ. На протяжении многих веков (почти до конца прошлого века)

традиционные пляска и песня сохранялись в народе, помогая пережить различные катаклизмы на физическом и психоэмоциональном уровне, более страшные и трагические, чем постсоветские «перестроечные».

Но до сих пор не сформулировано понимание, какие именно свойства и механизмы являются идентифицирующими, воздействующими на организм в целом. На каком этапе эволюции танец растерял свои магические свойства, несмотря на ярко выраженные национальные мелодии, сохраняющие ритмо-генетические коды и константные им движения.

Когда мы произносим слово «танец», добавляя к нему культовый, это ли является предметом наших исследований, или уже в самом понятии этого слова заключатся ложная посылка, и тогда исследование объекта ведет к парадоксальным результатам?

Противоречия сложились еще в Петровский период, и затем под лозунгом «культуру в массы», более ярко в советский период в парадигме культурно просветительной деятельности с доминантой на развлечения и увеселения, безоглядно догоняя запад. Эти противоречия в какой-то мере сдерживались авторитетом профессиональной балетной профессуры, критиками, педагогам и театральной репертуарной политикой, но за годы либеральной «Культурной революции», которую по объективным причинам в силу возраста одних и молодости других не смогли сдержать профессионалы, вылились в мутные потоки, насаждаемые назначенцами от либеральных кругов, о вкусах которых догадываться уже поздно [11].

Поэтому предметом исследования мы назовем славянские культовые пляски, игры и ликования, исходя из исследований, описанных в предыдущих работах и в монографии «История и психология русского культового танца».

Трансформацию понятий пляски, игры и ликования мы рассмотрим через призму «Окон Овертона» с целью понимания схемы пошаговой подмены смыслов и свойств культовых русских плясок, направленных на очищение души или катарсис.

Задача – вернуть профессиональный интерес к пониманию истинных смыслов и свойств плясок, формирующих национальный иммунитет, социальный оптимизм, определяющих национальную и гендерную принадлежность, константность религиозным смыслам. Эта задача является очень важной не только для воспитания личности, но и для подготовки профессионала, воспитывающего личность, и для профессионального балетмейстера. Именно религиозная сущность пляски-ликования, игры (сохранившееся древнее название танца у сербов, или ракса у арабов, или хорос у греков) и определяет константность этического и эстетического начал сущности танца. Это понимание также важно для дальнейших исследований и решения практических задач, связанных с реставрацией смыслов и определения истинных понятий, которые и являлись характеристикой этноса. С помощью же поклонения чужим богам, в сознание даже высокоморального общества можно насадить любую аморальную идею.

Когда в 1986 г. Господин Вульф вернулся из Парижа с международного конгресса, он доложил молодым балетмейстерам, специально приглашенным на конференцию в Союз театральных деятелей, о необходимости пересмотреть свое отношение к классическому и народному танцу как пережитку и перестроиться на модерн, в свете грядущего Армагеддона. Молодые балетмейстеры восприняли это сообщение как иронию шекспировского Горацио: «Что помешает мне смеяться говорить о тех глупостях, что совершают умные люди? “Армагедон”? Это немисливо,

невероятно», – первая реакция профессионалов и здравомыслящих людей. Однако уже в то время с помощью телевидения были привлечены выпускники московского института культуры, не имевшие базового хореографического образования для воплощения этой идеи в массы.

Тогда Овертон еще не сформулировал свою концепцию, но подобные сценарии уже существовали в истории много веков, и трудно было себе представить, что танец модерн с его «измами» – это уже Пятое окно. Популярно в капиталистическом мире – модно у нас.

В настоящее время эти танцы стали нормой, внесены в учебные планы и становятся более популярными среди студентов, увеличивая «водораздел» непонимания смысла традиций и предложенных им предметов для обучения. Можем ли мы противостоять этому процессу? Попытаемся определить те окна, в которых танец теряет свои свойства и смыслы.

Но предварительно уточним, что танец, это изначально религиозное понятие: «Танец (пляска) – это ликование в нас Бога, поскольку тело – это визуальное письмо Бога, содержащее свои ключи к каждой из Богом данной мелодии. Тело – это книга. Нужно научиться читать ее, овладев законом записи, законом аналогии, законом гармонии и многими другими знаниями, которыми мы можем поделиться с окружающими, если владем языком перевода музыкальных звуков в танцевальное движение, то есть в танец», – цитировал Василия Великого С. Н. Худеков [8]. Стоит понимать, что, когда

С. Н. Худеков писал свой труд, в России уже укоренилось понятие танец (*Dans*), наступал декаданс, созрел атеизм как идеология будущей социалистической государственности. Разумно было подчинить танец и культуру в целом атеистической идеологии. Появились танцевальные направления, по сути – новые маски дионисизма, идеологи которого пытались опустить танцевальное искусство на четвертую ступень Овертона. Постепенно, но не повсеместно, пляски стали терять религиозные смыслы, в основном в столицах, но пляски были живы в глубине России почти до середины XX в. И не случайно первые ансамбли назывались ансамблями песни и пляски.

В 536–538 до н. э. в Элладе, населенной пеласгами и эллинами, произошла религиозная революция, на смену Аполлинизму пришел Дионисизм. В Риме, завоевавшем Грецию, со всеми ее пороками, как пишет И. А. Ильин, религиозная революция произошла 509 г. до н. э. Славяне были изгнаны из стран победившего дионисизма, оставшиеся на завоеванных территориях стали называть Хоросы (Хороводы) Вакханалиями и Сатурналиями, чем исказили саму суть пляски и ее генетическое предназначение и связь с Создателем.

Со сменой религиозной доктрины поменялась суть обряда, стали поклоняться чужому богу, точнее не богу, а клону Дионису и бесам. От танцев, созданных по закону и образу Аполлона-Хороса, к танцам без образов, смыслов и морали – Дионисиям. От танцев жреческих к танцам шаманским. Эти танцы стали легитимизированы. Открылось окно. Радикально – то что было неприемлемо для аполлинической эстетики, при дионисизме стало приемлемо на многие века, после греко-римских революций и переписывания истории. «Что носило имя Пеласга, будет носить имя мое», сказал Данай, вступая на землю Эллады.

«Наиболее свободолюбивые славяне, не желающие потерять свою идентичность, не желающие духовного плена, в стремлении сохранить свою веру, обычаи предков

уходили все дальше и дальше на север. <...> Так как в ритуалах Солнечного культа, посвященного четырем солнцам, были заложены механизмы очищения от скверны и укрепления внутреннего самосознания, соборности и самоидентификации» [10, с. 337]. На новых местах обитания, славяне возрождали свою религию и богов, с традиционной обрядностью, с играми и ликованиями, о чем мы пишем выше, цитируя Фрезера, что, собственно, и прочел Г. С. Гриневич, расшифровав Фестский диск [3].

Естественно, для славян новым возрожденным богом, в противовес безнравственному Дионису, стало Новое Солнце Христос – бог славян, как утверждал Дж. Бруно, которое рождается каждые 600 лет: «...на Большом разрыве Млечного пути проходя через черную дыру. При этом Большой разрыв Млечного пути – это нечто типа «Космических родовых путей». Однако Колинз пишет, что оттуда ежегодно рождается “Младенец РА”, то есть из созвездия Лебеда» [5]. Началась новая эра. Обнуляется Волна времени, определяющая ключевой момент эволюции Человека.

Появилась множество религиозных течений, которые хотели возглавить институт религиозной власти. Это привело к расколу, на Первом Вселенском соборе Константина в Никее в 325 г. Отразилось это и на танце. В восточной церкви танец остался в литургии, в западной церкви солнечные и радостные музыкальные темы раннего Христианства заменены на темы *DIES IRAE* и *DANS MACARB*, с постоянным напоминанием «*memento mori*» а затем и вообще танцы были изгнаны из католической литургии.

С. С. Мокульский в своем фундаментальном труде «История западноевропейского театра» приводит ссылки на энциклики католической церкви о запрещении или разрешении славянам пользоваться ритуальными хорами и хороводами в христианские праздники после официального принятия христианства, а также цитату одного из Сирийских авторов: «Когда церковные власти поняли, что христиане сохраняют пристрастие к тому или иному празднику, они решили, какие культовые сценарии можно оставить в церкви для привлечения паствы <...> Отцы церкви перенесли празднование с 6 января на 25 декабря», [7] чтобы не упустить свою десятину.

Для западных славян, танец запрещался не только в церкви, но и в быту. Процесс окатоличивания был кровавый, растянулся на несколько веков. Танцы то запрещались, то разрешались с изменениями вербального смысла, то подменялись музыка и лексика, то адресность благодарения.

Отсутствие полноценных религиозных культов не давало людям возможности удовлетворять собственную органическую потребность в песнях и плясках, необходимо было каким-то образом это возместить. По примеру греческой Афинской республики Перикла, в Испании, Италии, затем во Франции стали развиваться театры, в которых перед спектаклями разрешалось танцевальное представление. Началась «эпоха» светских танцев, которые получили новую жизнь на сцене и на придворных балах. В период раннего Возрождения торжественные балльные бас-дансы были сдержанные и целомудренные, исполняя которые в репризах даме можно было обнажить только стопу, а держать дам можно было только за кисть или запястье. Танцы также исполнялись супругами. Это было приемлемо. Но постепенно этими условиями стали пренебрегать. Появились парные танцы бранли, которые допускали более свободные отношения. Несмотря на то, что это веселые танцы, но оптимистичными их назвать нельзя, они уже не содержат образ бога или героя, они не структурированы, часто импровизационные, исполняются либо по кругу

против солнца, либо не имеют рисунка. В таких танцах чаще всего сублимируется сексуальная энергия, получение удовольствия от процесса танцевания. Их безобразность, бессмысленность, легкость исполнения стали так же приемлемы в определенных слоях общества. Мы видим их на полотнах Питера Брейгеля, описаниях писателей, драматургов. Эти танцы выродились в танцы «дураков» (*des danse les sots*), во Франции исполнялись перед собором на площади, описанные Виктором Гюго, все это привело к танцевальной чуме

в XV и XVI вв. во Франции, Австрии в Вене, и повторилась в Страсбурге и других городах по Рейну.

В XVI в., при Иване Грозном, скоморошья безнравственные безобразные танцы, словно эпидемия, занесенные на Русь бродячими ватагами, с простейшим набором движений и простейшими ритмами, проникли в литургию, поэтому в 1551 г. постановлением Стоглавого собора было запрещено исполнять танцы в литургии [9]. Запреты касались скоморошества, но на деле они оборачивались в большей степени против танцев религиозных, которые не случайно были приняты в раннее христианское богослужение и стали называться хороводами с прилагательными: Рождественские, Крещенские, Троицкие, Купальские и т. д., как в храмах, так и в быту.

Оставшись только в народе, пляски, не меняя языка танца, музыки и слова, стали называться народными, по сути оставаясь традиционным культовыми, сохраняя подтекстовый смысл: Ликование Хороса, Ликование Ярилы, Ликование Тарха и Тары, пляски и ликования в честь Коло и Коляды, пляски Перуна и Пирры, пляски Ладейные, пляски Лелейные, т. е. первозданные (истотные) названия плясок подтекстно остались константны именам русских богов и самого Солнца (РА, т. е. Игра, читая По Пл. Лукшевичу двукорядью Игра – истинный путь энергии первоздания), что и является доказательством религиозности русских плясок, которым могут служить его названия: Хоровод (Хорос, Хора, Хоро, Хору), Колядки (Коло, Кола, Коломийка), Тарантелла, Яриленки и Купаленки, Ладейные, Лелейные, Пиррихи, однако вербальный кодификационный смысл постепенно стал забываться.

Официально двоеверие на Руси сохранялось до XIII в., неофициально до XVIII, а в глубинке и до 1990 г. Однако вне церкви культовые танцы стали более уязвимыми. Именно изгнание танца из литургии, принесло большой вред, поскольку дионисийская свобода от законов стала неконтролируемой.

С точки зрения психологии, константы национальных танцевальных смыслов культовых танцев формируют как сознательные, так и бессознательные образы, включенные в систему культовой обрядности. Чем богаче пантеон богов, ярче и точнее проработаны сценарии богопочетания, тем богаче сценарий жизненных ситуаций участников культа, тем больше константных образов формируется одновременно в эмоциональной, интеллектуальной и психомоторной сферах, определяя тем или иным образом характер поведения человека в социуме, тем богаче духовный мир человека.

Именно потому, что русские танцы, ушедшие в народ, сохранили константные смыслы, хоть и подтекстовые, их воздействие на психику оставалось достаточно сильным, но не целостным, а фрагментарным, поскольку вне культа танцы исполнялись избирательно, в разных районах по-разному и в разное время года.

Однако к событиям, снизившим не только гармонизирующее воздействие пляски на человека, но и нанесшим колоссальный удар по психике народа, нации, можно отнести реформу Петра I, который в 7207 году от «Сотворения мира» издал

указ, согласно которому на четвертом месяце, после 31 декабря текущего 7207 года по византийскому календарю, наступил январь 1700 года. Невероятно, люди жили в 7297 году, а утром проснулись 1700?

Дальше жители Петровской столицы должны были участвовать в ассамблеях и танцевать западные, в основном, немецкие и голландские танцы, примитивные и безобразные. Петр предложил своему народу, уходившему от данайцев, чтобы сохранить свою идентичность, танцы победителей их предков, славя чужих героев, своих победителей в невидимой войне. Еще Гомер в «Илиаде» предрекал: «Бойтесь данайцев, дары приносящих» [2], а Вергилий перефразировал в Энеиде: «Бойтесь данайцев и дары приносящих». Именно при Петре I в русский язык вошло слово «танец», подменив собою понятия пляска и ликование.

Но радикально это стало даже не столько из-за подмены самого процесса танцевания, а из-за нанесения психической травмы своим подданным из-за того, что были выброшены 5508 лет из истории славянства, с культурой, укладом, бытом, с богатейшим наследием песенной и танцевальной культуры.

Обучение примитивным «DANSam» при Петре I стало обязательным. Многие искусствоведы считают, что Петр I возродил танец, но это был уже светский танец, потерявший вербальный смысл, а также безобразный. Современные голландцы шутят над собой: «Может ли народ, у которого приветствие «Хойдаг», произносимое через буквы “o”, ближе к “y”, иметь приличные танцы?» Для исполнения этих танцев не нужно было знания законов, обладания высокой техникой исполнения, артистизма, манеры и вкуса. Но эти танцы легко усваивались ленивыми боярскими детьми, и загадочно и «романтично» звучали для неискушенного уха: паспье, бурре, менуэт, бранль, вальс и т. д., которые, по сути, даже не были голландскими, но на голландский манер плохо произносимыми.

В связи с тем, что традиционный культовый танец был вытеснен на «задворки», а в городах после реформы Петра стал распространяться «светский» танец, переродившийся в мещанский, менялась психология, т. е. снижался национальный иммунитет и вкус эго класса. Обучение танцу было сосредоточено в руках иностранцев и передавалось из рук (иногда «не чистых») в руки и из ног в ноги (иногда «косолапых»). Бытовой танец приобрел негативный характер.

После этих танцев балетные танцы, привнесенные французами, прошедшими реформы Людовика XIV, восстановившего культ Солнца и танцы этого культа, а также итальянские танцы, в которых был заложен хоть какой-то смысл, образ, идея возрождения жизни, цикличность ее обновления (что важно для русских) оказался приемлемым.

Во Франции танец, называемый «серьезным», в России получил название «классический», а с развитием балетного образования и расширением балетного языка даже стал казаться разумным.

Каким образом реформа Людовика оказалась более близкой по духу русским? Провозгласив себя «Королем Солнцем», Людовик сохранил законы танцеобразования солнечного культа, принципы единства ритма, темпа, музыкального размера, ладогармонического строя и содержания, а главное сохранил идею оптимизма, основанную на энергии созидания. Все эти законы и принципы формировали механизмы национальной идентификации, поскольку композитор, балетмейстер и педагог были в одном лице, возрождая жреческий подход к культуре танца, предаваемый ему бабушкой Медичи, внучкой этруска и матерью Анной Австрийской, в венах которых текла славянская кровь.

И если Людовик национальными танцами сплотил аристократию, поднял национальный дух, патриотизм и социальный оптимизм, закончив 30-летнюю войну, то Петр своей реформой снизил национальный оптимизм знати и ее окружения, а примитивные и безобразные голландско-немецкие танцы формировали комплекс неполноценности и стремление все глубже погружаться в чуждую культуру.

Однако в глубине России народ сохранил комплекс плясок солнечного культа, которые исполнялись не просто на определенные календарные события, а на праздники Великих солнечных богов, олицетворяя космическую гармонию, т. е. были изоморфны.

Это божественное единство музыки и музыкального движения в танце достигается путем совмещения внутренних и внешних ритмо-двигательных, музыкально-ритмических, вербальных кодов с музыкальными, танцевальными и вербальными ритмами и рифмой в единую форму, структура которой, резонируя с космической гармонией сфер, как языком богов, обеспечивает обратную связь. Танец становится тождественен божественным смыслам, зашифрованным в музыке, музыкально-ритмических, вербальных ритмах и рифме, формируя внутреннего «цензора», защищая главным образом ребенка от негативных влияний.

Чем сильнее ощущает человек гармонию и связь со всем сущим на Земле и во всей Вселенной, тем быстрее происходит его развитие, духовный рост. Если он находится в согласии с собой и окружающим миром, его энергия и сила пребывают в состоянии равновесия, умиротворения, что напрямую связано с состоянием здоровья. Поэтому соборность – основное свойство и качество славян, которое формируется в хороводах чаще с пением «а капелла» и соборными танцами, ибо музыка и танцы, в которых сконцентрированы ритмо-генетические коды как родовые константы, формируют культурную идентичность, душевность, духовность, интеллект и логику, свойственную целостной личности, представляющей собирательный образ народа.

У людей танцующих, радость – это не просто радостное настроение без причины, это настройка инструмента, т. е. нашего тела, души и духа через музыку, на тот двигательный и пластический образ, который несет музыка и настраивает внутреннюю гармонию на гармонию сфер, т. е. на космический камертон Ра, ибо внутреннее состояние синонимично Свойству Ра.

Славянские пляски формируют меру устойчивости человека как единой биологической системы благодаря устойчивости, константности, идентичности функциональных систем, а также наличию лингвистического изоморфизма между системой-оригиналом и системой-моделью.

Танец константен. Как числовая структура, метр, ритм, рифма, темп он гармонирует личность. То есть константность вербального рифмованного поэтического языка, музыкальный ритм и двигательный ритм обеспечивают стабильность и синхронизацию внутренних и внешних ритмов в соответствии с принципами всеобщей гармонии.

Космическая Гармония – это закон единства земного Бытия и Космоса как Целого, который есть и путь, и смысл и цель Вселенской Божественной гармонии в данной форме. Главное нарушение Космического Закона Единства – это обособление единицы от целого, т. е. человека от Природы.

Исторические факты свидетельствуют о том, что как только общественная культурная мысль выходила за рамки религиозного восприятия мира, начинал под-

ниматься дионисизм с его идеями свободы и анархии, которые являются предшественниками национальных катастроф и приводят к победе интернациональные, наднациональные или откровенно фашистские силы.

Пройдя через разумное Золотого XIX в. дионисизм уже в 90-е годы начал вползать в русскую культуру. Чем выше были достижения в различных областях культуры, в частности в балете у Крошек Цахес, тем чаще появлялось более страстное желание присвоить все это себе.

Сегодня совершенно очевидно, что все признаки указывают на видимую победу дионисизма. Пережив эпоху постмодернизма, когда все идеи перебрали, отлично понимаем, что это четвертый этап концепции «Окон Овертона», радикально изменивший понятие «культура», приведший население к восприятию разумности неразумного, новой норме.

Неразумно переставлять классические балеты языком уличных танцев, но это стало нормой. Неразумно уничтожать национальные танцы, которые носят имена национальных богов и героев – норма. Неразумно пропагандировать идеи антропофагии, каннибализма, гомосексуализма, неразумно воспевать предательство и подлость, неразумно тратить время на пустые развлекательные телепрограммы, где бесталаные Брежнева, Сигалова и им подобные на языке Элочки Людоедочки обсуждают таланты молодых людей. Неразумно, когда дионисизм проникает в образовательные учреждения культуры и образования, в частности дошкольные. Преступно прививать детям знания, не соответствующие их возрастному развитию, отравлять вкус «хип-хопами, брейк-дансами» и прочими безобразными танцами, наносящими вред прежде всего душе.

Но, к сожалению, мода и испорченный вкус делают разумно понимаемые неразумные явления стандартом, нормой.

Стандартно изучать русскую душу по западным учебникам. Стандартно, имея свою балетмейстерскую школу, единственную в мире, приглашать недоучек иностранцев. Стандартно отпускать своих великолепных танцовщиков на чужие сцены. Стандартна утрата этнокультурного чувства самосохранения, восприятие к идеальному. Стандартна подмена социальных гендерных ролей в обществе. Стандартна демаскуляризация и феминизация. Стандартна толерантность к недоученным иностранцам, которые зачастую бывают нетрадиционной ориентации, чьи балеты не выдерживают и года. Стандартны доводы балетных критиков, и не только о низкой культуре зрителя, но и о собственной культуре, понаслышке знающих свой предмет. Невероятно, что мы, такие образованные, покорно загоняем себя в стойло «недоумков недокультуры» и это уже становится нормой.

Свод негласных законов, которые обеспечивают «каннибалам» свободное поедание нашей национальной культуры, пережил уже несколько нормальностей и последний начался с физического уничтожения сначала интеллектуальной элиты: композиторов, драматургов, балетмейстеров, режиссеров, и подходит к финальной стадии окончательного уничтожения балетных трупп, которые дорого держать, обеспечивая им форму и продажу наших звезд.

Всякий голос, поднявшийся против тотального безумия на наших сценах, на которых ставили лучшие балетмейстеры мира, танцевали лучшие танцовщики, лучшие оперные и драматические режиссеры будет караться, как посягающий на свободу и права человека, а точнее людей, к которым общество должно быть особенно толерантным, так как эти люди страдают хроническими заболеваниями духовной

недостаточности. Следовательно, массово насаждается понятие порочности тех, кто выступает против свободы самовыражения. Их называют человеконенавистниками и людьми ограниченного умственного диапазона, выжившими из ума, поводырями которых должны быть новые Дягилевы с полным комплектом ЛГБТ-сообщества, чтобы окончательно обескровить русский балет и на смену ему внедрить перформансы, как комбикорм для скота перед закланием.

Список источников

1. Анохин П. К. Теория функциональной системы // Успехи физиологических наук. 1970. Т. 1, № 1. С. 19–54.
2. Гомер. Илиада. СПб.: Вита-Нова, 2006. 656 с.
3. Гриневич Г. С. Праславянская письменность (результаты дешифровки) [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/grinevich_gennadiy/praslavyanskaya_pismennost_rezultati_deshifrovki.html#0 (дата обращения: 10.11.2022).
4. Диакон Л. История. М.: Наука, 1988. 256 с.
5. Коллинз Э. Мистерия созвездия Лебедь. М.: Эксмо, 2008. 371 с.
6. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1992. 130 с.
7. Мокульский С. С. История западноевропейского театра. М., 1936. 218 с.
8. Собрание сочинений святителя Василия Великого: в 2 т. М.: Сибирская Благовонница, 2008. Т. 1. Творения. 422 с.
9. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. А. Д. Горского. М., 1985. С. 242–500.
10. Фрезер Д.-Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политическая литература, 1986. 703 с.
11. Худеков С. Н. История танцев: в 4 ч. СПб.: типография «Петербургской газет», 1913. Ч. 1. 303 с.

Информация об авторе

Н. В. Соковикова – Академик ПАНИ, почетный профессор молодежного университета (Ю. Корея), кандидат психологических наук, доцент, член CID UNESCO, балетмейстер-постановщик, Крымский университет культуры искусств и туризма.

Information about the author

N. V. Sokovikova – Academician of PANI, Professor Emeritus of Youth University (South Korea), Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Member of CID UNESCO, Ballet Director, Crimean University of Culture of Arts and Tourism.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 06.11.2022; принята к публикации 07.11.2022.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 06.11.2022; accepted for publication 07.11.2022.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в рецензируемом научном периодическом журнале «Развитие человека в современном мире», отражающем проблемы современной теоретической и практической психологии. Журнал выходит 4 раза в год.

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет».

Журнал адресован преподавателям вузов и средне специальных учебных заведений, научным сотрудникам, практикующим психологам и педагогам, аспирантам, соискателям, магистрантам и студентам в психолого-педагогической области.

Авторами публикаций в журнале являются профессорско-преподавательский состав вузов, докторанты, аспиранты, магистранты, работники системы общего и дополнительного образования.

Требования к статьям и условия публикации в журнале.

1. Общие положения.

1.1. Редакцией не принимаются к рассмотрению материалы публиковавшихся ранее научных статей, а также материалы, не соответствующие изложенным требованиям и рекламные материалы.

1.2. Аспиранты, соискатели и магистранты, публикующиеся самостоятельно (не в соавторстве с научным руководителем) предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

1.3. Редакционная коллегия производит отбор поступивших материалов и распределяет их по рубрикам. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей с сохранением авторского варианта научного содержания. В случае необходимости редколлегия вступает в переписку с авторами по электронной почте и может обратиться с просьбой о доработке материалов. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не публикуются и почтовой пересылкой не возвращаются.

1.4. Вознаграждение (гонорар) за опубликованные научные статьи не выплачивается.

1.5. Автор (соавторы) в соответствии с приведенными ниже требованиями и условиями оформляет необходимые материалы: сопроводительные документы и рукопись статьи в электронном виде. В электронном виде материалы передаются по электронной почте.

1.6. Дополнительные условия публикации высылаются по запросу по электронной почте.

1.7. Редакция имеет право частично или полностью предоставлять материалы научных статей в российские и зарубежные организации, обеспечивающие индекс научного цитирования, а также размещать данные материалы на Интернет-сайте журнала.

2. Требования к материалам и рукописям.

2.1. Автор предоставляет в редакцию текст статьи и заявку в виде отдельных файлов в редакторе Microsoft Word. Аспиранты, соискатели и магистранты, публи-

кующиеся самостоятельно (без соавтора с научным руководителем) также прилагают отзыв научного руководителя на статью.

2.2. Рукопись статьи должна включать в себя текст статьи, а также пристатейные материалы:

- а) УДК (на русском языке);
- б) данные об авторе (на русском и английском языках);
- в) заголовок статьи (на русском и английском языках);
- г) аннотация (на русском и английском языках);
- д) ключевые слова (на русском и английском языках);
- е) список литературы (на русском языке, в алфавитном порядке).

2.3. Объем статьи может составлять до 20 тыс. печ. знаков. Рукописи, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению по согласованию с редакцией. Текст печатается в формате Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5. Поля страницы – по 2,5 см с каждого края.

2.4. Аннотация должна соответствовать содержанию статьи. В тексте аннотации необходимо указывать цель работы, методологию исследования, основные достижения и выводы. Текст должен отличаться содержательностью, компактностью и отсутствием лишней для читателя информацией. Приветствуется следование структуре статьи. Объем аннотации – 1 000 знаков (не менее 100–250 слов и не более 300 слов). Шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, выравнивание по ширине.

2.5. Ключевые слова: 5–10 слов, по которым статьи могут быть найдены в электронных поисковых системах. Шрифт Times New Roman, кегль 11, интервал одинарный, отступа первой строки нет, интервал после абзаца 12 пт.

2.6. Список литературы. Помещается в конце статьи после подзаголовка. В список должны войти научные источники, отражающие современное состояние исследований по проблеме. Список оформляется в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках, помещаются после упоминания в тексте соответствующего источника и содержат номер указанного источника в списке, при цитировании – страницы.

2.7. Рисунки и таблицы. Текст статьи может включать таблицы, а также графические материалы (рисунки, графики, фотографии и др.). Данные материалы должны иметь сквозную нумерацию и названия. На все таблицы и графические материалы должны быть сделаны ссылки в тексте статьи. При этом расположены данные объекты должны быть после ссылок на них. Шрифт надписей внутри рисунков, графиков, фотографий и других графических материалов Times New Roman, размер кегля 12, межстрочный интервал 1,0 (одинарный). Рисунки и схемы сохраняются как картинки (они не должны быть редактируемыми в текстовом редакторе Word).

3. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей.

3.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

3.2. После получения материалов научной статьи ответственный секретарь проводит оценку правильности оформления и достаточности полученных материалов. В случае отклонений от установленных требований материалы возвращаются автору по электронной почте на доработку.

3.3. Зарегистрированные материалы научной статьи направляются для рассмотрения на рецензию. Рецензирование рукописей статей, представленных для публи-

кации в журнале «Развитие человека в современном мире», организуется редакционной коллегией. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на редакционную коллегию.

3.4. К рецензированию привлекаются ученые, имеющие признанный авторитет и работающие в области знаний, к которой относится содержание рукописи.

3.5. Рецензенты обращают внимание на следующие вопросы: соответствие названия статьи ее содержанию; соответствие аннотации содержанию статьи; актуальность данной темы; новизна данной темы (данного исследования); теоретическая / методическая направленность данной работы; теоретическая / практическая значимость данной работы; терминологическая база работы, ссылки на другие источники и цитаты; использование научных библиографических источников, индексированных в базах данных (РИНЦ, SCOPUS). При положительной рецензии статья включается в план публикации соответствующего тематического раздела журнала. Автора уведомляют о включении статьи в план публикации. Сроки и очередность опубликования устанавливаются редакцией с учетом количества статей, находящихся в плане публикации соответствующего тематического раздела журнала. При получении рецензии на статью с замечаниями о возможности опубликования ответственный секретарь направляет автору по электронной почте рукопись статьи с формулировкой «На доработку» с замечаниями.

3.6. Редакция оставляет за собой право отклонения статей. В случае отклонения рукописи рецензентом автору направляется мотивированный отказ.

3.7. Статьи аспирантов, соискателей и магистрантов принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя.

3.8. Все статьи должны пройти оценку в системе Антиплагиат. К рецензированию допускаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 90 % (проверяется весь текст статьи, за исключением библиографического списка).

3.9. В связи с размещением журнала в системе РИНЦ с авторами заключаются договоры, предусматривающие передачу авторских прав на конкретную статью издателю журнала. Договор в бумажном виде привозится автором лично, отправляется по почте России, либо сканированный вариант подписанного договора высылается на электронную почту.

Наш адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская 28, НГПУ, кафедра общей психологии и истории психологии.

Тел./факс: 8 (383) 244-00-95.

E-mail: ngpu2008@mail.ru, razv.cheloveka.journal@nspu.ru